

история / география / этнография

Пираты британской короны
Фрэнсис Дрейк и Уильям Дампир

Ким Малаховский

Пираты британской короны Фрэнсис Дрейк и Уильям Дампир

Ким Малаховский

Ломоносовъ
издательство

Ким Малаховский

Пираты британской короны Фрэнсис Дрейк и Уильям Дампир

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2010

УДК 929
ББК 63.3
М18

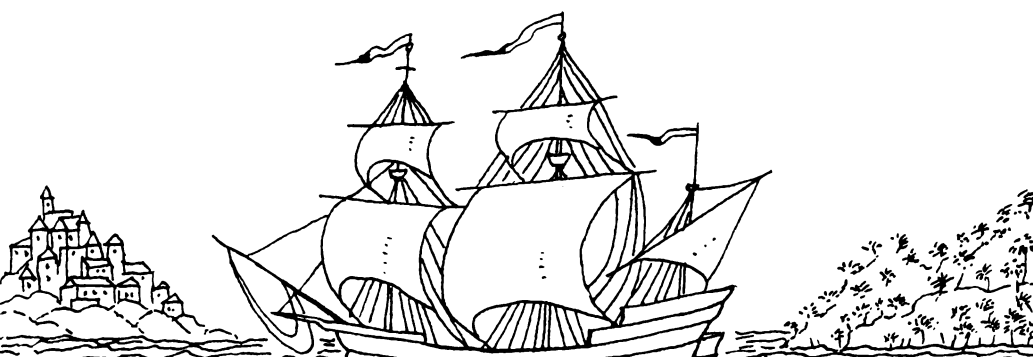
Иллюстрации И. Тибиловой

ISBN 978-5-91678-072-7

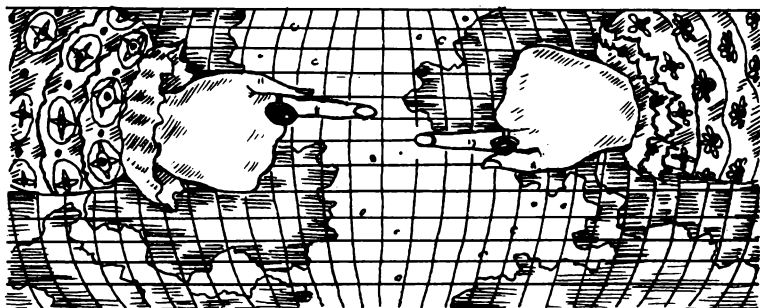
© К. Малаховский, 2010

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2010

Кругосветный бег «Золотой лани»

Глава первая Линия раздела

|

Поздней сентябрьской ночью 1567 г. английский посол в Москве А. Дженкинсон был неожиданно вызван к царю Ивану IV. Скрытыми переходами царь сам вел гостя в свой терем. Там в присутствии лишь одного советника, Афанасия Вяземского, через толмача Р. Рюттера Грозный дал ему тайный наказ передать королеве Елизавете, что «царь Московский убедительно желает, чтобы между ее королевским величеством и им была вечная дружба и любовь, которые будут началом для дальнейших переговоров... чтобы ее королевское величество и он были за одно соединены (против всех своих врагов); т. е. чтобы ее величество была бы другом его друзей и врагом его врагов и так же наоборот и чтобы Англия и Россия были заодно». Больше того, царь велел передать Елизавете, «чтобы между ним и ее королевским величеством было бы учинено клятвенное обещание, что если бы с кем из них случилась беда, то каждый из них имеет право прибыть в страну другого для сбережения себя и своей жизни и жить и иметь убежище без боязни и опасности до того времени, пока беда не минует и Бог не устроит иначе; и что один будет

принят другим с почетом. И хранить это в величайшей тайне»¹.

Царь очень спешил; он требовал, чтобы Елизавета ответила ему к «будущему Петрову дню»² (29 июня 1568 г.), т. е. с весенними кораблями. Стараясь сохранить достоинство, Грозный искал возможность укрыться от угрожающей, как ему тогда казалось, смертельной опасности. Царя повергли в ужас слухи о заговоре бояр в земшине. Такое с ним случалось не раз. Подобные известия сначала леденили ужасом душу царя. Но, быстро придя в себя, он жестоко расправлялся с действительными, а по большей части мнимыми виновниками. Но прошел назначенный срок, а царь не только не получил ответа, но и не знал даже, выполнил ли посол его поручение.

Лишь в октябре 1570 г. А. Г. Совин*, посланный царем в Лондон, привез ответ Елизаветы. Это не был подписанный ею текст договора, продиктованного царем три года назад английскому послу. Совин привез лишь письма Елизаветы к царю за ее подписью и малой королевской печатью.

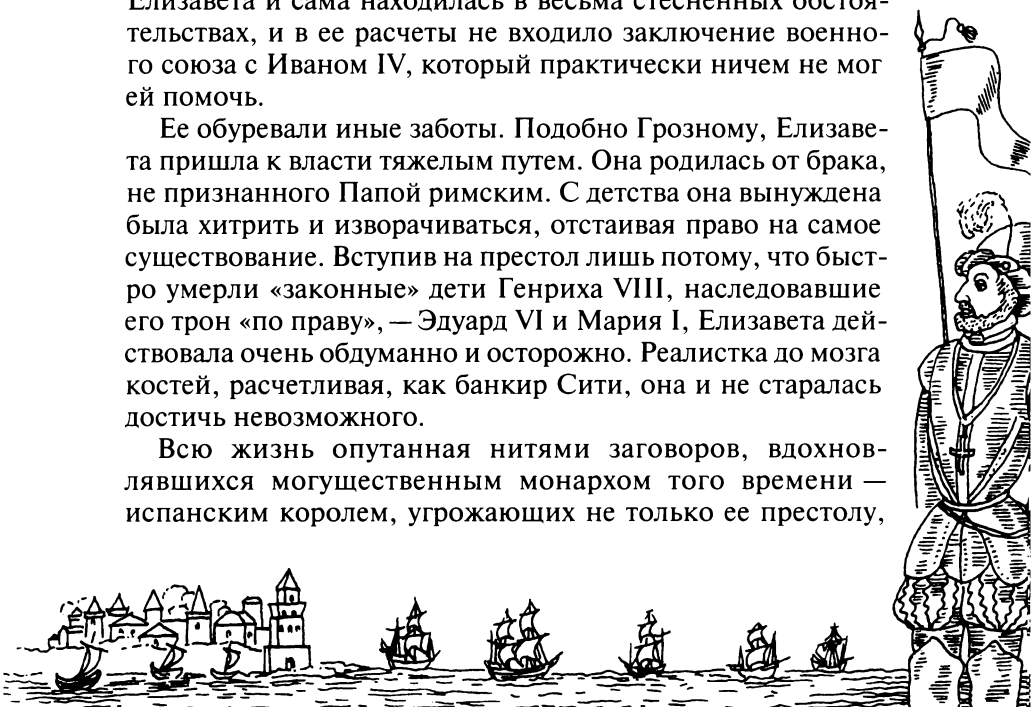
Елизавета внесла в условия союза, предложенного царем, такие изменения, которые лишали его в глазах Ивана всякого смысла. Так, вместо прямой военной помощи она предлагала свое посредничество между ним и его будущим врагом. А уж «если зачинщик — государь своевольно, вопреки разума, решительно откажется сие исполнять», то обещала помочь, если «обстоятельства времени и места», а также «современное положение и отношения» страны ей это позволят сделать³. Вместо взаимного предоставления убежища Елизавета высокомерно обещала Ивану принять его с «благородною царицею, супругою Вашею, и с Вашими любезными детьми, князьями, если бы когда-либо посетила Вас, господин брат, наш царь и великий князь, такая несчастная случайность, по тайному ли заговору, по внешней ли вражде, что Вы будете вынуждены покинуть Ваши страны и пожелаете прибыть в наше королевство...»⁴.

* Совин Андрей Григорьевич — опричник, возглавлял посольство в Англию в 1569–1570 гг. — *Прим. ред.*

Царь был взбешен. Он узнал также, что переговоры с его посланцем, тянувшиеся целый год, вела не сама королева, а ее министры. В ответном письме Елизавете Иван дал волю своему гневу и не стеснял себя в выражениях. «Наше дело ты сделала не таким образом, как договорился твой посол. Грамоту же ты послала обычную, вроде как проезжую. Но такие дела не делаются без клятвы и без обмена послами. Ты совсем устранилась от этого дела, а твои бояре вели переговоры с нашим послом только о торговых делах, управляли же всем делом твои купцы... Мы думали, что ты в своем государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государственной чести и выгодах для государства, поэтому мы и затеяли с тобой эти переговоры. Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые... Ты же пребываешь в своем девическом звании, как всякая простая девица». В оригинале это звучало: «Ажио у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые... А ты пребываешь в своем девическом чине, как есть пошлая девица»⁵. Очевидно, последнее замечание царя особенно сильно задело «королеву-девственницу», несшую это звание не так добровольно, как она это демонстрировала. Кроме того, Елизавета и сама находилась в весьма стесненных обстоятельствах, и в ее расчеты не входило заключение военного союза с Иваном IV, который практически ничем не мог ей помочь.

Ее обуревали иные заботы. Подобно Грозному, Елизавета пришла к власти тяжелым путем. Она родилась от брака, не признанного Папой римским. С детства она вынуждена была хитрить и изворачиваться, отстаивая право на самое существование. Вступив на престол лишь потому, что быстро умерли «законные» дети Генриха VIII, наследовавшие его трон «по праву», — Эдуард VI и Мария I, Елизавета действовала очень обдуманно и осторожно. Реалистка до мозга костей, расчетливая, как банкир Сити, она и не старалась достичь невозможного.

Всю жизнь опутанная нитями заговоров, вдохновлявшихся могущественным монархом того времени — испанским королем, угрожающих не только ее престолу,

но и жизни, Елизавета была очень подозрительна. Всюду рыскали ее многочисленные шпионы. «У государей большие уши, они слышат все вблизи и вдаль», — похвасталась она как-то французскому послу.

Хорошо чувствуя дух времени, Елизавета, сконцентрировав власть в своих руках, употребляла ее в поддержку нового дворянства и «мужиков торговых» и поэтому умерла своей смертью, дожив до 70 лет. Елизавета, в лицедействе не уступавшая Грозному, встав в позу античных императоров, спокойно и величественно отвечала на бранные слова своего «доброго брата»: «Никакие купцы не управляют у нас государством и делами... мы сами печемся о ведении дел, как приличествует деве и королеве, поставленной преблагим и превысочайшим Богом... никакому государю не оказывается более повиновения его подданными, чем нам нашими народами»⁶.

В Англии во времена правления Елизаветы шло интенсивное разложение феодальных отношений и развитие капиталистического производства, причем как в городе, так и в деревне. Это было начало того процесса экономического развития Англии, который через столетие привел ее к буржуазной революции, а еще через век превратил Англию в самую могущественную державу мира. Но перед британской буржуазией встало казавшееся непреодолимым препятствие: мир был уже поделен.

Парадоксальным на первый взгляд было то, что Великие географические открытия, а затем и колониальные захваты были начаты не наиболее развитыми европейскими государствами того времени и в первую очередь Англией, а, наоборот, странами, значительно отстававшими в своем политическом и экономическом развитии, — Португалией и Испанией. Да и из этих двух стран лидирующее положение вначале занимала более слабая — Португалия. Объяснение этого парадокса следует искать в совокупности целого ряда внешних и внутренних причин. К ним относится и географическое положение пиренейских стран, расположенных на крайнем юго-западе Европы, что в условиях фактической монополизации итальянскими городами средиземноморской торговли, а Ганзой — торговли севе-

ро-западной Европы заставляло португальцев и испанцев искать новые морские пути в западном и южном направлениях от Европейского континента.

В пиренейских государствах к началу XV в. сложился абсолютизм. Королевская власть нуждалась в средствах для укрепления своего могущества. Она имела в своем распоряжении и людей, готовых сражаться где угодно. Это было обедневшее дворянство, сделавшее войну своей профессией и оставшееся без дела после завершения реконкисты*.

В поисках новых морских путей к вождленным странам Востока были заинтересованы и пиренейские купцы, в XIV—XV вв. ставшие весьма влиятельной силой.

В Португалии формирование абсолютистского государства и реконкиста были завершены значительно раньше, чем в Испании. Это и позволило ей первой начать заморские завоевания. Они начались после захвата португальцами Сеуты в 1415 г. Инициатором португальской заморской экспансии был принц Энрике, вошедший в историю под именем Генриха Мореплывателя. Он создал морскую школу в Сагрише, откуда вышли смелые и предприимчивые мореплаватели. Экспедиция за экспедицией шли вдоль западного берега Африки в надежде найти пролив, который привел бы в Индийский океан. Но лишь в 1487 г., через 27 лет после смерти принца Энрике, Бартоломео Диасу удалось наконец дойти до крайней южной точки Африканского материка, названной им мысом Мучений, впоследствии переименованным в мыс Доброй Надежды. Но до открытия пути в Индию должно было пройти еще 11 лет. Лишь 20 мая 1498 г. португальский мореплаватель Васко да Гама достиг города Каликут на Малабарском побережье Индии.

Открытие пути в Индию предопределило направление заморской экспансии Португалии: она шла в восточном направлении. Двигаясь дальше на восток, португальцы в 1512 г. достигли Молуккских островов, или, как их долго называли, островов Пряностей, а затем и Китая.

* Реконкиста — отвоевание в VIII—XV вв. народами Пиренейского полуострова территорий, захваченных арабами.

Движение португальцев вдоль западного побережья Африки в поисках морского пути в Индию сопровождалось стремлением закрепить за собой открываемые земли, не допустить проникновения туда других европейских держав. Еще в 1454 г. булла папы Николая V давала Португалии права на все земли и острова, «как уже приобретенные, так и те, которые будут приобретены к югу от мыса Бохадор, с полным отпущением грехов всем, кто может потерять жизнь во время этих завоеваний». А спустя 39 лет, в 1493 г., папа Александр VI не только подтвердил буллу 1454 г., но и добавил к ней пункт, дающий португальцам право на открытие земель «от мыса Бохадор и вплоть до Индии».

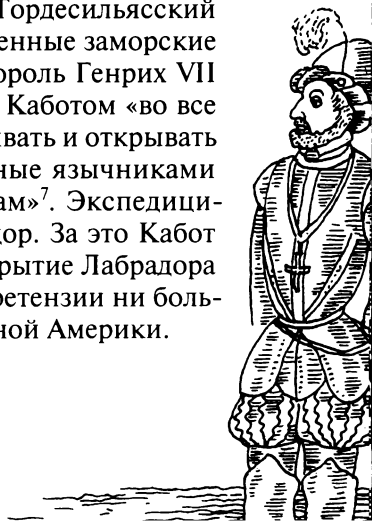
Многочисленные неудачные попытки португальских мореплавателей найти путь в Индию, идя вдоль западного побережья Африки, заставляли искать другие пути. Мысль о том, что можно достичь Индии, направляясь на запад, возникла еще до путешествия Диаса. Уже с конца 70-х годов XV в. она охватила генуэзца Христофора Колумба — этого «странного проходимца», как его якобы характеризовали в молодости приютившие его монахи. В течение 12 лет он безуспешно добивался поддержки своей идеи в Португалии и Франции. Тогда Колумб обратился к испанскому монарху и встретил совершенно иной прием. Но и в Испании переговоры шли медленно: уж очень алчно Колумб торговался, добиваясь для себя невиданных привилегий на тех землях, которые будут открыты в ходе экспедиции. Договор был подписан лишь 17 апреля 1492 г., а 3 августа того же года горожане Палоса, собравшиеся на берегу, проводили экспедицию Колумба в путь. 12 октября 1492 г. Колумб высадился на неведомой земле, впоследствии названной Сан-Сальвадором.

Плавание Колумба усилило соперничество Португалии и Испании в овладении заморскими странами. Поскольку ни одна из сторон не имела подавляющего превосходства, а другие европейские государства в то время не были в состоянии конкурировать на море с пиренейскими монархиями, Португалия и Испания решили поделить все открытые и еще не открытые заморские земли между собой.

Раздел мира был произведен буллой папы Александра VI от 4 мая 1493 г. Линия раздела проходила на расстоянии 100 итальянских лиг к западу от островов Зеленого Мыса. Все нехристианские страны, расположенные к западу от этой линии, объявлялись владениями Испании, а к востоку — владениями Португалии.

Но это решение папы не удовлетворило испанского короля Хуана II, потребовавшего, чтобы линия раздела была отодвинута дальше на запад. После длительных и сложных переговоров в Тордесильясе 7 июня 1494 г. был подписан испано-португальский договор, которым линия раздела отодвигалась на 370 лиг к западу от островов Зеленого Мыса и проходила по западной долготе $49^{\circ}32'56''$. Кстати, испанцы, требовавшие переноса линии раздела на запад, проиграли от этого. Во время переговоров договаривавшиеся стороны, естественно, понятия не имели о конфигурации Американского материка, да и вообще полагали, что речь идет о восточной оконечности Азии. Когда же в 1500 г. португальский мореплаватель Педро Альварес Кабрал открыл Бразилию, назвав ее островом Вера-Круш, то это дало основание Португалии «законно» объявить ее своим владением.

Тордесильянский договор формально просуществовал около трех столетий, но фактически он утратил всякую силу задолго до официальной отмены. С самого начала европейские державы не признавали его. Другое дело, что они вынуждены были считаться с морским превосходством пиренейских держав и до поры до времени воздерживались от вооруженной борьбы. Однако Тордесильянский договор не заставил их прекратить собственные заморские экспедиции. Так, в 1497 г. английский король Генрих VII отправил экспедицию во главе с Джоном Каботом «во все страны востока, запада и севера... разыскивать и открывать всякого рода острова и страны, заселенные язычниками и до сего времени не ведомые христианам»⁷. Экспедицией Кабота был открыт полуостров Лабрадор. За это Кабот получил от короля в награду 10 ф. ст. Открытие Лабрадора дало Англии повод позднее предъявить претензии ни больше ни меньше как на весь материк Северной Америки.

В ответ на испано-португальские притязания на морское господство англичане провозгласили принцип свободы морей для всех народов. «Открытый океан, — писал один из английских авторов того времени, — принадлежит лишь одному Богу и природой предоставлен в пользование всем людям, поскольку он вполне достаточен для пользования всеми людьми во всех их предприятиях». А Роберт Торн в царствование Генриха VIII провозгласил девизом эпохи: «Ни земли без населения, ни моря без навигации»⁸.

Французский король Франциск I, откровенно издеваясь над папской буллой, говорил: «Пусть мне покажут тот пункт в завещании Адама, в силу которого Новый Свет должен быть разделен между моими братьями, королями Испании и Португалии, а я должен быть лишен своей доли наследства»⁹. В 1534 г. он послал экспедицию во главе с Жаном Картье, которой предписывал «отправиться в новые земли, открыть те острова и страны, где, как говорят, должно находиться большое количество золота». Плавание Картье привело к открытию Канады, которую он объявил собственностью Франции. В 1555-м и 1564 гг. французские мореплаватели Виллеганьон и Лодонньер совершили плавание соответственно в Бразилию и Флориду. Французский король Генрих II мечтал о нападении на Панаму, куда испанцы свозили сокровища со всей Америки для последующей отправки на родину. «Магическое слово “Перу” вызывает золотую лихорадку у самого спокойного человека», — говорил он¹⁰.

Приход португальцев на Молуккские острова, богатые столь ценными в Европе пряностями, был тяжелым ударом для Испании. Но неожиданно испанский король Карл V получил предложение, указывавшее на возможность отобрать у Португалии Молуккские острова. Его сделал опытный португальский капитан Фернандо Магеллан, перешедший на испанскую службу.

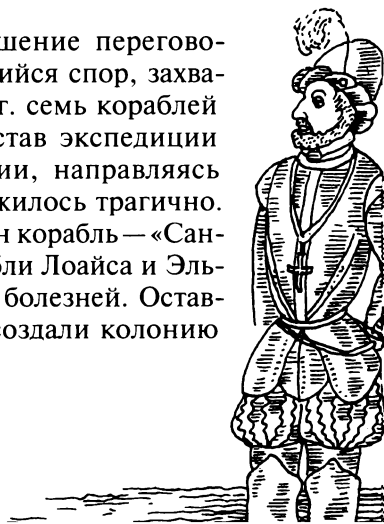
Предложение Магеллана сводилось к тому, чтобы продолжить путь, открытый Колумбом, попытаться обогнуть открытый им континент и достичь Молуккских островов, идя дальше на запад. Поскольку по Тордесильяскому договору все новые земли к западу от линии раздела в Атланти-

ческом океане принадлежали Испании, то приход испанцев на Молуккские острова с запада отдавал их во владение испанской короны. Карл V принял предложение Магеллана и приказал готовить экспедицию, выделив ему пять кораблей и 230 человек команды.

20 сентября 1519 г. началось первое в истории человечества кругосветное путешествие. После многомесячного плавания Магеллан, пройдя проливом у южной оконечности Американского континента, названном впоследствии его именем, вошел в новый неведомый океан. Лишь один из кораблей экспедиции Магеллана — «Виктория» под командой С. Эль-Кано — осенью 1522 г. достиг берегов Испании, совершив кругосветное плавание. Испанский король Карл V даровал Эль-Кано герб, изображавший земной шар, опоясанный лентой, на которой был начертан девиз: «Prima me circum navigisti» («Ты первый, кто обошел меня вокруг»).

Создавшаяся ситуация заставила Испанию и Португалию вновь обсудить проблему раздела мира. Теперь уже надо было делить и земли Тихоокеанского бассейна. Представители испанского и португальского монархов встретились для переговоров в 1524 г. на границе своих государств в местечке Бадахос. Просто и быстро решить проблему раздела земного шара не удалось. Переговоры затянулись. Каждая из сторон стремилась добиться такой линии раздела, чтобы именно к ней отошли Молуккские острова. Ирония положения заключалась в том, что ни одна из спорящих сторон не имела ясного представления о географическом положении островов Пряностей.

Не надеясь на благополучное завершение переговоров, Карл V пытался окончить затянувшийся спор, захватив Молуккские острова. 24 июля 1525 г. семь кораблей под командой Гарсия де Лоайсы (в состав экспедиции входил и Эль-Кано) вышли из Испании, направляясь к Молуккским островам. Плавание сложилось трагично. К Молуккским островам дошел лишь один корабль — «Санта-Мария-де-ла-Виктория». В пути погибли Лоайса и Эль-Кано. Треть команды корабля умерла от болезней. Оставшиеся в живых участники экспедиции создали колонию

на острове Тидор. Не получая известий от Лоайсы, Карл V 20 июня 1526 г. направил Эрнандо Кортесу, завоевателю Мексики, приказ послать новую экспедицию к Молуккским островам. Ее возглавил Альваро де Сааведра, двоюродный брат Кортеса.

31 октября 1527 г. три корабля под командой Сааведры вышли в море. Во время плавания флагман «Флорида» отстал от двух других судов и дальше шел в одиночестве. Судьба ушедших вперед кораблей осталась неизвестной. В начале марта 1528 г. «Флорида» подошла к острову Тидор. Сааведра нашел там своих соотечественников из экспедиции Лоайсы в самом бедственном положении: они были окружены португальцами. Сааведра решил оставить на острове 50 солдат и матросов в помощь осажденным испанцам и плыть обратно за подкреплением. 3 июня 1528 г. «Флорида» покинула остров. Но Сааведра не смог достичь Мексики: направление ветра было неблагоприятным. Корабль, дойдя до Марианских островов, вернулся к Тидору.

Во время второй попытки достичь американских берегов, начатой в мае 1529 г., Сааведра погиб, а его корабль был вынужден вернуться к Молуккским островам. Испанцы высадились на острове Хальмахера. Туда же перебрались и их соотечественники с острова Тидор. В дальнейшем все они попали в плен к португальцам.

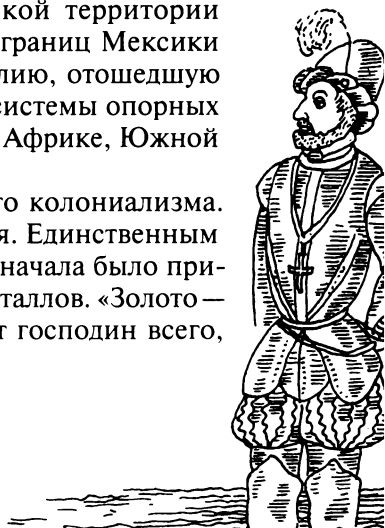
После неудачных попыток захватить Молуккские острова Карл V, испытывая острую нужду в деньгах, согласился, получив от португальцев 350 тыс. дукатов, провести линию раздела в 17° к востоку от Молуккских островов. Это было зафиксировано в Сарагосском договоре в апреле 1529 г. Считается, что плавание Магеллана открыло для человечества Тихий океан. Но строго говоря, европейцы увидели его раньше. Это были также португальцы и испанцы. В 1511 г., возвращаясь из португальской Ост-Индии, португалец Антонио д'Абоу обратил внимание на какой-то остров (вероятно, это была Новая Гвинея).

В 1513 г. наместник испанского короля в американских владениях послал Васко де Бальбоа для установления «торговых отношений» с индейцами, т. е., проще говоря,

для захвата у них золота, жемчуга и благородных камней. Бальбоа добыл у индейцев большое количество золота, но, когда принялся делить его между своими спутниками, возник спор. Присутствовавший при этом индейский вождь сказал: «Что вам за охота спорить о такой дряни? Уж если вам она так нравится, то я могу показать страну, где вы найдете золото в изобилии! Эта страна с ее громадными золотоносными горами лежит на расстоянии шести дней пути по берегам другого моря»¹¹. Испанцы поспешили убедиться в правоте индейского вождя. Бальбоа с отрядом в 190 человек отправился на поиски золотоносной земли, расположенной у «другого моря». Вместо шести дней они шли почти месяц и, наконец, 29 сентября 1513 г. увидели просторы неизвестного им моря. Испанцы, конечно, поспешили провозгласить неведомый океан собственностью испанского короля. 30 сентября 1513 г. Бальбоа, действуя в духе времени, вошел по колено в море, держа в одной руке меч, а в другой испанское знамя, и объявил, что «берет во владение это море, земли и берега, острова и все, что на них есть, во имя монарха Кастилии, которому принадлежит господство над этой Индией, — над островами и над материком от Северного полюса до Южного, по обе стороны экватора, внутри и вне тропиков Рака и Козерога; владычество это будет длиться, пока существует свет, до второго пришествия Христа»¹².

К середине XVI в. Португалия и Испания создают огромные колониальные империи в отведенных им Тордесильяским договором районах земного шара. Испанцы устремляют свое господство на гигантской территории Американского континента от северных границ Мексики до пампасов Ла-Платы, исключая Бразилию, отошедшую к Португалии. Португальцы с помощью системы опорных баз в прибрежных районах укрепляются в Африке, Южной и Юго-Восточной Азии.

Так была начата история европейского колониализма. Это поистине страшная и кровавая эпопея. Единственным стимулом заморской экспансии с самого начала было приобретение золота и других благородных металлов. «Золото — удивительная вещь! Кто обладает им, тот господин всего,

чего он захочет. Золото даже может душам открыть дорогу в рай», — писал Колумб с Ямайки в 1503 г.¹³

Английский ученый Д. Гамильтон путем сопоставления архивных материалов подсчитал количество золота и серебра, вывезенного испанцами из Америки. В период 1503—1660 гг., по его данным, общее количество вывезенных драгоценных металлов оценивается в 447 820 932 песо. Причем это только то, что было привезено в Испанию официально. А ведь огромное количество драгоценных металлов поступало в страну контрабандным путем. Гамильтон считает, что указанную выше сумму можно увеличить от 10 до 50 процентов¹⁴. Огромные богатства стекались и в Португалию. По оценке португальского вице-короля в Индии Альфонса де Альбукерки, ежегодные прибыли португальской короны оценивались в 1 млн крузадо.

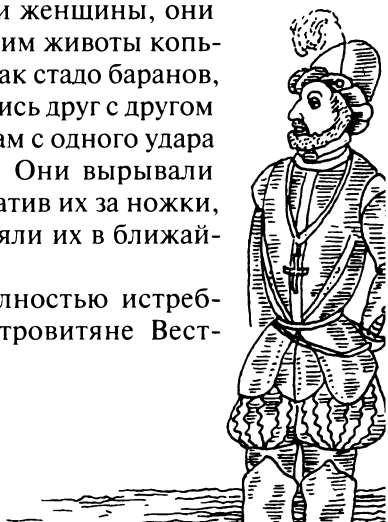
Испанские и португальские колонизаторы не только не поощряли развитие сельского хозяйства и промышленности в своих колониях, но и всячески сдерживали его. Площадь обрабатываемой земли в испанских колониях в Америке была ничтожно малой в сравнении с их гигантскими размерами. Так, по свидетельству знаменитого французского мореплавателя Бугенвиля, в 1767 г. земли были распаханы лишь на 1,5 мили от Буэнос-Айреса. Для того чтобы обеспечить продажу по высоким ценам испанских вин, оливкового масла, шелка, полотна, в американских колониях запрещалось разводить шелковичных червей, виноград, оливки, лен и т. д. «В новой Испании, — писал знаменитый немецкий ученый и путешественник А. Гумбольдт в начале XIX в., — нет ни полотняных, ни канатных мануфактур, там не имеют представления об изготовлении бумаги»¹⁵.

Заморские завоевания Испании и Португалии осуществлялись с необыкновенной жестокостью, история их написана поистине железом и кровью. Колониальные захваты освящались католической церковью, объяснялись необходимостью вырвать туземцев из тьмы идолопоклонства, распространить среди них «веру Христову». Принимая решение о первом разделе мира, папа Александр VI объявлял, что «католическая вера и христианская религия должны

быть возвеличены и повсюду распространены, спасение душ достигнуто, варварские народы покорены и приведены к вере...»¹⁶. Обращаясь к «рыцарям христианской цивилизации», папа Александр VI писал, что «этих людей вы обязаны привести к христианской религии; ни опасности, ни трудности никогда не должны останавливать вас»¹⁷. «Из прославленных бандитов, — пишет Альфред Деберль, — хотели бы сделать нечто вроде апостолов и видеть в них только ревнителей христианства, веровавших, что похвалено и достойно нападать на всякого язычника и убивать его; но нет большей лжи, чем эта! Совершенно верно, что перед сражением они выслушивали мессу и шли резать в сопровождении священников, но это была с их стороны мера предосторожности в виде сохранения установленных отношений с Небом. Единственной их целью — и они никогда не имели другой — было разыскание золота; даже сама центральная власть не имела более благородного двигателя, как корыстолюбие»¹⁸.

«Лютый иберийский лев, набросившийся от Геркулесовых столбов на империи Монтесумы и Атаульпа... и овладевший несчастной Америкой, в течение нескольких веков высасывал из нее все соки» — так определялись результаты многовековой «цивилизаторской миссии» испанских колонизаторов в акте о независимости Боливии 1825 г. Испанский монах Бартоломе Лас Касас, проводивший большую часть жизни в Америке, куда он прибыл с третьей экспедицией Колумба, писал о действиях конкистадоров: «Когда испанцы вступали в индейские поселения, жертвами их ярости становились старики, дети и женщины, они не щадили даже беременных, распарывая им животы копьем или шпагой. Они загоняли индейцев, как стадо баранов, в огороженное пространство и соревновались друг с другом в том, кто ловчее разрубит индейца пополам с одного удара или выпустит наружу его внутренности. Они вырывали младенцев из материнских объятий и, схватив их за ножки, разбивали им головы о камень или швыряли их в ближайший поток»¹⁹.

Многие индейские племена были полностью истреблены. Особенно сильно пострадали островитяне Вест-

Индии, которым некуда было скрыться от конкистадоров. На островах Пуэрто-Рико и Ямайка, по словам Лас Каса-са, ко времени появления испанцев в 1509 г. насчитывалось 600 тыс. индейцев, к 1542 г. их осталось не более 400 человек. На Гаити аборигенное население исчислялось сотнями тысяч человек, к 1542 г. уцелело около 200 местных жителей. Индейское население вымирало и от болезней, завезенных колонизаторами. Только в 1576 г. от эпидемических заболеваний в Мексике погибло до 50% всего населения.

Колонизаторы остро нуждались в рабочих руках. К 1570 г. в американские колонии переселилось 70 тыс. испанских эмигрантов. Но они приезжали с намерением быстро разбогатеть, а не трудиться в поте лица своего. Тогда и возникла идея доставки в Америку африканских негров. Испанский эксперт в этих делах Антонио де Геррера с удовлетворением говорил, что негры не умирают, пока их не повесят, и что один негр работает так же, как четыре индейца²⁰. Упоминавшийся нами священник Лас Касас обратился к Карлу V с просьбой разрешить ввоз негров с тем, чтобы на каждого колониста приходилось не менее 12 рабов. Король дал согласие. И начался страшный процесс транспортировки в Америку африканских рабов, ужаснувший и Лас Каса-са. Португальцы продавали негров из Гвинеи колонистам Эспаньолы, так тогда называли остров Гаити, а оттуда привозили в Лиссабон сахар. Но испанцы ввели столь высокую пошлину на продаваемых рабов, что работорговля стала маловыгодным предприятием.

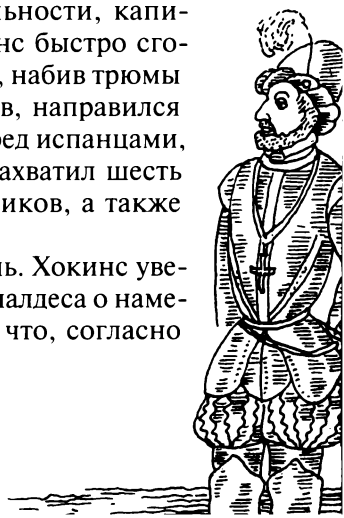
Интересы испанских колонистов вошли в противоречие с интересами испанского правительства, не желавшего снижать пошлины на ввозимых рабов. Колонисты стали искать обходные пути: находить людей, которые доставляли бы африканских негров контрабандой. Спрос, как всегда это бывает, породил предложение. «Выручить» испанских колонистов решил англичанин Джон Хокинс (Гаукинс), преуспевающий торговец и судовладелец из Плимута. Удачливый в делах, оптимист по натуре, Хокинс был уверен в удаче своего предприятия, тем более что до него многие французские капитаны уже достигли немалого успеха, плавая в Карибское море.

Испанцы жестоко расправлялись с европейцами, осмеливавшимися появиться в американских водах или высадиться на побережье испанской Америки. Так, когда бежавшие из Франции гугеноты образовали поселение во Флориде, испанское правительство послало туда солдат под командованием Педро де Авилеса. Все пришельцы были убиты, причем не потому, что они были французы, а потому, что протестанты. «То, что он (Педро де Авилес. — *К. М.*) убил их, — это хорошо», — заметил король Испании, прочитав сообщение о гибели французских гугенотов²¹.

Хокинс тоже был протестантом, но он не устрасился жестокостей испанцев. Свое предприятие тридцатилетний делец обставил весьма солидно. В 1560 г. Хокинс появился в Лондоне и начал энергично убеждать толстосумов Сити поддержать его первую в британской истории работорговую экспедицию в испанскую Америку. Ему поверили, и такие столпы Сити, как сэр Лионель Дакетт, глава Московской компании, и сэр Томас Лодж, лондонский лорд-мэр, вступили в предложенный Хокинсом «работорговый синдикат».

В октябре 1562 г. три корабля под командой Хокинса направились к берегам Гвинеи. Хокинс рассчитал правильно: испанские колонисты остро нуждались в африканских рабах. Португальцы в Африке желали их продать. Этой сделке мешало испанское правительство, закрывшее португальцам дороги в Америку. Следовательно, как португальцы в Африке, так и испанские колонисты в Америке будут рады появлению корабля любой национальности, капитан которого предложит свои услуги. Хокинс быстро сговорился с португальскими работорговцами и, набив трюмы своих судов четырьмя сотнями черных рабов, направился к далекой Эспаньоле. Чтобы оправдаться перед испанцами, португальцы сообщили о том, что Хокинс захватил шесть их судов, которые везли более 500 невольников, а также слоновую кость и другой груз.

На Эспаньоле повторился тот же спектакль. Хокинс уведомил испанского губернатора Лоренцо Берналдеса о намерении продать негров. Губернатор ответил, что, согласно

приказу его величества короля Испании, он не имеет права их купить. Тогда Хокинс высадил своих моряков на берег. Поддерживаемые огнем корабельных орудий, они захватили город, жители которого поспешили укрыться в горах. С наступлением темноты богатые торговцы вернулись в город, который, кстати сказать, совершенно не пострадал от обстрела. Сделка была совершена. Рабы были переданы новым хозяевам, деньги заплачены. В сентябре 1563 г. Хокинс благополучно вернулся к родным берегам. Каждый из членов «синдиката» получил свою долю прибыли, а Хокинс купил дом в Сити, недалеко от Тауэра.

Вдохновленный удачей Хокинс решил предпринять новое плавание летом 1566 г. Испанский посол в Лондоне, узнав об этом, обратился с резким протестом к английской королеве. Хокинс был вызван в адмиралтейство и дал обещание не плавать к берегам Вест-Индии. И он сдержал слово. 9 ноября 1566 г. английский берег покинули четыре его корабля, но командовал ими капитан Джон Лоувелл. В этой экспедиции участвовал и получил первое боевое крещение молодой моряк Фрэнсис Дрейк.

II

Фрэнсис Дрейк родился на ферме в Кроундейле, недалеко от Тенвистонна, в Девоншире. Год его рождения неизвестен. Вероятнее всего, это был 1545 г. И вот почему. Ферма принадлежала родителям отца Фрэнсиса — Джону и Мэри Дрейкам. Землю, на которой находилась ферма, они арендовали у сэра Джона Рассела, впоследствии графа Бэдфорда, приближенного Генриха VIII. У Джона и Мэри Дрейков было несколько сыновей. Старший из них, Джон, жил с родителями, и ферма перешла к нему. Младший, Эдмунд, был моряком и вернулся на ферму лишь в 1544 г. Видимо, тогда же он женился, а на следующий год у него родился первенец — Фрэнсис.

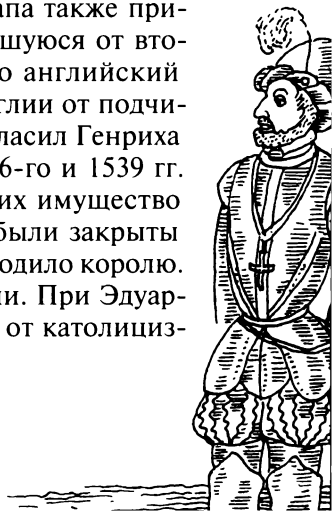
Несмотря на огромную разницу в социальном положении, семья Дрейков была тесно связана как с семейством Расселов, так и Хокинсов. Старший сын Джона Рассела,

Фрэнсис, был крестным отцом сына Эдмунда Дрейка, который получил его имя.

Ревностный протестант, Эдмунд Дрейк вынужден был бежать с семьей из Кроундейла в Плимут, когда в 1549 г. началось крестьянское восстание. Дело в том, что с увеличением в конце XV в. спроса на английскую шерсть и повышением цен на нее овцеводство стало выгоднее земледелия. Крупные землевладельцы начали превращать земли своих поместий в пастбища. Более того, они захватывали общинные земли, которыми пользовались ранее совместно со своими крестьянами-держателями, а затем сгоняли крестьян с их наделов и обращали эти наделы в пастбища, снося при этом крестьянские дома и целые деревни. Захваченные земли дворяне огораживали частоколом, канавами и живой изгородью. Этот процесс насильственного обезземеливания английского крестьянства получил название огораживания.

В XVI в. усилилась борьба английских крестьян против огораживаний. В 1547 г. выступления происходили в ряде районов Англии, особенно упорной была крестьянская борьба в Кенте. Летом 1549 г. крупное восстание вспыхнуло в Девоншире и захватило места, где жила семья Дрейков.

Во главе этих восстаний стояли дворяне-католики и католическое духовенство, которые попытались направить выступления крестьян против осуществляемой Генрихом VIII реформы церкви. Поводом к проведению этой реформы послужил отказ Папы римского утвердить развод короля с его первой женой Екатериной Арагонской, родственницей испанского монарха Карла V. Папа также признал незаконной его дочь Елизавету, родившуюся от второго брака с Анной Болейн. В ответ на это английский парламент в 1534 г. освободил церковь в Англии от подчинения Риму и «актом о супрематии» провозгласил Генриха VIII ее главой. Парламентскими актами 1536-го и 1539 гг. в Англии были закрыты все монастыри, а их имущество и земли конфискованы королем. В 1545 г. были закрыты все часовни, имущество которых также переходило королю. В 1547 г. Генрих VIII запретил чтение Библии. При Эдуарде VI английская церковь еще более отошла от католицизма.

ма. Лишь при его преемнице Марии Тюдор, дочери Генриха VIII от первого брака, яркой католичке, в Англии на короткое время восторжествовал католицизм.

Восставшие вскоре захватили Плимут. Эдмунд Дрейк с семьей бежал из города на корабле «Английская галера», капитаном которого был его брат Ричард Дрейк. Дрейки поселились недалеко от Чэтема, главной военно-морской базы Англии. С помощью Хокинсов Эдмунд Дрейк устроился корабельным священником. Домом Фрэнсиса, как и родившихся за ним еще одиннадцати детей Эдмунда Дрейка, стал корабль. Читать и писать Фрэнсис научился у отца и, надо сказать, до конца жизни не был особенно силен ни в том, ни в другом. Писание было для него всегда делом утомительным. Но оратором Фрэнсис стал прекрасным, о чем свидетельствовали впоследствии его коллеги по парламенту. По-видимому, Фрэнсису было не больше десяти лет, когда отец определил его юнгой на торговый корабль, совершавший рейсы во французские и нидерландские порты.

Через шесть лет фортуна улыбнулась Эдмунду Дрейку. В 1558 г., после смерти Марии Тюдор, английская корона перешла к Елизавете I, которая восстановила англиканскую церковь. Влиятельные друзья помогли Эдмунду в январе 1561 г. сменить место судового священника на викария церкви, находившейся в Кенте. В том же году умер владелец судна, на котором плавал Фрэнсис, завещав ему свой корабль. Так в 16 лет Фрэнсис стал капитаном и владельцем небольшого барка «Юдифь» водоизмещением в 50 тонн.

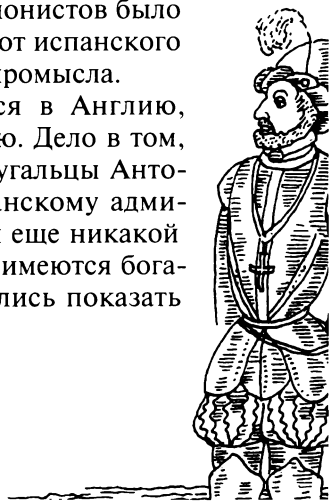
Когда Фрэнсис узнал о готовящейся Хокинсом новой экспедиции в Карибское море, он, не колеблясь, предложил ему свои услуги. Положение Фрэнсиса в экспедиции Лоувелла неизвестно. Ясно, что он не был ни капитаном, ни владельцем какого-либо из судов, участвовавших в этом плавании. Данные о том, как проходила первая половина плавания, можно найти только в португальских источниках. Согласно этим сведениям, Лоувелл на пути к берегам Гвинеи захватил пять португальских кораблей, на которых находились негры, а также груз воска и слоновой кости.

Один из кораблей с захваченным грузом Лоувелл отправил в Англию, а с остальными четырьмя направился к берегам испанской Америки.

В Карибском море Лоувелл встретил французскую эскадру, которой командовал известный корсар Жан Бонтемпе. Дальше английские и французские корабли продолжали плавание вместе. В Рио-де-ла-Хача, небольшом поселении на побережье Колумбии, Лоувелл предложил испанцам купить привезенных рабов. О том, что за этим последовало, мы узнаем из отчета главы местной администрации Мигуэло де Кастелланоса испанскому королю Филиппу. Кастелланос сообщал о победе, которую испанцы в этом маленьком городке одержали над двумя корсарскими армадами: одной французской, а другой английской. Победа была одержана силами 60 местных жителей, неопытных в военном деле и плохо вооруженных. Этот необыкновенный успех Кастелланос объяснял исключительно Божьей помощью и «умением нашего капитан-генерала», который доводился Кастелланосу родным братом. При поспешном бегстве Лоувелл якобы оставил на берегу 90 негров. Кастелланос спрашивал короля, можно ли распределить этих негров среди населения города, которое заслужило это своей храбростью²².

Хокинс также объявил о неудаче экспедиции Лоувелла, объяснив это «простоватостью моих заместителей, которые не знали, как делаются подобные дела»²³. По-видимому, сделка все-таки состоялась, и обе стороны остались довольны друг другом. «Героическое» отражение нападения двух вооруженных армад горсткой испанских колонистов было лишь романтическим покровом, скрывшим от испанского правительства строго запрещенный им вид промысла.

Не успели корабли Лоувелла вернуться в Англию, а Хокинс уже подготовил новую экспедицию. Дело в том, что появившиеся в 1567 г. в Лондоне португалцы Антонио Луис и Андре Гомеи сообщили британскому адмиралтейству, что им известен не захваченный еще никакой европейской державой район в Африке, где имеются богатейшие месторождения золота. Они вызвались показать англичанам путь туда.

Это была эпоха Великих открытий. Люди легко верили самым фантастическим рассказам о неведомых землях. Мир представлялся волшебным королевством, где всегда могло произойти что-то совершенно необычайное. Как-то известный английский капитан того времени Уолтер Рэли, разглядывая карту, спросил испанского картографа Педро де Сарминенто: «Что это за остров?» — «Он называется Островом Жены Художника, рисовавшего карту», — был ответ. «Почему?» — удивился Рэли. «Потому что она хотела иметь собственный остров, и художник поместил его на карте, чтобы доставить ей удовольствие»²⁴.

Рассказ португальцев очень заинтересовал не только адмиралтейство, но и правительство, и саму королеву. Джону Хокинсу была поручена организация экспедиции. Деньги на ее осуществление дали торговцы Сити. Взнос сделал лорд адмиралтейства Винтер. Королева дала два боевых корабля и приказала снабдить эскадру пушками из арсенала Тауэра. Сам Хокинс выделил четыре своих корабля.

В начале августа 1567 г., когда корабли экспедиции, готовые покинуть британские берега, прошли по Темзе, в Плимутской бухте появилась эскадра Лоувелла, вернувшаяся из Вест-Индии. Хокинс, не теряя времени, договорился с Дрейком и некоторыми другими участниками экспедиции о том, что они пойдут в новое плавание.

Подготовка Хокинсом заморской экспедиции не осталась незамеченной. Внимательно наблюдавший за подобными делами испанский посол де Сильва, несомненно, тут же сообщил об этом своему монарху. По-видимому, этим и объясняется неожиданное появление у Плимута мощной испанской эскадры под командованием фламандского адмирала барона де Вашена, пришедшей с «дружественным визитом». Королева Елизавета, уверявшая де Сильву, что ее корабли были направлены в Плимут для ремонта, приказала возможно любезнее принять испанскую эскадру.

Пока Хокинс и де Вашен обменивались любезностями, стало известно, что португальцы А. Луис и Д. Гомем тайно бежали во Францию. Это было весьма опасно для задуманного англичанами предприятия, и Хокинс предложил коро-

леве новый план: вместо поисков неведомых золотоносных земель уже испытанную продажу африканских негров в Вест-Индию. Он обещал королеве в этом случае высокие барыши. Королева приняла план Хокинса.

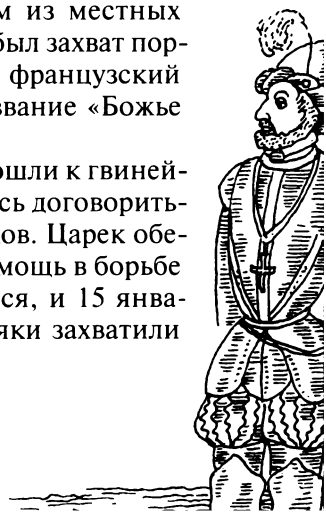
2 октября 1567 г. флотилия из шести судов, ведомая флагманским кораблем «Иисус из Любека», раскрашенным в зеленый и белый цвета королевского флота, покинула Плимут. Как уже говорилось, королева дала два своих военных корабля. Это были «Иисус из Любека», купленный еще ее отцом Генрихом VIII в Любеке 30 лет назад, большой корабль водоизмещением 700 тонн, имевший 22 тяжелых и 42 легких орудия, и «Миньон», корабль меньших размеров (340 тонн). Первым командовал сам Хокинс, возглавлявший всю экспедицию, а вторым — капитан Хэмптон. Кроме этого, в состав эскадры входили небольшие суда «Уильям и Джон», «Ласточка», «Ангел» и «Юдифь». Последним командовал Фрэнсис Дрейк. Он же был и владельцем этого небольшого барка водоизмещением 50 тонн, обмененного или купленного взамен ранее принадлежавшего ему корабля.

Дрейк пробыл на родине лишь шесть недель. Но он успел за это время познакомиться с девушкой и принять твердое решение после возвращения из плавания жениться на ней.

Всего в экспедиции принимали участие до 500 человек.

В ноябре 1567 г. корабли Хокинса подошли к африканским берегам. Но все попытки захватить негров оканчивались неудачей. Англичане несли ощутимые потери. Сам Хокинс едва избежал смерти от отравленной стрелы, приняв противоядие, рекомендованное одним из местных жителей. Единственной удачей экспедиции был захват португальской каравеллы, которой командовал французский капитан Бланд. Корабль получил новое название «Божье благословение».

12 января 1568 г. английские корабли подошли к гвинейским берегам. Здесь наконец Хокинсу удалось договориться с местным царьком о доставке невольников. Царек обещал содействие, если Хокинс окажет ему помощь в борьбе с враждебным племенем. Хокинс согласился, и 15 января высадившиеся на берег британские моряки захватили

и сожгли селение враждебного племени. Операцией руководил сам Хокинс. Было захвачено 250 человек. Еще столько же дал Хокинсу благодарный царек. Теперь надо было скорее идти к берегам испанской Америки. 3 февраля британские корабли покинули Гвинею. Почти через два месяца, 27 марта 1568 г., эскадра достигла острова Доминика в группе Малых Антильских островов. Затем корабли заходили к островам Маргариты и Кюрасао, недалеко от берегов Новой Андалузии, как тогда называлась Венесуэла, где англичанам также удалось продать небольшие партии рабов. Сделки происходили обычно под покровом ночи.

Формально заходы английских кораблей к островам объяснялись необходимостью пополнения запасов продовольствия и воды. Так, в письме губернатору острова Маргариты Хокинс со всей учтивостью писал: «Ваша милость, я подошел к Вашему острову лишь для того, чтобы дать возможность моим людям пополнить запасы продовольствия, которые Вы мне продадите за деньги или обменяете на наши товары, и предполагаю пробыть здесь самое большее около пяти или шести дней. В это время Вы и другие жители можете чувствовать себя в полной безопасности, ибо ни мной, ни кем-либо из моих людей не будет нанесено какого-либо ущерба.

Ее величество, королева Англии, моя повелительница, при моем отплытии из Англии приказала мне верно служить со всем моим флотом королю Испании, моему бывшему господину, если в этом возникнет необходимость в каком-либо из тех мест, в которые я буду заходить»²⁵.

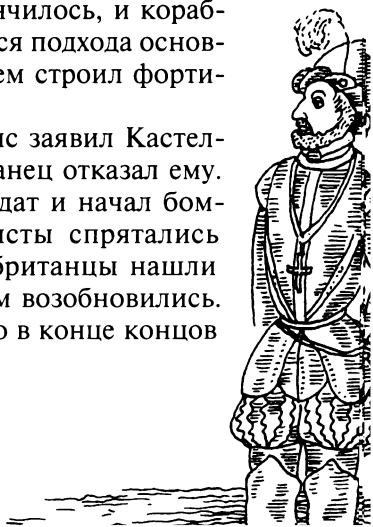
В Кюрасао Хокинс разделил свою эскадру. Два корабля — «Юдифь» и «Ангел» — под командой Дрейка он направил в Рио-де-ла-Хача. Остальные суда Хокинс повел к Новой Андалузии. Подойдя к главному городу провинции — Бурбурате, Хокинс направил испанскому губернатору Диего де Леону весьма учтиво составленное письмо, в котором объяснял причину своего появления. Он хотел продать 60 рабов и некоторое количество английских товаров, чтобы заплатить своим солдатам. Ему известно, что испанский король запретил подобную торговлю. Но, может быть, все-таки

губернатор сочтет возможным посетить его и обсудить дело. В этом случае он будет встречен самым дружеским образом.

От губернатора не ускользнуло слово «солдаты», а его люди уже успели подсчитать количество пушек на английских кораблях. К тому же Мадрид был далеко, а испанские гранды покидали свои богатые поместья на родине не ради склонности к «перемене мест», а для обогащения. Дон Диего был весьма опытен в делах колониального управления. И он медлил с ответом, закрывая глаза на действия Хокинса. Тот же, не теряя времени, открыл магазин в Борбурате и пригласил таможенников и потенциальных покупателей посмотреть привезенных им рабов. Сделка была осуществлена до того, как Хокинс получил наконец ответное послание от губернатора, в котором последний с сожалением сообщал о невозможности разрешить ему торговать в испанских колониях. Тем не менее английские суда продолжали стоять на якоре в заливе, и торговля выносимыми рабами и добротнейшей английской одеждой беспрепятственно продолжалась до тех пор, пока Хокинс не решил, что настало время идти на соединение с кораблями Дрейка.

Дрейк же, выполняя поручение Хокинса, прибыл в Рио-де-ла-Хача и обратился к уже знакомому ему по прошлогоднему плаванью Каstellаносу с просьбой разрешить набрать пресной воды. Каstellанос ответил огнем расположенных на берегу батарей. Дрейк в свою очередь приказал дать два орудийных выстрела в направлении дома Каstellаноса. На этом «сражение» закончилось, и корабли Дрейка, став на якорь, стали дожидаться подхода основной флотилии. Каstellанос тем временем строил фортификационные сооружения вокруг города.

По прибытии в Рио-де-ла-Хача Хокинс заявил Каstellаносу, что хочет продать 60 рабов. Испанец отказал ему. Тогда Хокинс высадил на берег 200 солдат и начал бомбардировку города. Испанские колонисты спрятались в окрестных лесах. Вошедшие в город британцы нашли его пустым. Переговоры с Каstellаносом возобновились. Последний еще немного поупрямился, но в конце концов

согласился купить 60 рабов за 4 тыс. песо из государственных денег и еще 20 за 1 тыс. песо для своих личных нужд. Практически же Хокинс продал в Рио-де-ла-Хача 150 негров и покинул город, оставив Каstellаноса объясняться с испанским монархом по поводу совершенной сделки. Каstellанос и на этот раз вышел из положения с успехом. В письме к королю он писал, что он заплатил 4 тыс. песо англичанам, чтобы выкупить захваченных ими испанцев, а также за то, чтобы они не сожгли город.

Продолжая плавание, Хокинс посетил еще несколько городов, где, как он писал, «испанское население было радо нам, и торговля шла успешно»²⁶. Но в Картахене, крупнейшем торговом порту Новой Мексики, губернатор наотрез отказался иметь дело с англичанами. Хокинс пробовал для устрашения бомбардировать город, но безуспешно. Испанцы отвечали огнем своих батарей. В состав гарнизона Картахены входили 500 пехотинцев, отряд кавалерии и несколько тысяч вооруженных индейцев. Хокинс отказался от попытки нападения на город. И хотя у него оставалось еще 50 негров и некоторое количество английских товаров, он решил, что пора возвращаться домой. Приближался август, а с ним наступал период плохой погоды.

24 июля Хокинс покинул Картахену. Он пошел на северо-запад к берегам Кубы с тем, чтобы, обогнув остров, пройти мимо Флориды в Атлантику. Но страшный шторм, разыгравшийся 12 августа и продолжавшийся четыре дня, сильно потрепал его корабли, особенно старый «Иисус из Любека».

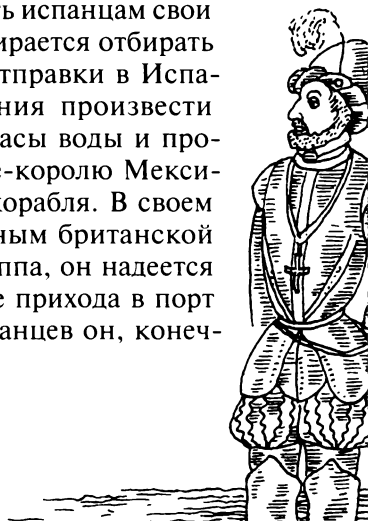
Хокинс безуспешно пытался найти подходящую гавань на побережье Флориды, когда налетел новый шторм. «Иисус из Любека» едва держался на воде. Конечно, можно было снять с судна людей и ценный груз на другие суда, а затем потопить его на дне Мексиканского залива. Это было бы естественное и самое верное решение. Но корабль являлся собственностью королевы, а Хокинс не мог представить себе аудиенции у Елизаветы по прибытии в Лондон, на которой он должен был бы сказать ей, что благополучно вернулись все корабли, кроме королевского судна.

Хокинс колебался в принятии решения. Но тут он встретил и захватил три испанских судна. Испанцы посоветовали ему идти в порт Сан-Хуан-де-Улоа, находящийся в 15 милях к югу от города Вера-Круз, из которого вывозилось в Испанию серебро, добываемое в рудниках Мексики. Испанцы также сказали Хокинсу, что скоро туда должен подойти из Севильи флот за серебром.

Корабли, перевозившие драгоценный груз, усиленно охранялись. Капитан-генерал вест-индской торговли Педро Менендес де Авилес предложил королю ничем, кроме драгоценностей, не загружать флагманский («капитана») и вице-флагманский («адмиранта») корабли этих флотов, а как можно сильнее их вооружить, приготовив для возможных встреч с пиратами. Кроме того, он предложил построить 12 мощно вооруженных галионов сопровождения. Такие корабли были быстро построены на верфях в Бискайском заливе. Хокинс не мог не знать об этом. Поэтому посещение Сан-Хуан-де-Улоа при таких обстоятельствах представлялось ему делом весьма опасным. Но он решил рискнуть, надеясь на свою опытность и счастливую звезду.

Вместе с захваченными испанскими судами британские корабли 15 сентября 1568 г. вошли в гавань Сан-Хуан-де-Улоа. Испанские власти при появлении кораблей приняли их за ожидавшийся флот из Севильи и потому приготовили пышную встречу. Велико же было их разочарование и огорчение, когда они поняли, что пришли британские корабли.

Однако Хокинс делал все, чтобы доказать испанцам свои добрые намерения. Он заявил, что не собирается отбирать у них сокровища, подготовленные для отправки в Испанию. Он хочет лишь просить разрешения произвести ремонт своих кораблей и пополнить запасы воды и продовольствия. Хокинс послал письмо вице-королю Мексики с одним из испанцев с захваченного корабля. В своем послании он писал, что, будучи подданным британской королевы, любящей сестры короля Филиппа, он надеется на покровительство вице-короля в случае прихода в порт испанского флота. Всех захваченных испанцев он, конеч-

но, освободит и передаст властям их корабли. В то же время Хокинс высадил небольшой отряд моряков на одном из островов залива и установил там орудия. Казалось, все предусмотрено.

Но через два дня после прихода англичан в Сан-Хуан-де-Улоа, утром 17 сентября, показались корабли испанского «золотого флота». Это была первая эскадра, организованная так, как предлагал Менендес. Она состояла из 13 кораблей, ведомых королевским галионом. Ею командовал Франциско де Луксан. На борту флагманского корабля находился новый вице-король Мексики Мартин Энрикес.

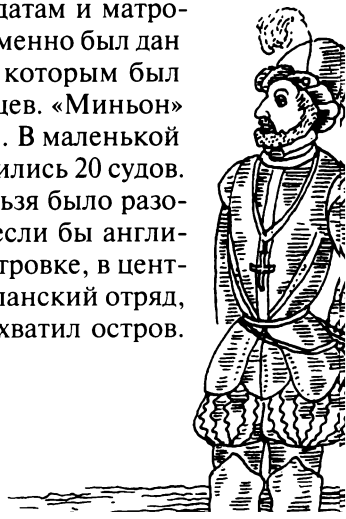
Дон Мартин направил Хокинсу письмо, в котором сообщал, что если англичане беспрепятственно впустят испанские корабли во внутреннюю часть гавани, то он гарантирует им свободный выход из нее. Хокинс не поверил обещанию вице-короля и в ответном письме предложил другое: во-первых, ему должна быть дана возможность купить продовольствие на берегу на деньги, которые он выручит от одновременной продажи находящихся у него рабов; во-вторых, ему будет дана возможность произвести ремонт своих судов; в-третьих, высаженный на острове британский гарнизон должен находиться там до ухода английских кораблей; в-четвертых, договаривающиеся стороны обмениваются 12 заложниками.

Дон Мартин возражал против предложений Хокинса, говоря, что он дал свое слово, слово вице-короля, в обеспечение безопасности англичан, и этого вполне достаточно. Если Хокинс не уступит, то он, имея тысячу солдат, войдет в гавань с боем. Хокинс был не робкого десятка. «Если он вице-король, — ответил Хокинс, — то я представляю здесь мою королеву, и, таким образом, я такой же вице-король, как и он, и если у него есть тысяча человек, то для своих ядер и пуль я найду хорошее применение»²⁷.

Прошло три дня, а соглашение достигнуто не было. Наконец 20 сентября вице-король сообщил, что принимает условия Хокинса. Хокинс вошел на борт адмиральского корабля, где было подписано долгожданное соглашение и произошел обмен заложниками. Торжественно прозвучали трубы, раздались залпы приветственных салю-

тов, и испанский флот вошел в гавань. Гавань была очень маленькой, и испанские корабли стали совсем рядом с английскими. Ближе всего стоял «Миньон». Между ним и ближайшим испанским кораблем было примерно 17 м. Капитаны испанских кораблей были в высшей степени любезны и предупредительны. Но от Хокинса не укрылись опасные действия дона Мартина. Тот послал на лодке своего гонца к губернатору порта с приказом собрать на берегу тысячу солдат в полной боевой готовности.

В течение двух дней, пока команды судов обменивались любезностями, к берегу были стянуты войска; и Хокинс увидел, что ночью между «Миньоном» и испанским кораблем встало большое торговое судно водоизмещением 800 тонн. Оно почти касалось борта «Миньона». Хокинс также заметил, что на это судно перешли моряки с других испанских кораблей. Он послал протест вице-королю. Последний отвечал, что дал приказание прекратить всякие действия, вызывающие подозрения англичан. Но Хокинс, видя, что ничего не изменилось, послал вторичный протест, направив к вице-королю Роберта Барретта с «Иисуса из Любека», хорошо говорившего по-испански. Положение осложнялось еще и тем, что значительная часть английских матросов сошла на берег, где испанские хозяева усердно угощали их вином. Вице-король, поняв, что Хокинс догадался о его намерениях, приказал запереть Барретта в каюте, выбежал на палубу и взмахнул белым шарфом. Затрубили трубы, и масса людей хлынула с испанского судна на «Миньон». С другого борта у «Миньона» стоял «Иисус из Любека», и Хокинс приказал солдатам и матросам переходить с него на «Миньон». Одновременно был дан выстрел по вице-адмиральскому кораблю, которым был взорван пороховой склад и убиты 300 испанцев. «Миньон» был отбит. В сражение вступили все корабли. В маленькой гавани, шириной всего в полмили, жестоко бились 20 судов. Пороховой дым окутал корабли. Ничего нельзя было разобрать. Можно сказать с уверенностью, что если бы англичанам удалось сохранить свои позиции на островке, в центре гавани, то победа была бы за ними. Но испанский отряд, сосредоточенный на берегу, неожиданно захватил остров.

Все английские солдаты, находившиеся там, были убиты, орудия повернуты в сторону британских судов. Были потоплены «Ангел» и «Ласточка». «Божье благословение» был сильно поврежден, и капитан Бланд приказал поджечь его и направить в сторону испанских судов. Сам же он с уцелевшими членами экипажа перешел на борт «Иисуса из Любека». Испанцы потеряли четыре корабля. Большой ущерб врагу наносила артиллерия флагмана англичан. Находившийся там Хокинс руководил сражением с большим хладнокровием. Во время особенно ожесточенного обстрела он послал своего слугу за пивом. Выпив пива из серебряного кубка, Хокинс поставил его на борт судна. Но в тот же момент кубок был сбит испанским ядром. Обратясь к пушкарям, Хокинс воскликнул: «Ничего не бойтесь, Бог, который спас меня от этого выстрела, избавит нас и от этих предателей и негодяев»²⁸.

Однако испанские ядра сделали свое дело. «Иисус из Любека» почти тонул. Хокинс приказал «Юдифи» и «Миньону» подойти вплотную к флагману, для того чтобы забрать людей и перегрузить находившиеся в трюмах товары и приобретенные у испанцев драгоценности. Это было сделано. Оба судна подошли к «Иисусу», и работа началась. Но вскоре англичане увидели несущиеся на них охваченные огнем два испанских корабля. Этот прием широко практиковался в то время. В данном случае испанцы подожгли специально купленные по приказу вице-короля частные торговые суда. При виде этих огромных плывущих факелов англичан охватила паника. Тогда Хокинс решил пожертвовать «Иисусом из Любека» и уходить из Сан-Хуан-де-Улоа на «Юдифи» и «Миньоне».

Но случилось так, что корабли возвращались домой раздельно. Чем это объяснялось, сказать трудно: сохранившиеся сведения очень противоречивы. Одни обвиняют Дрейка в том, что он в трудную минуту бросил Хокинса. Другие его оправдывают. В своем отчете Хокинс писал: «“Юдифь” бросила нас в нашем несчастье». Но в то же время он сообщает, что Дрейку было приказано подойти к «Миньону» и «забрать людей и необходимые вещи, и он это сделал»²⁹. Во всяком случае, когда по возвраще-

нии адмиралтейство начало расследование всех обстоятельств плавания. Дрейку не было предъявлено никаких обвинений. Деловые и дружеские отношения с Хокинсами у него сохранились до конца его дней. Вероятнее всего, Дрейк, взяв людей и грузы, считал своей главной задачей привести благополучно «Юдифь» в Англию, что и было им выполнено. 20 января 1569 г. «Юдифь» подошла к Плимуту. Судно было в хорошем состоянии, на его борту находились 65 человек.

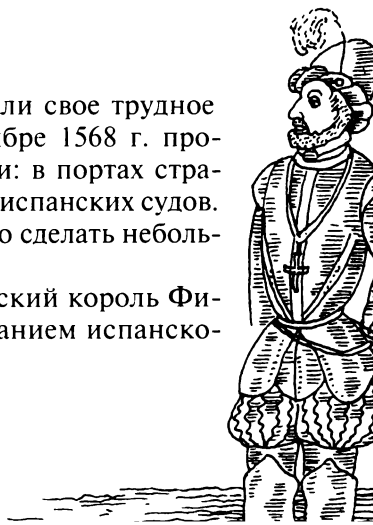
Обратное плавание «Миньона» сложилось поистине трагически. На судне находились 200 человек, а продовольствия почти не было. Было ясно, что людей ждет в море голодная смерть. Тогда 100 человек добровольно вызвались остаться на берегу, чтобы дать шанс остальным добраться домой. Они были высажены на испанском берегу. Лишь двум из них, М. Филипсу и Д. Хартору, через много лет, уже к концу столетия, удалось вернуться домой. Остальные погибли в застенках инквизиции и на галерах. Оставшимся на судне это все равно не помогло. Продовольствие быстро кончилось, были съедены собаки, кошки, крысы и попугаи, имевшиеся на судне. Смерть косила людей. Но все-таки Хокинс довел свой корабль до Плимута. Он вернулся домой на пять дней позже Дрейка, 25 января 1569 г., через четыре месяца после ухода из Сан-Хуан-де-Улоа. На борту «Миньона» осталось в живых лишь 15 человек.

Всю свою жизнь Дрейк не мог простить Мартину Энрикесу его коварства в Сан-Хуан-де-Улоа.

III

Когда «Юдифь» и «Миньон» совершали свое трудное обратное плавание, в Англии в ноябре 1568 г. произошло событие чрезвычайной важности: в портах страны неожиданно оказалось большое число испанских судов. Для того чтобы понять происшедшее, надо сделать небольшое отступление.

За год до этого, осенью 1567 г., испанский король Филипп II приказал войскам под командованием испанско-

го гранда дона Фердинанда Альварес де Толедо, герцога Альбы, войти в непокорные Нидерланды для истребления там «духа мятежа и ереси». Армия Альбы состояла из трех бригад, укомплектованных опытными солдатами, которые, пока им платили жалованье, были лучшим войском Европы. Обходились же они королю дорого. В бригаде было около 3 тыс. солдат, стоивших испанской казне 1,2 млн дукатов в кампанию. Один из прибывших отрядов расположился в Генте, другой — в Льеже, третий — в Брюсселе.

Деньги для выплаты жалованья солдатам перевозились на судах. И вот в ноябре 1568 г., когда испанский флот, перевозивший деньги, находился в Ла-Манше, на него напали французские корсары. Флот разделился на три группы, нашедшие спасение в трех английских портах: Фалмуте, Плимуте и Саутгемптоне. Испанский посол Гуэро де Спес обратился к английскому правительству, прося перевезти все деньги, находящиеся на кораблях, в Дувр, где они опять будут погружены на испанские суда. Правительство обещало это сделать, а королева даже предложила эскортировать своими судами испанский флот до Нидерландов. Испанского посла несколько озадачила такая предупредительность, но ему ничего не оставалось, как согласиться с предложением английского правительства. Следует сказать, что выплата таких огромных сумм была не под силу даже столь богатому человеку, как испанский король. Ему приходилось брать займы у банкиров. Деньги, попавшие в руки англичан, были взяты у генуэзского банкирского дома Спинолы. В конце ноября Бенедикт Спинола, представитель банка в Лондоне, получил известие от своего агента в Испании о том, что экспедиция Хокинса окончилась неудачей. Все ее участники, включая Хокинса, якобы были убиты. Спинолу очень обеспокоило это известие. Он понимал, что оно может осложнить отношения между Англией и Испанией, что, в свою очередь, повлечет потерю денег. Но, думал он, деньги принадлежат банку, пока не будут переданы герцогу Альбе в Антверпене. Значит, еще есть время остановить операцию.

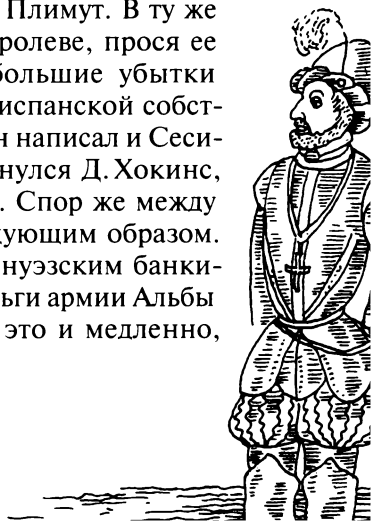
Спинола написал о полученных известиях британскому адмиралу У. Винтеру, корабли которого стояли в Плимуте.

Винтер немедленно переслал это письмо Уильяму Хокинсу, брату Джона. Получение страшного известия не лишило У.Хокинса деловой сметки. Он сразу же начал действовать, стараясь извлечь максимум прибыли из создавшейся ситуации.

На следующий день У.Хокинс написал письмо государственному секретарю Уильяму Сесилу, прося его лично допросить Спинолу и, если тот подтвердит все, что написал в своем письме, немедленно наложить секвестр на испанские деньги. Сесил не колебался в принятии решения. 8 декабря деньги были в руках англичан. Разозленный дон Гуэро обратился к герцогу Альбе, прося его наложить эмбарго на собственность всех британских подданных в Нидерландах. 19 декабря герцог Альба выполнил просьбу посла. В тот же день дон Гуэро потребовал от английского правительства возвращения денег. В ответ королева Елизавета наложила эмбарго на всю испанскую собственность в Англии, что намного превышало стоимость британского имущества в Нидерландах.

Наложение королевой эмбарго послужило основанием для захвата товаров испанских кораблей. Герцог Альба послал своего представителя д'Ассонлевиля в Лондон для переговоров. Тем временем испанские корабли, находящиеся в портах Англии, были конфискованы, а их экипажи арестованы. Захваченные деньги были перевезены в Тауэр. Дон Гуэро находился под домашним арестом. Прибыв в Лондон, д'Ассонлевиль был арестован, так как не имел верительных грамот от испанского короля.

Но 26 января 1569 г. Дрейк вернулся в Плимут. В ту же ночь У.Хокинс послал с ним письмо королеве, прося ее возместить понесенные экспедицией большие убытки из средств, полученных от конфискации испанской собственности в стране. Аналогичное письмо он написал и Сесилу. Через неделю, однако, в Плимут вернулся Д.Хокинс, и вопрос о компенсации повис в воздухе. Спор же между Елизаветой и Филиппом был решен следующим образом. Королева взяла на себя долг Филиппа генуэзским банкирам, а Филипп решил впредь посылать деньги армии Альбы сухопутным путем, несмотря на то, что это и медленно,

и дорого. Одна такая перевозка требовала 17 повозок, пять смен лошадей и 200 солдат конвоя.

Джон Хокинс и Фрэнсис Дрейк горели огнем мщения. Но пути мести они выбрали разные. Хокинс прикинул-ся преданным союзником короля Филиппа. Он вызвался своим флотом охранять подступы к испанской Америке от вражеских кораблей всех национальностей. Для этого он имел достаточный флот, насчитывавший 16 кораблей. В распоряжении Хокинса находилось 500 матросов. За свои услуги Хокинс ожидал различных благ от испанцев: участие в доле вест-индской торговли, особые привилегии для себя в сравнении с другими иностранными купцами.

Для лучшего осуществления своего плана Хокинс даже стал участником заговора против своей королевы. Дело в том, что в это время в глубокой тайне готовилось свержение Елизаветы с престола. Вместо нее испанский король хотел сделать английской королевой Марию Стюарт, королеву Шотландии, находившуюся в заточении в Англии. Нити заговора сосредоточивались у итальянского банкира Ридольфи, агента Папы римского. После захвата престола Марией Шотландской герцог Альба должен был высаживать войска в Англии, используя для их переброски флот под командованием герцога Медины. Хокинс просил испанского посла передать королю, что он в критический момент поддержит испанцев. И посол, и король Филипп поверили в искренность англичанина. За свои услуги Хокинс просил освободить его матросов в испанских тюрьмах и возместить ему понесенный ущерб. К концу августа 1571 г. его матросы были освобождены и отправлены на родину, получив по 10 дукатов каждый. Хокинс же получил 40 тыс. ф. ст. Кроме того, король Филипп выдал ему патент на звание испанского гранда. Хокинс вошел в такое доверие к испанскому послу, что тот сообщал ему о каждом шаге, предпринятом заговорщиками. На самом же деле Хокинс и не думал изменять королеве. Он действовал с согласия английского правительства и обо всем его постоянно информировал. В январе 1572 г. королева приказала испанскому послу немедленно покинуть Англию. Заговор был раскрыт. Посол так никогда и не узнал, кому

он обязан провалом безукоризненно, казалось бы, спланированной операции.

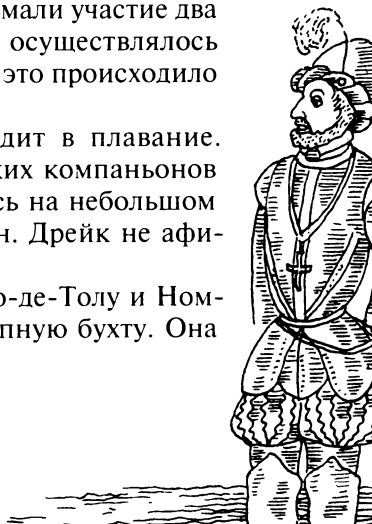
План мщения, задуманный Дрейком, вполне соответствовал его характеру. Он был смелым до дерзости. Дрейк бросал вызов самому могущественному монарху мира. Он решил нанести решительный удар Испании там, где сосредоточивались все сокровища, дававшие силу иберийскому владыке. В Сан-Хуан-де-Улоа Дрейк увидел, как стекается серебро Мексики к Атлантическому побережью. Он узнал, что ежегодно все драгоценности, добытые на перуанских рудниках, доставляются на Тихоокеанское побережье Панама, а оттуда на мулах переправляются в Номбре-де-Диос, порт на Атлантическом побережье. К тому времени сюда приходит испанский флот из Севильи, обычно в составе 70 кораблей, который и доставляет драгоценности в Испанию. Дрейк решил нанести удар именно здесь, в «сокровищнице мира», как называли это место пираты всех стран.

Но сначала Дрейк, как он задумал еще до плавания в Сан-Хуан-де-Улоа, женился на Мэри Ньюмен. Это произошло 4 июля 1569 г. Фрэнсису было 25 лет, его невесте — 17. Ее отец — Гарри Ньюмен — тоже был моряком.

Вскоре после свадьбы Дрейк отправился в Карибское море. Это плавание было одним из этапов подготовки к задуманной экспедиции в Панаму. Оно осуществлялось с такой большой секретностью, что не осталось никаких документов, никаких письменных следов. Неизвестно, когда оно началось и когда кончилось, как проходило. Известно лишь, что в плавании принимали участие два корабля — «Лебедь» и «Дракон», что оно осуществлялось на средства адмирала Винтера. Вероятно, это происходило в конце 1569-го — начале 1570 г.

В следующем году Дрейк снова уходит в плавание. На этот раз на свой страх и риск. Никаких компаньонов у него не было. Плавание осуществлялось на небольшом барке «Лебедь» водоизмещением 30 тонн. Дрейк не афишировал и это предприятие.

На побережье Панама между Сантьяго-де-Толу и Номбре-де-Диос Дрейк обнаружил великолепную бухту. Она

была достаточно широка и глубока, хорошо защищена от ветров. На берегу росло много фруктовых деревьев. Дрейк назвал бухту Портом Фазанов, потому что там он увидел множество этих птиц. Прежде чем корабли Дрейка покинули бухту, он приказал очистить берег от зарослей, прорубить просеки в лесу и спрятать запасы продовольствия. Все это он держал в строгом секрете. Подготовка к давно задуманной экспедиции была закончена. Пора было ее начинать.

Глава вторая Путь к «сокровищнице мира»

24 мая 1572 г. Фрэнсис Дрейк на двух кораблях — «Паша» (70 тонн) и «Лебедь» (30 тонн) — покинул Плимут, бросая вызов самому могущественному флоту мира. Сам Дрейк находился на «Паше», «Лебедем» командовал его младший брат Джон. Корабли имели запасы продовольствия на год, были хорошо оснащены артиллерией. На борту «Паши» в разобранном виде находились пиннасы (род галер, пригодных и для паруса, и для весел, и для береговой, и для речной службы). В экспедиции принимали участие 73 человека. Всем им, кроме одного, было до 30 лет.

Через 12 дней корабли достигли Канарских островов, а на 37-й день плавания они были в Карибском море между островами Доминика и Гваделупа. Дрейк приказал стать на якорь у скалистого необитаемого острова в пяти милях от острова Доминика. Это была первая стоянка со времени выхода из Плимута. Были пополнены запасы пресной воды из ручьев, стекавших с гор. Три дня команды судов отдыхали. 1 июля Дрейк покинул остров, держа курс на Кабо-де-ла-Вела. 12 июля он увидел Порт Фазанов.

Дрейк приказал спустить лодку. Подойдя к суше, Дрейк увидел, что берег опять зарос так, как будто его не очищали всего год назад. Место казалось необитаемым. Но вдруг Дрейк увидел дымок над деревьями. Это крайне встревожило его. У него с собой не было оружия. Он вернулся на «Пашу», захватил вторую лодку с вооруженными людьми и опять подошел к берегу. На этот раз он высадился. Никого не было видно. Стояла полная тишина. Слышалось лишь пение птиц и дымилось подожженное дерево. Но когда Дрейк подошел к нему, он увидел на соседнем дереве блестящую в лучах солнца металлическую табличку, на которой было нацарапано: «Капитан Дрейк. Если судьба приведет вас в этот порт, немедленно уходите! Испанцы обнаружили это место и взяли все, что вы здесь оставили. Я ухожу отсюда сегодня, 7 июля 1572 г. Любящий вас друг Джон Гарретт».

Значит, Гарретт был здесь лишь пять дней назад. Дрейк знал этого капитана из Плимута. Вероятно, люди из его команды, участвовавшие в предыдущем плавании и перешедшие на службу к Гарретту, показали эту бухту своему новому капитану. А тот, обнаружив следы испанцев, предупредил Дрейка.

Что было делать? Самое благоразумное — уйти. Но это было не в правилах Фрэнсиса Дрейка. Он решил закрепить-ся на берегу. Другой столь удобной гавани для осуществления его плана не было. Тем более что ближайшее поселение испанцев находилось не ближе, чем в 100 милях от Порта Фазанов, и опасность неожиданного нападения испанцев была невелика. Дрейк приказал поставить «Пашу» и «Лебе-дя» на якорь в гавани. Затем на берегу началось строительство форта. Одна его сторона была обращена к заливу, и в случае опасности можно было быстро покинуть форт, пересев на пиннасы. Растительность на расстоянии 20 м от форта была вырублена.

На следующий день Дрейка ждал сюрприз, которого он менее всего мог предполагать. В гавань вошло английское судно. Дрейк узнал его. Корабль принадлежал зна-комому ему Эдварду Хорси. Командовал им Джеймс Ренс. На судне было 30 человек экипажа. Среди них оказались

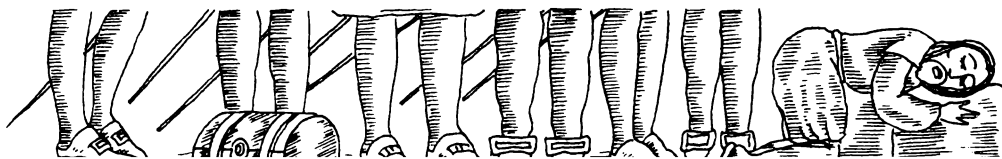
матросы, плававшие в прошлом году с Дрейком и теперь показавшие новому хозяину заветную гавань. Вероятно, неожиданное появление соотечественников не обрадовало Дрейка, но он решил и это обстоятельство обратить в свою пользу. Он предложил Ренсу участвовать в его экспедиции, тем более что у Ренса было два захваченных по пути испанских судна.

Неделю шли приготовления. 20 июля корабли и пиннасы покинули Порт Фазанов и поплыли вдоль побережья Панама. Через три дня они обнаружили три маленьких острова, густо покрытых растительностью. Дрейк назвал их Основными островами. Там он встретил два испанских судна из Номбре-де-Диос, команды которых состояли из негров. От них Дрейк узнал очень важные новости. Население Номбре-де-Диос было очень встревожено и даже обратилось к губернатору Панама с просьбой прислать войска. «Не потому ли, что они узнали, что я здесь?» — осведомился Дрейк. «Нет, — отвечали ему. — Мароны напали на город».

Здесь надо сделать небольшое пояснение. Подвергавшиеся нещадной эксплуатации на плантациях испанских колонистов негры массами бежали в горы. В 1570 г. епископ Панама писал королю Филиппу, что из каждой тысячи привезенных негров 300 убегают. Беглецы захватывали с собой негритянских и индейских женщин и создавали в труднодоступных местах поселения. Оттуда они нападали на испанцев. За десятки лет численность беглых рабов, или, как их называли, маронов, стала весьма внушительной, и они держали в страхе испанскую колониальную администрацию.

Негры рассказали Дрейку, что мароны захватили в Номбре-де-Диос тринадцать негритянских женщин, стиравших белье на реке. А шесть недель назад неожиданно напали на город. Можно представить, с каким интересом выслушал Дрейк этот рассказ. Он отпустил негров на свободу, не боясь, что они расскажут о его появлении. Он был уверен, что будет в Номбре-де-Диос раньше их.

Дрейк оставил корабли на попечение Ренса, а сам с 70 матросами, своими и Ренса, на четырех пиннасах (три его и одна с корабля Ренса) поплыл к Номбре-де-Ди-

ос. 28 июля он достиг острова, находившегося в 70 милях от Сосновых островов. Ранним утром Дрейк высадил на острове своих людей, раздал оружие и произнес напутственную речь. «Операции обеспечен несомненный успех, — сказал он. — Город не защищен, никто нас не ждет. Наши люди отчаянные храбрецы. Город будет взят».

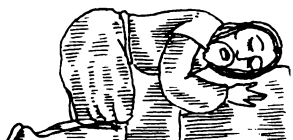
К вечеру Дрейк приказал двигаться дальше. Пиннасы держались близко к берегу, чтобы дозорные в Номбре-де-Диос их не обнаружили. Когда до порта оставалось всего шесть миль, Дрейк приказал остановиться. Дождались полной темноты и вновь поплыли. Стараясь производить как можно меньше шума, вошли в гавань. Стали на якорь. Дрейк шепотом отдал приказание всем отдыхать. Спутники Дрейка были очень молодые люди, почти мальчики. Нервы их были напряжены. Полная темнота действовала угнетающе. В голову лезли тревожные мысли. Вспомнились рассказы встреченных негров о Номбре-де-Диос. Воображение рисовало его в виде большого города, подобного Плимуту. Смогут ли они его захватить? Дрейк уловил настроение своих людей. Бездействие угнетало их. Надо было что-то предпринять. Увидев, что луна показалась над горизонтом, Дрейк воскликнул: «Солнце встает. Начинается день. Время пришло!» Атака на Номбре-де-Диос началась в три часа утра, на час раньше намеченного времени.

Но опять неожиданность поджидала Дрейка. Через несколько минут после того, как пиннасы двинулись к берегу, в залив вошло испанское торговое судно. Двигавшиеся по заливу четыре незнакомых корабля вызвали подозрение испанского капитана, он понял, что случилось неладное. С корабля была спущена лодка с гонцом, чтобы предупредить людей в городе. Дрейк, увидев это, закрыл своими судами подход к берегу, отрезав лодке путь. Его матросы в это время уже высадились на суше. Они увидели шесть пушек, установленных на платформе, возвышавшейся над заливом, которые охранял лишь один солдат. Заметив высадившихся на берег англичан, он убежал. Вскоре в городе зазвонили колокола, раздался барабанный бей. Вероятно, убежавший солдат поднял тревогу.

Оставив двенадцать человек охранять пиннасы, Дрейк повел остальных на вершину холма, находившегося в восточной части города. Там, как ему сообщили встреченные негры, стояла артиллерийская батарея, которая могла обстреливать весь город. Но ее не оказалось. Хотя места для установки пушек были сделаны, самих пушек не было. Дрейк дал приказ атаковать город. Его брат Джон и высокий сероглазый девонширец Джон Оксенгем с шестнадцатью людьми пошли к зданию казначейства. Сам Дрейк повел 40 человек к рынку, находившемуся в центре города, приказав бить в барабаны и трубить, чтобы усилить страх жителей. Но уже рассвело, и испанцы увидели, что силы напавших незначительны. Они приободрились. Дрейк был ранен в ногу. Испанцы перешли в атаку. Но неожиданно за их спинами раздался боевой клич англичан: «Святой Георгий!» Это Джон Дрейк со своими людьми напал на испанцев с тыла. Те дрогнули и побежали. Дрейк остался хозяином положения. Были взяты несколько пленных. Дрейк приказал привести их к нему. «Где дом губернатора?» — спросил он. Получив ответ, Дрейк бросился туда. В доме губернатора складывалось серебро, доставляемое мулами. Именно серебро, а не золото. Подойдя к дому, Дрейк увидел, что дверь открыта. Около нее стоял прекрасный пони. Он был оседлан и, казалось, поджидал хозяина или хозяйку. Но дом был пуст, зажженные канделябры наверху лестницы бросали желтый свет на стены. Однако Дрейка не отвлекла эта романтическая картина. Он спешил к драгоценностям. Ему говорили, что они находятся в подвале дома.

Спустившись в подвал, Дрейк и его люди увидели груды серебра. Но Дрейк запретил трогать его. «Мы не можем сейчас его взять с собой, — сказал он. — Мы должны сражаться. Город полон вооруженных людей. Они преследуют нас. Да потом ведь это лишь серебро, а золото и бриллианты в казначейском доме на берегу залива. Скорее туда, там мы возьмем столько драгоценностей, что они смогут утопить наши пиннасы. Надо спешить».

Матросы послушались Дрейка и пошли за ним. Но вскоре Дрейк получил известие, что пиннасы на берегу могут

быть захвачены испанцами, если он со всеми людьми до наступления темноты не придет на помощь. Дрейк тотчас послал брата и Оксенгема сообщить, что он скоро придет к берегу, а сам направился к дому казначейства. Вернувшиеся Джон Дрейк и Оксенгем рассказали, что марон по имени Диего прибежал из города к пиннасам и просил охранявших их матросов спасти его. Диего рассказал, что неделю назад 150 солдат были посланы губернатором Панамы защитить город от маронов, т. е. он подтвердил то, что Дрейку рассказали негры со встретившихся ему испанских судов. Обстановка с каждой минутой становилась все опаснее. Дрейк должен был действовать быстро и точно, чтобы сокровища оказались в его руках.

Но тут счастье изменило Дрейку. Разразился сильнейший тропический ливень. У людей Дрейка вымок порох, запалы мушкетов гасли, тетива луков ослабла. Все были близки к панике. Тогда Дрейк закричал: «Я привел вас в «сокровищницу мира». Если вы уйдете отсюда без сокровищ, то вините в этом только себя!»¹

На его счастье ливень прекратился так же неожиданно, как и начался. Дрейк приказал брату и Оксенгему идти в дом казначейства. Сам же направился к рынку. Но неожиданно покачнулся и упал. Из полученной утром раны хлынула кровь. Он скрывал ранение, чтобы не пугать своих спутников. Его люди бросились к нему, перевязали рану и стали настаивать, чтобы он вернулся на пиннасы. Дрейк отказывался, но силы покидали его, он потерял слишком много крови. Матросы отнесли Дрейка на пиннасу.

Опасность потерять капитана заставила их забыть о богатствах, хранящихся в городе. Его жизнь была им дороже всех сокровищ испанской Америки: без него они не смогли бы вернуться на родину.

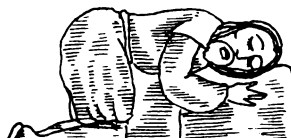
Переправив на пиннасы всех раненых и захватив испанский корабль, помешавший им на рассвете благополучно осуществить намеченную операцию, экспедиция Дрейка покинула Номбре-де-Диос. На захваченном корабле оказался груз вина с Канарских островов, и это несколько уменьшило горечь неудачи. У Дрейка был убит один человек, испанцы потеряли восемнадцать.

Пройдя несколько миль, пиннасы Дрейка подошли к небольшому острову Бастиментос, который служил местом летнего отдыха жителей Номбре-де-Диос. Там Дрейк и его люди увидели множество садов, где росли различные плодовые деревья. Было много кур и незнакомых, очень приятных на вкус птиц. Люди отдыхали, залечивали полученные раны. Никто их не беспокоил. Казалось, испанцы забыли про них.

Но через два дня на острове появился изяшный молодой человек и сказал, что он послан губернатором. Дрейк, хотя и решил, что это губернаторский шпион, принял молодого человека со всей любезностью. Дрейк осведомился о причине его визита. Испанец ответил, что губернатор хотел бы узнать, тот ли это Дрейк, который уже дважды побывал в испанской Америке и оставил о себе хорошую память гуманным обращением с захваченными им испанцами. «Я тот самый Дрейк», — ответил капитан. Посланец губернатора также хотел узнать, не были ли отравлены те стрелы, которыми были ранены многие испанцы во время столкновения в Номбре-де-Диос, и если да, то как надо лечить раны. Наконец, губернатор хочет знать, не нуждается ли Дрейк в продовольствии: он готов прислать ему все необходимое.

Дрейк отвечал, что не в его обычае использовать отравленные стрелы и что любой хирург в состоянии лечить эти раны. Что касается продовольствия, то на острове он имеет его в изобилии. Но тут хладнокровие покинуло Дрейка. «Я советую губернатору смотреть во все глаза, — зло сказал он испанцу. — До своего ухода, если Бог сохранит мою жизнь, я намерен собрать часть вашего урожая, который вы снимаете с этой земли и посылаете в Испанию, чтобы держать в беспокойстве весь мир».

Подхватив конец фразы Дрейка, посланец губернатора сказал: «Могу ли я позволить себе узнать, почему вы в таком случае не взяли 360 тонн серебра, находящегося в губернаторском доме, и еще большее количество золота, хранившегося в железных ящиках казначейского дома?» Дрейк ответил, что был ранен и люди унесли его. Испанец вежливо отметил, что в таком случае его люди так же благоразум-

ны, как и храбры. Номбре-де-Диос, добавил он, не ищет реванша, но подготовился к уверенной обороне².

Диалог весьма характерный для того времени, и окончился он вполне в духе века: Дрейк пригласил посланца губернатора отобедать с ним. Во время обеда Дрейк был изысканно любезен, а когда испанец собрался уходить, сделал ему богатый подарок. Возвратясь в Номбре-де-Диос, посланец губернатора говорил, что «никогда за всю его жизнь ему не оказывалось такой чести».

На острове Дрейк имел еще более важный разговор со спасенным мароном Диего. Из его рассказа Дрейк узнал, что река Чегрес имеет выход в Карибское море в восемнадцати лигах от Номбре-де-Диос. Именно туда подходят небольшие суда, поскольку река слишком мелка. Затем они плывут по реке до города Вента-Круз, находящегося в восемнадцати лигах от устья реки и всего в пяти лигах от города Панама на Тихоокеанском побережье, куда доставляются драгоценности из Перу. Из Панамы они на мулах переправляются в Вента-Круз, а там перегружаются на подошедшие суда. Последние доставляют их в Номбре-де-Диос. Эту операцию можно осуществить только зимой, когда река наиболее полноводна. В летние месяцы сокровища либо лежат на складах в Панаме, либо доставляются в Номбре-де-Диос сухопутным путем.

Дрейк послал своего брата Джона на одной из пиннас проверить рассказ Диего. Сам же с остальными тремя пиннасами вернулся к кораблям, оставленным у Сосновых островов. Дрейк умышленно в весьма драматических тонах рассказал Ренсу о случившейся с ним неудаче в Номбре-де-Диос, чем весьма напугал своего коллегу, который поспешил прекратить «сотрудничество» с Дрейком и ретироваться. Этого только и надо было Дрейку. Он хотел остаться один перед решительной схваткой за золото.

Джон Дрейк выполнил поручение успешно. Вернувшись, он рассказал брату, что в Вента-Круз можно добрать ся на пиннасах за три дня, что дорога, по которой проходят караваны с драгоценностями, хорошо видна с реки и легкодоступна. Джон установил также дружеские отношения с местными маронами.

Поскольку, как справедливо полагал Дрейк, все города на Атлантическом побережье Панама встревожены его появлением и подготовились к отпору, необходимо переждать, дать улечься волнению. Поэтому Дрейк решил сначала идти в Картахену. 13 августа его корабли бросили якорь у острова Сен-Бернардо, находящегося недалеко от Картахены. На одной из пиннас Дрейк подошел к входу в бухту и увидел там стоявший на якоре испанский корабль. На нем Дрейк нашел только одного матроса, объяснившего ему, что вся команда сошла на берег. Испанец рассказал Дрейку, что за два часа до этого мимо корабля прошла в Картахену испанская пиннаса, с борта которой его спросили, не видел ли он английские или французские корабли, и предупредили, чтобы он был начеку. Моряк также показал на другой испанский корабль, стоявший в глубине гавани, и сказал, что он должен на следующий день плыть в Санто-Доминго и на нем нет никакого груза. Это заинтересовало Дрейка, и он поспешил захватить корабль. Его действия увидели с берега и открыли оружейный огонь. Тем не менее Дрейк успел благополучно для себя увести оба корабля, причем второе судно было большим, водоизмещением 250 тонн.

Захваченные корабли Дрейк привел к острову Сен-Бернардо. По дороге туда он захватил два посыльных испанских корабля, которые везли в Картахену известие о нападении Дрейка на Номбре-де-Диос. Таким образом, у него скопилось слишком много кораблей, а людей было мало. Дрейк сжег два судна, в том числе «Лебедь», являвшийся его собственностью и составлявший почти весь его капитал. Остальные захваченные корабли Дрейк отпустил.

С одним «Пашой» и тремя пиннасами он ночью покинул Сен-Бернардо. Дрейк шел опять в направлении Панама и через пять дней обнаружил очень удобную и хорошо скрытую от проходящих судов гавань. Обосновавшись там, он послал 5 сентября брата Джона с Диего на пиннасе установить контакты с маронами, а сам на остальных двух отправился в поисках продовольствия. Он достиг устья реки Магдалена на территории современной Колумбии и в течение дня плыл по ней. Высадившись на берег, он

обнаружил огромные склады с продовольствием, предназначенным к отправке в Испанию. На складах находились и различного рода деликатесы для стола испанских грандов. Дрейк забрал все, оставив в тот год иберийский нобилитет без привычных заморских лакомств. 10 сентября Дрейк направился в обратный путь. По дороге он захватил три испанских судна, груженных свиньями, курами и гвинейской пшеницей, два из которых привел с собой в открытый им залив, названный Портом Изобилия.

К этому времени Джон Дрейк уже вернулся с хорошими новостями. Он сообщил, что мароны обещали сделать все, что в их силах, чтобы помочь Дрейку. Он договорился об этом с предводителем маронов по имени Педро. Джон также обнаружил очень удобную гавань, расположенную гораздо ближе к Номбре-де-Диос, чем Порт Изобилия.

На следующий день все корабли Дрейка уже плыли к новой гавани. Там Дрейк встретился с Педро. Тот спросил Дрейка, что он хочет получить за свое хорошее отношение к маронам. Дрейк, не колеблясь, ответил: золото. Педро сказал, что, хотя он и его люди не понимают ценности золота, другое дело железо — из него можно делать наконечники для стрел, они часто отнимают его у испанцев и прячут на берегах реки. Мароны с удовольствием отдали бы золото Дрейку, но сейчас берега затоплены. Начавшийся сезон дождей не позволит и караванам из Панамы доставить золото в Номбре-де-Диос. «Как долго это продлится?» — спросил Дрейк. «Пять месяцев», — был ответ.

Временем Дрейк располагал. В этом отношении отсрочка его не страшила. Его тревожило столь длительное бездействие команды. Он хорошо знал, что это может иметь пагубные последствия. Поэтому Дрейк поступил так. Он завел все свои и захваченные испанские суда в гавань, открытую братом Джоном. Приказал перенести пушки на сушу. Оставив Джона сторожить форт, Дрейк тем временем на двух пиннасах поплыл к Картахене, расположенной в 200 милях от гавани.

Ветер ему благоприятствовал, и через пять дней корабли подошли к острову Сен-Бернардо. Там Дрейк приказал бросить якорь. В порт он не заходил, несмотря на все-

возможные уловки испанских властей заманить его суда. Вместе с тем Дрейк выводил из себя испанцев, осматривая, но не захватывая входившие в порт корабли, как если бы он был хозяином Картахены. Наконец, 3 декабря Дрейк поплыл к реке Магдалена, а оттуда к городу Санта-Марта, находившемуся на полпути между Картахеной и Рио-дела-Хача. Здесь он едва избежал гибели. Предупрежденные о его приходе испанцы сосредоточили артиллерию в лесу на высоком западном берегу залива, в месте, наиболее удобном для стоянки судов. Когда корабли Дрейка подошли туда, неожиданно раздалась оружейные залпы, и ядра стали падать в воду рядом с английскими судами. Дрейк поспешил оставить город и увел пиннасы в открытое море. Команды пиннас начали роптать, так как со времени ухода из Картахены Дрейк не встретил ни одного испанского корабля, чтобы взять продовольствие, и люди страдали от голода. Тогда Дрейк решил действовать соответственно своей обычной практике: собрать офицеров, выслушать их мнения и поступить так, как сам считал нужным.

В данном случае офицеры с одной пиннасы считали, что нужно высадиться на побережье восточнее того места, где они находились, и попытаться достать продовольствие у местного населения. Офицеры с другой пиннасы также требовали немедленной высадки для поисков продовольствия. «Мы готовы следовать за тобой вокруг всего света, — говорили они, — но сейчас нам почти нечего есть. На восемнадцать человек экипажа пиннасы у нас только один окорок и 30 фунтов печенья. Мы все умрем, если не достанем продовольствия». Дрейк отвечал, что они находятся в лучшем положении, чем он сам. На его пиннасе такое же количество продовольствия приходится на 24 человека. Он уверен, что они последуют его решению, положась на «Божественное провидение, которое никогда не оставляет тех, кто верует в Бога». И приказал плыть к острову Кюрасао, находившемуся в 500 милях к востоку.

Люди со второй пиннасы очень неохотно последовали за капитаном. Но Дрейка ждала удача. Пиннасы не прошли и семи миль, как увидели испанский корабль. Дрейк немедленно приказал остановить его. Испанцы, видя подходя-

шие пиннасы, открыли по ним орудийный огонь. Сильная волна мешала Дрейку начать ответную стрельбу со своих маленьких суденышек. Когда волнение на море несколько успокоилось, с пиннас начался обстрел испанского корабля, а затем они подошли к нему вплотную, и люди Дрейка взошли на палубу. Судно было захвачено, на нем оказалось много продовольствия. Дрейк отпустил испанцев с миром, сам же поплыл дальше, но уже в другом направлении. Пусть испанцы ждут его где-нибудь у побережья Новой Андалузии. Он пойдет к оставленным на брата Джона судам. Пришло время соединить силы для осуществления главной цели.

Через семнадцать дней плавания Дрейк достиг Форта Диего, так он назвал место, где семь недель назад приказал построить укрепленный лагерь. Здесь его ждали плохие новости. Его брат Джон, совершая на пиннасе плавание вдоль берега, встретил испанское судно, которое попытался захватить. Но и сам он, и его люди были почти безоружны. Джон бросился на палубу корабля во главе штурмующей группы, держа в одной руке сломанную рапиру, а в другой вместо щита подушку. Он получил пулю в живот, и «в течение часа этот юноша, подававший большие надежды, окончил свои дни», — писал один из спутников Дрейка³.

Дрейка ожидала и другая беда. Десять человек заболели, и большинство из них умерли через несколько дней. Среди умерших был второй брат Дрейка — Джозеф. Надо заметить, что это единственный случай, когда в описаниях жизни Дрейка, воспоминаниях его современников и сподвижников упоминается имя этого его брата. Остались неизвестными ни обстоятельства его жизни до этого плавания, ни даже его возраст.

Дрейк приказал хирургу вскрыть тело Джозефа, чтобы обнаружить, что за болезнь поразила его команду, определить, как ее лечить. Вразумительного ответа Дрейк не получил: сам хирург умер через несколько дней. Один из спутников Дрейка впоследствии писал: «Это был первый и последний эксперимент в области анатомии, который капитан сделал во время плавания»⁴.

В начале января 1573 г. мароны, служившие Дрейку разведчиками, принесли известие о том, что в Номбре-де-

Диос прибыл из Испании флот под командованием Диего Флореса де Вальдеса, а в Панаме ведется подготовка к перевозке драгоценностей на Атлантическое побережье.

Дрейк послал одну из своих пиннас под названием «Лев» проверить сообщение маронов. Это нетрудно было сделать, ибо если флот действительно прибыл, то испанцы должны были свозить в Номбре-де-Диос на судах продовольствие из различных городов своих американских владений. Действительно, «Лев» вскоре встретил испанский корабль из Толу, груженный маисом, курами и тыквами. Продовольствие предназначалось для флота, стоявшего в Номбре-де-Диос. Судно вместе с тринадцатью испанцами, составлявшими его экипаж, было доставлено в Форт Диего. Там Дрейку с немалыми трудностями удалось уговорить маронов не убивать захваченных испанцев.

Было самое время начинать главное дело. Дрейк оставил часть своей поредевшей команды охранять захваченных испанцев, а сам с восемнадцатью матросами и двадцатью пятью маронами выступил в поход через Панамский перевал. Мароны оказывали Дрейку большую помощь. Они служили носильщиками, добывали пищу, охотясь на зверей и птиц, разбивали лагерь обычно на берегу рек, в тех местах, где было вдоволь овощей и фруктов. Вооружены они были луками и стрелами. Англичане заметили, что мароны имели различные виды стрел в зависимости от их назначения. Боевые стрелы были подобны шотландским, но несколько длиннее, с наконечниками из железа, дерева или рыбьих костей. Для охоты на крупного зверя они использовали стрелы с железными наконечниками весом в полтора фунта. Для охоты на небольших животных у них были стрелы с наконечниками, весившими вдвое меньше, а на птиц — стрелы с наконечниками весом не более 30 граммов. Железо на наконечниках было хорошо закалено, и они не тупились. В путь отправлялись с восходом солнца и шли до 10 часов утра. Отдыхали два часа. В полдень возобновляли переход и шли до четырех часов дня. После этого останавливались на ночевку. Мароны разбивали лагерь, готовили пищу.

На третий день отряд Дрейка пришел в селение маронов, которое было расположено на склоне холма недалеко

от реки. Селение было окружено рвом шириной в три метра и обнесено стеной высотой в четыре метра. В нем была одна широкая улица и несколько узких, пересекавших ее. Всего в селении было 50 домов. Оно имело очень опрятный вид. Жители по случаю прихода отряда Дрейка оделись в праздничные платья в испанском стиле. Вокруг селения на расстоянии трех миль постоянно находились патрули маронов, предупреждающие об опасности в случае появления испанцев, хотя от испанских поселений было более 100 миль.

В полдень на второй день пребывания в селении Дрейк возобновил переход. Четыре марона бесшумно шли впереди основного отряда, двенадцать составляли его арьергард. Было прохладно, высокие и ветвистые деревья давали густую тень.

В 10 часов утра на четвертый день перехода отряд Дрейка достиг места, одинаково удаленного как от Тихого, так и Атлантического океанов. Здесь на вершине огромного дерева находилась построенная маронами деревянная площадка. Забравшись на нее, Дрейк увидел в сверкающих лучах солнца сразу два океана: голубые воды Карибского моря и желтые воды Тихого океана. Это было совершенно фантастическое зрелище, особенно после многих дней пути в полумраке тропического леса. Вместе с Дрейком на платформе стояли еще несколько англичан, в том числе Джон Оксенгем. Все почувствовали величие момента: они были первыми британцами, увидевшими Тихий океан — «Испанское озеро», как называли его монархи пиренейских стран, ревниво охраняющие свои владения.

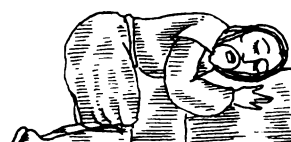
Взволнованный Дрейк, обращаясь к своим соотечественникам, поклялся, что «если всемогущий Бог продлит его дни», то он «пройдет на британском корабле по этому морю». А Джон Оксенгем добавил, что «если капитан не прогонит его, то он последует за ним во славу Божью»⁵. Но Оксенгему была уготовлена другая судьба. Впоследствии он предпринял самостоятельное плавание, попал в руки испанцев и умер в тюрьме Лимы, так и не побывав в Тихом океане.

Отряд Дрейка продолжал свой путь через лес, пока не вышел на очень красивое открытое место, заросшее

высокой и сочной травой, которая, к удивлению англичан, росла быстрее, чем скот успевал поедать ее. Теперь они находились совсем недалеко от Панамы. Скоро показалась башня городской церкви. 14 февраля Дрейк подошел к дороге, ведущей на Вента-Круз.

Педро, предводитель маронов, сопровождавших отряд Дрейка, переодел одного из своих людей в одежду, которую носили негры в Панаме, и послал его в город узнать, в какой день и час караван с драгоценностями отправится в Вента-Круз. Обычно караваны из Панамы в Вента-Круз выходили ночью, поскольку дорога проходила по открытой саванне. Вторая часть пути от Вента-Круз до Номбре-де-Диос совершалась днем, так как если нельзя было переправить драгоценности по реке, то надо было идти густым лесом.

Посланный в Панаму марон ушел за час до наступления темноты. Вскоре он вернулся. Ему удалось встретиться в городе с друзьями, от которых он узнал, что караван с драгоценностями, который будет вести сам казначей Лимы (с ним будут его жена и дочь, поскольку все семейство собиралось ехать в Испанию), выйдет той же ночью. Груз будут нести четырнадцать мулов, из которых восемь будут нагружены золотом и драгоценными камнями, а остальные — багажом казначея. За ними будут следовать еще два каравана из пятидесяти мулов, причем первый караван повезет продовольствие и немного серебра, а второй — золото и драгоценные камни. Дрейк приказал своим людям переодеться в белые рубашки, чтобы в темноте не напасть друг на друга. Затем он разбил отряд на две группы. Первой, во главе с Оксенгемом и Педро, он приказал залечь в траве по одну сторону дороги и не нападать на караван, пока с ними не поравняется последний мул. Сам же Дрейк перевел вторую группу на противоположную сторону дороги и расположил ее несколько впереди, приблизительно на расстоянии, которое займет на дороге караван. План его заключался в том, чтобы одновременно напасть на первого и последнего мула каравана. Мулы шли один за другим. Почуввав опасность, вожак обычно ложился, за ним ложились и остальные животные. Движение прекращалось. В этом и видел Дрейк успех предприятия.

Прошло тридцать пять недель со времени выхода Дрейка из Плимута. До сих пор его преследовали неудачи. Но теперь он твердо рассчитывал на успех. Ему казалось, что несметное богатство перуанских рудников уже в его руках.

Прошел час. Наконец в безмолвии тропической ночи послышался звон колокольчиков, которые обычно привешивали к шее мулов. Но, увы, шел караван со стороны Вента-Круз с продовольствием и товарами для населения Панамы. Только бы не показались в это же время мулы из Панамы. Но нет. Караван из Вента-Круз почти весь прошел, когда раздались звуки колокольчиков со стороны Панамы. Перуанские сокровища приближались.

Дрейка отделяло от них лишь несколько сотен метров. И в это время случилась неожиданность, разрушившая весь план операции. Один из матросов, Роберт Пайк, умудрившийся напиться пьяным, встал во весь рост и бросился к последнему мулу каравана, шедшего из Вента-Круз. В следующее мгновение на него прыгнул марон, находившийся рядом с ним, и прижал его к земле. Но было уже поздно. Один из всадников, сопровождавших караван, увидел мелькнувшее в темноте белое пятно рубашки англичанина и галопом помчался по дороге в направлении Панамы.

Дрейк ничего не знал о случившемся. Он только услышал через некоторое время какое-то изменение в доносившихся звуках колокольчиков. Ему показалось, что караван остановился. Он не понимал, в чем дело, но все еще был уверен, что встретится с казначеем столицы Перу.

Но казначей, узнав о подозрительном белом пятне, неожиданно появившемся у дороги, остановил первый караван, свел его с дороги и пропустил вперед второй, мулы которого были нагружены в основном продовольствием. Не зная всего этого, Дрейк, когда караван подошел к месту засады, дал сигнал к нападению. Его людям ничего не стоило захватить караван. Но когда они начали вскрывать мешки, то ни золота, ни драгоценных камней они не обнаружили. В поклаже было лишь продовольствие и немного серебра.

Тут же Дрейк узнал о случившемся. Вероятно, о его присутствии уже знают в Панаме. Посланные в разведку мароны доложили о приближающемся испанском отря-

де. Дрейк приказал подготовиться к бою. Вскоре показались испанские солдаты. Их офицер крикнул, увидев в темноте какие-то фигуры: «Кто вы такие?» Дрейк ответил: «Англичане». — «Сдавайтесь во имя короля Филиппа. Даю слово джентльмена и солдата, что я встречу вас со всем почтением». — «Во имя королевы Англии, — отвечал Дрейк, — я найду свой путь»⁶. Началась перестрелка. Пуля задела Дрейка, были ранены несколько его людей, один убит. Тем не менее Дрейк, свистком подозвав к себе всю группу, бросился на испанцев. Те начали отступать в направлении небольшого форта, расположенного у дороги ближе к Вента-Круз. В это время мароны, громко крича, выскочили из засады и бросились на испанцев. Преследуя испанцев, отряд Дрейка вошел в Вента-Круз, небольшой город, в котором было не более 50 домов. Не найдя сколько-нибудь значительных запасов драгоценностей в городе, Дрейк покинул его.

Видя, что люди очень устали, да и сам он сильно страдал от еще не зажившей раны в ноге, Дрейк приказал остановиться на отдых. Он послал одного из маронов в Форт Диего сообщить, что скоро вернется. Зная, что Эллис Хиксон, который был оставлен за старшего, не поверит никому на слово, Дрейк взял золотую зубочистку и нацарапал на ней: «От меня, Фрэнсис Дрейк». Действительно, Хиксон ничего не стал слушать и поверил только тогда, когда посланец показал ему надпись Дрейка на зубочистке. Вечером 22 февраля, когда Дрейк подошел к заливу, он увидел свои пиннасы и матросов, ожидавших его.

Неудача не поколебала намерений Дрейка захватить испанские сокровища. Время еще не было потеряно. Мулы еще не доставили драгоценной ноши, и «золотой флот» еще стоял в Номбре-де-Диос. Дрейк разделил свой отряд на две группы. Одну группу во главе с Оксенгемом он послал на пиннасе «Медведь» на поиски продовольствия, а сам во главе второй группы на пиннасе «Миньон» отправился подстерегать испанские корабли в Номбре-де-Диос.

Первая экспедиция закончилась успешно. Оксенгем захватил испанский фрегат с командой в десять человек,

на котором был большой запас маиса, двадцать восемь жирных свиней и двести кур. Но еще большую ценность представлял для англичан сам корабль. Это было совсем новое, крепкое, построенное в Гаване из отборного материала судно, предназначавшееся для охранной службы в Вест-Индии. Оно было необходимо для обратного плавания.

С Дрейком же случилось следующее. Он захватил испанский корабль, перевозивший золото из Веругуа в Номбре-де-Диос. Шкипер судна, генуэзец, сказал Дрейку, что вышел в плавание неделю назад. В городе, по словам шкипера, была паника, вызванная слухами о возможном приходе Дрейка, город почти не защищен и легко может быть взят, но надо поспешить. Дрейк приказал перегрузить золото с испанского корабля на «Миньон» и, захватив с собой генуэзца, направился в Веругуа со всей возможной скоростью. Но счастье опять отвернулось от него. Когда «Миньон» подошла к входу в гавань, раздались орудийные выстрелы с берега. Вопреки сообщению генуэзского шкипера порт бдительно охранялся. В то же время ветер переменился, и пиннаса не могла войти в гавань. Дрейк вынужден был повернуть назад.

Увидев захваченный Оксенгемом фрегат и оценив его достоинства, Дрейк приказал перенести на него артиллерию и запасы продовольствия. На этом корабле, взяв также пиннасу «Медведь», Дрейк направился в Номбре-де-Диос. На третий день пути англичане встретили французский корабль, шедший из Гавра. Командовал им капитан Тету, гугенот. Он рассказал Дрейку о массовом убийстве гугенотов в Париже в ночь накануне дня св. Варфоломея. Тету выразил желание принять участие в нападении на Номбре-де-Диос и в знак дружбы подарил Дрейку золотую саблю, которая, по его словам, принадлежала французскому королю Генриху II. Тоннаж французского корабля был значительно больше британского судна. Команда из 70 человек по численности более чем вдвое превосходила команду Дрейка. Поэтому Дрейк согласился на партнерство только после того, как договорился с Тету о том, что в операции будет участвовать одинаковое число людей, по двадцать с обеих сторон, и захваченная добыча долж-

на делиться пополам. Корабли стали на якорь в месте, указанном Дрейком. В течение пяти дней шла подготовка к предстоящей операции. Затем захваченное испанское судно, пиннаса «Медведь» и большой бот с французского корабля с сорока членами экипажей (двадцать французов, пятнадцать англичан и пять маронов) направились к Рио-Франциско, расположенному в двадцати милях от Номбре-де-Диос. Там вся группа высадилась на берег. Высланные в разведку мароны сообщили, что караваны мулов движутся к Номбре-де-Диос. Мароны сказали, что караваны везут столько золота и серебра, что отряд Дрейка не сможет все унести. По их сведениям, идут три каравана: один из пятидесяти, а два других по семьдесят мулов. Вес одного серебра составляет двадцать пять тонн. Кроме того, мулы несут большое количество золота и драгоценных камней.

Операция была проведена успешно. Как и было задумано раньше, люди Дрейка напали прежде всего на первого и последнего мулов. Остальные животные сразу же легли на дорогу. Охрана караванов, состоявшая из сорока пяти солдат, сопротивлялась недолго. Правда, во время перестрелки был тяжело ранен Тету. Англичане и французы взяли каждый столько золота, серебра и драгоценных камней, сколько могли унести. Остальное закопали в землю. На все это ушло два часа. Вдруг послышался топот копыт. Приближался испанский отряд. Люди Дрейка спрятались в лесной чаще. Два дня они шли к Рио-Франциско. Капитан Тету был настолько плох, что его пришлось оставить в пути. Два матроса добровольно вызвались нести его к берегу. Один французский матрос, напившийся пьяным, отстал от отряда.

Утром 4 апреля, подойдя к Рио-Франциско, отряд Дрейка увидел семь испанских пиннас, охранявших выход в море. Все было потеряно. Очевидно, испанцам удалось захватить и «Пашу», и французский корабль, и ранее захваченный англичанами испанский корабль. Пути дальше не было.

Дрейк не мог знать, что его нападение на караваны вызвало сильнейшее беспокойство испанских колониальных властей. Но особенно их тревожило участие маронов в нападениях англичан и французов. Они прекрасно понимали,

что им грозит, если, получив поддержку англичан и французов, мароны выступят против них. Тревожные послания были направлены королю Филиппу.

Когда мэр Номбре-де-Диос Диего Кальдерон узнал об успешном нападении Дрейка на караваны, он повел солдат к месту нападения. По дороге испанцы захватили капитана Тету и убили его. Через некоторое время был найден и оставший француз. Его привели в чувство и узнали, где Дрейк спрятал часть захваченных драгоценностей. Выкопав сокровища, испанцы вернулись в Номбре-де-Диос. Одновременно испанские колониальные власти приказали своим кораблям патрулировать побережье, чтобы не дать Дрейку уйти. Эти-то патрульные суда и увидел Дрейк в Рио-Франциско.

Дрейк не растерялся и в этом, казалось, безвыходном положении. Он приказал сделать из поваленных бурей деревьев плот. Дрейк решил, что, возможно, его суда находятся в открытом море, так как побережье охраняется испанцами. Его план состоял в том, чтобы незаметно проскочить через испанский кордон и поискать свои корабли. Один английский матрос, два французских, а также мароны во главе с Педро, который, кстати сказать, не умел плавать, вызвались сопровождать Дрейка.

Плот был спущен на воду. Незаметно для испанских судов Дрейк вышел в открытое море и через шесть часов плавания нашел две свои пиннасы. Матросы были очень встревожены, увидев, как мало людей вернулось из похода. Настроение поднялось лишь тогда, когда Дрейк протянул им золотой слиток, сказав: «Благодарю Бога, дело сделано!»

Ночью пиннасы незаметно подошли к берегу. На них были погружены драгоценности. Часть людей во главе с Оксенгемом и Педро осталась на берегу. Им Дрейк поручил найти Тету, а также закопанные сокровища. Затем пиннасы вышли в море. Уходя спать, Дрейк распорядился разделить захваченные драгоценности поровну между англичанами и французами.

Оставленный на берегу отряд встретил лишь одного из французских моряков, оставшихся с Тету. Он расска-

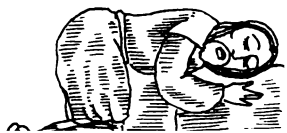
зал, что произошло после ухода Дрейка с места нападения на караваны. Оксенгем все-таки проверил место, где были закопаны сокровища, и нашел кое-что не обнаруженное испанцами. Вернувшись, Оксенгем передал Дрейку еще некоторое количество золота и серебра.

Наступило время возвращаться на родину. Распрошавшись с французами, которые направились в Нормандию, отдав «Пашу» испанцам в компенсацию за затянувшийся плен, Дрейк на захваченном испанском фрегате в сопровождении одной из пиннас направился к устью Магдалены. Ему нужен был еще один корабль для возвращения на родину, и он хотел захватить какое-либо подходящее испанское судно.

Пройдя мимо Картахены, Дрейк увидел стоявший там огромный испанский флот. Он не мог, конечно, напасть на него. Но не мог и удержаться, чтобы не подразнить испанцев. Корабль Дрейка с развевающимся флагом св. Георга на мачте и длинными шелковыми лентами, спускавшимися с борта в воду, прошел мимо Картахены на виду у стоявшего флота⁷. У устья Магдалены Дрейк увидел испанское судно, которое захватил после короткой стычки. Захваченный корабль был гружен маисом, курами и свиньями. Этого продовольствия было достаточно на всю обратную дорогу. Затем Дрейк вернулся назад.

Он высадил экипаж испанского судна на берег. Надо было прощаться и с маронами. Дрейк спросил Педро, что бы тот хотел получить от него на память. К своему неудовольствию, Дрейк услышал в ответ, что вождь маронов хочет получить саблю, подаренную французским капитаном Дрейку, с которой тому никак не хотелось расставаться. Но делать было нечего, и Дрейк передал саблю французского короля «королю» маронов.

Несколько дней ушло на подготовку кораблей к длительному плаванию. Все было приведено в порядок, и Дрейк отправился к родным берегам. Корабли шли в направлении Кабо-Сен-Антони на Кубе. Там они захватили небольшой испанский барк, на котором была лишь одна нужная им вещь — насос для откачивания воды из трюма. Забрав его, Дрейк отпустил испанцев.

Через 442 дня после начала плавания, 9 августа 1573 г., Дрейк вернулся в Плимут. Было воскресное утро, и в церкви св. Андрея шла служба. Слух о прибытии Дрейка быстро разлетелся по городу. Молящиеся выбежали из церкви, оставив священника в одиночестве. Они спешили увидеть своих героев. Из семидесяти четырех человек, уходивших с Дрейком в плавание, вернулись сорок. Эти потери были не выше обычных по тем временам.

II

На какую точно сумму привез Дрейк драгоценностей, осталось неизвестным. Приводимые в разных источниках цифры мало что говорят. Тем более трудно представить их сегодняшний эквивалент. Несмотря на то что половину пришлось отдать французским партнерам и поделиться с оставшимися в живых членами экипажа, Дрейк вернулся из плавания состоятельным человеком. Теперь он не зависел от богатых судовладельцев. Деньги дали ему еще большую уверенность в собственных силах.

Дрейк купил дом в Плимуте и сам стал судовладельцем, приобретая три корабля. Чем занимался Дрейк в течение последующих двух лет, неизвестно. Это было время относительно мирного развития отношений между Англией и Испанией. «Деятельность» Дрейка в испанской Америке в то время не могла афишироваться, так же как не могли быть поддержаны его планы нового плавания в Вест-Индию. Поэтому, вероятно, Дрейк и решил на время уйти в тень. Похоже, что он тогда использовал свои суда для перевозки английских солдат в Ирландию. Ирландия доставляла Англии не меньше беспокойств, чем Нидерланды Испании.

С весны 1575 г. Дрейк по рекомендации Джона Хокинса поступил на службу к графу Эссексу, которому королева Елизавета поручила усмирение Ирландии. Осенью того же года он оставил службу и возвратился в Лондон. К этому времени англо-испанские отношения вновь стали открыто враждебными. Дрейк привез с собой письмо графа

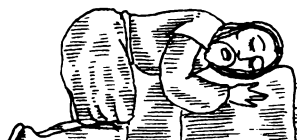
Эссекса к новому государственному секретарю Фрэнсису Уолсингему (прежний государственный секретарь Уильям Сесил стал канцлером и получил титул лорда Берли), в котором Дрейк рекомендовался как человек, могущий быть успешно использован в борьбе против испанцев, ибо имел большой в этом деле опыт.

Уолсингем был вождем «военной партии» в окружении королевы, выступавшей за войну с Испанией. В конце 1575 г., когда британское правительство обсуждало вопрос о возможной войне с Испанией, он получил почти полную поддержку кабинета. Даже лорд Берли, глава «мирной партии», был охвачен военной лихорадкой. Лондонские купцы, вначале несколько опасавшиеся открытия военных действий, активно выступили за войну с Испанией после того, как в январе 1576 г. в Англию пришли известия о том, что судно, принадлежавшее Томасу Осборну, одному из крупнейших британских коммерсантов, было захвачено в испанском порту и команда оказалась в застенках инквизиции.

Считая войну с Испанией неизбежной, Уолсингем предложил королеве отправить морскую экспедицию, которая наносила бы удары по наиболее уязвимым местам испанской колониальной империи. Он рекомендовал Дрейка для командования этой экспедицией. Был создан «синдикат» для субсидирования экспедиции. Свою долю внесли Уолсингем, два королевских фаворита — граф Лестер и Х.Хеттон, известное флотское семейство Винтеров (два представителя которого непосредственно участвовали в экспедиции) и Джон Хокинс. Дрейк также внес значительную сумму.

План экспедиции готовился в первой половине 1577 г. В то время Уолсингем вызвал Дрейка и, показывая на карту, спросил, где, по его мнению, королем Филиппом может быть нанесен наиболее чувствительный удар. Дрейк сказал, что в его владениях в Америке.

Тогда же Дрейк получил секретную аудиенцию у королевы, которая целиком поддержала его замысел нападения на Панаму, более того, заявила о желании иметь свой пай в экспедиции и передала Дрейку значительную сумму

денег. Елизавета приказала ему держать в строгой тайне ее личное участие в этом деле, пригрозив лишить головы того, кто об этом разболтает. При этом она подчеркнула, что канцлер лорд Берли тоже ничего не должен знать.

Берли хотя и поддерживал внешне «военную партию», но внутренне был против каких-либо предприятий, могущих осложнить отношения Англии с Испанией. Об этом свидетельствует письмо нового испанского посла в Лондоне Бернардино де Мендосы, занявшего место Гуэро де Спеса, королю Филиппу, которое он написал вскоре после приезда в английскую столицу: «В течение нескольких дней, проведенных мною здесь, и моих разговоров с королевой я нашел ее очень восстановленной против Вашего величества, и большинство ее наиболее влиятельных министров отделились от нас: Лестер, Уолсингем и Сесил (лорд Берли. — *К. М.*), последний из которых, хотя и действует в согласии с ними... уклоняется во многих случаях... Он не хочет разрывать с Лестером или Уолсингемом потому, что они имеют сильную поддержку... что вынуждает друзей Вашего величества плыть по течению»⁸.

Королева подозревала Берли и в том, что он втайне поддерживает Марию Стюарт.

Дрейк спешил с подготовкой экспедиции. Помимо всего, его не могло не возбудить известие о том, что Джон Оксенгем, его спутник в последнем плавании, уже давно отправился к вест-индским берегам, горя желанием первым войти в Тихий океан.

Никто не знал, куда именно направится экспедиция. Экипажам судов говорилось, что они пойдут в Александрию. Вездесущий Гуэро де Спес в своем сообщении королю Филиппу от 20 сентября 1577 г., т. е. незадолго до начала экспедиции, писал, что пират Дрейк должен пойти с несколькими небольшими судами в Шотландию, чтобы выкрасть шотландского принца.

Ничего не узнал о целях плавания Дрейка и новый посол Бернардино де Мендоса. До его приезда в Лондон Уолсингем и граф Лестер сообщили Елизавете о готовящемся ее убийстве и возведении на английский престол шотландской королевы Марии Стюарт. Елизавете также сообщили

об участии в этом деле дона Гуэро. Последний был схвачен и посажен в тюрьму. Это случилось 19 октября. Англия находилась на грани войны с Испанией. Граф Лестер начал готовить войска для высадки в Нидерландах в помощь Вильгельму Молчаливому. Джон Норрес встал во главе отрядов английских волонтеров, высказавших желание сражаться под нидерландским флагом.

В разгар военных приготовлений, 15 ноября 1577 г., в пять часов пополудни, Дрейк, никем не замеченный, вышел в море. Даже всеведущие испанские шпионы ничего не знали об этом. Экипажу было сказано, что его наняли для плавания в Средиземное море, портом назначения была названа Александрия.

Флотилия Дрейка состояла из пяти кораблей. Сам Дрейк находился на «Пеликане» (100 тонн), который нес его адмиральский флаг. Вице-адмиральским кораблем был барк «Елизавета» (80 тонн), которым командовал Джон Винтер. В экспедиции участвовали также «Златоцвет» (30 тонн) под командованием Джона Томаса, «Лебедь» (50 тонн) под командованием Джона Честера и «Бенедикт» (15 тонн) под командованием Томаса Муна. На кораблях в разобранном виде находились четыре пиннасы. Все корабли были хорошо вооружены, имели запас продовольствия на восемнадцать месяцев.

Экипаж состоял из 164 человек, в число которых входили матросы, солдаты, юнги. Были аптекарь, сапожник, портной и священник. Последний составил подробное описание плавания. Сам Дрейк, не любивший писать, никаких записок после себя вообще не оставил. На судах находились и десять молодых людей из знатных и богатых английских семей и среди них Томас Доути, бывший секретарь графа Эссекса, с братом Джоном. В составе экипажа были родной брат Дрейка Томас и кузен Джон, сын дяди-адмирала Роберта Дрейка.

Каюта Дрейка была отделана и обставлена с большой роскошью. Посуда, которой пользовался Дрейк, была из чистого серебра. Дрейк взял с собой даже пажа, стоявшего около его кресла, когда он обедал. Во время еды играли четыре музыканта. Дрейк объяснял всю эту рос-

кошь тем, что он хочет поразить воображение тех народов, которые посетит, и тем возвеличить престиж своей родины. Может быть, это намерение у него и было, но вообще-то Дрейк любил находиться среди изящных и красивых вещей и выглядеть важным аристократом.

Королева послала Дрейку в подарок благовония и сладости, вышитую морскую шапку и зеленый шелковый шарф, на котором золотом были вышиты слова: «Пусть всегда хранит и направляет тебя Бог».

Всю ночь корабли шли на юго-запад в направлении Лизарда, но на следующее утро, когда они достигли Фалмута, ветер переменял направление и сбил их с намеченного курса. Затем начался сильный шторм, бушевавший два дня, и, хотя корабли успели укрыться в гавани Фалмута, два из них — «Пеликан» и «Златоцвет» — были сильно повреждены, на них пришлось срубить грот-мачты. Для починки кораблей необходимо было вернуться в Плимут, куда корабли и возвратились 28 ноября.

Через 13 дней, 13 декабря 1577 г., «подняв, — как писал священник Ф. Флетчер, — более счастливые паруса», корабли Дрейка опять отправились в путь. Как только скрылась земля, Дрейк объяснил экипажу, что, если какой-либо из кораблей отделится от остального флота, встреча назначается у острова Могодор, у берегов Марокко. Попутные ветры помогли кораблям достичь марокканских берегов утром в рождество, 25 декабря. В тот же день Дрейк был у острова Могодор.

Остров расположен в одной миле от материка, у входа в прекрасную гавань. Прибытие кораблей было замечено местными жителями, которые, стоя на берегу, криками и знаками выражали желание попасть на них. Дрейк послал на берег лодку, в которую сели два марокканца, оставив на берегу одного английского матроса в качестве заложника до их возвращения. На корабле в их честь был устроен банкет и вручены подарки. Гости остались очень довольны и, покидая корабль, предложили привезти на следующий день товары для обмена на английские. Предложение было принято. Вернувшись на берег, они отпустили заложника. На следующий день в назначенный час англичане увидели

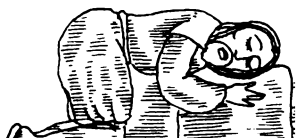
на берегу верблюдов, нагруженных товарами для обмена. Марокканцы опять попросили англичан послать лодку.

Когда лодка подошла к берегу, один из англичан, Джон Фрей, как об этом заранее договорились, выпрыгнул на сушу. Но тут его неожиданно схватили и увели за скалы так быстро, что никто из англичан не успел броситься ему на помощь. Впоследствии выяснилось, что марокканцы думали, что прибыли корабли португальского флота, и хотели разузнать, подойдут ли еще суда. Когда же правитель страны султан Фез, к которому привели Фрея, узнал, что прибывшие корабли не португальские, а английские, он отослал Фрея назад с богатыми подарками для Дрейка в знак своей дружбы и уважения к его стране.

Тем временем Дрейк во главе небольшого отряда высадился на берег, чтобы освободить своего матроса. Не встретив никакого сопротивления, он углубился в лес и обнаружил там форт, построенный португальцами. Не найдя Фрея, Дрейк и его люди вернулись на корабль. 31 декабря корабли снялись с якоря и пошли в направлении мыса Бланко. Вернувшийся на берег Фрей уже не нашел своих соотечественников. Но султан распростер свою любезность до того, что вскоре отправил Фрея на родину на английском торговом судне⁹.

К мысу Бланко корабли подошли 16 января 1578 г., захватив по пути несколько испанских судов. Дрейк провёл там шесть дней, дав отдохнуть команде и пополнив запасы продовольствия. Англичане увидели неожиданную для себя картину. Лежащая перед ними страна была совершенно лишена воды. Марокканцы покупали ее у экипажей заходивших кораблей. В обмен на воду они предложили амбру, мускус, вино и даже женщину. «Очень тяжело наказал Бог этот берег!» — замечает в своем дневнике Ф. Флетчер¹⁰.

Дрейк отпустил захваченные испанские корабли, перегрузив на свои суда все имеющееся на них продовольствие и другие нужные ему предметы. Один корабль он задержал у себя, дав его владельцу взамен «Бенедикт». Испанское же судно Дрейк переименовал, назвав его «Христофор», и оно продолжало с ним плавание.

21 января корабли Дрейка покинули мыс Бланко, взяв курс на острова Зеленого Мыса. 30 января Дрейк был уже у острова Майо (в группе островов Зеленого Мыса), а на следующий день — у острова Сантьягу, где захватил отличный испанский корабль, груженный вином, мешками с шерстяной и полотняной одеждой, шелком и бархатом. Но самым ценным было то, что среди экипажа испанского судна оказался опытнейший португальский штурман Нуньеш да Сильва, особенно хорошо знакомый с побережьем Бразилии. А туда-то и лежал теперь путь экспедиции Дрейка. Дрейк отпустил весь экипаж захваченного судна, но задержал да Сильву, который оставался с ним в течение пятнадцати месяцев плавания.

Да Сильва, небольшого роста, смуглый 60-летний человек, был очень наблюдателен и после освобождения его Дрейком, попав к инквизиторам Мексики, дал очень интересные показания как об экспедиции Дрейка, так и о нем самом.

Да Сильва нашел корабль Дрейка прекрасно приспособленным для длительного плавания, а самого Дрейка — опытнейшим мореходом. Он заметил, что Дрейк очень интересовался книгами по навигации, испытывал особое пристрастие к географическим картам. На каждом захваченном судне Дрейк прежде всего искал карты, компасы, астролябии и, как только их находил, сразу забирал. Он внимательно изучал книгу о плавании Магеллана, с которой не расставался. Двоюродный брат Дрейка Джон по его поручению постоянно делал зарисовки берегов тех гаваней, куда заходили корабли. Дрейк считал это очень полезным.

2 февраля Дрейк оставил острова Зеленого Мыса и направился к Бразилии. 19 февраля английские суда пересекли «линию раздела», как в то время называлась проведенная папой римским на карте линия, разделявшая испанские и португальские владения. 1 апреля показался бразильский берег. Этот длинный отрезок пути корабли шли безостановочно.

В течение всего этого длительного плавания, замечает Ф. Флетчер, мы не переставали удивляться и восхищаться «Господом великим, создавшим неисчислимое количест-

во как маленьких, так и огромных тварей в необозримых морях». Мы установили, продолжает он, что великие философы древности, такие как Аристотель, Пифагор и многие другие, как греки, так и римляне, ошибались, считая тропическую зону не населенной вследствие невыносимой жары. Напротив, эта зона оказалась поистине раем как на суше, так и на море, с которым ничто сравниться не может. «Ничто не может быть более приятным для жизни человека, чем эта зона». Единственной неприятностью было то, что иногда не хватало пресной воды, но и то «Господь давал нам воду с небес»¹¹.

С удивлением смотрели англичане на невиданных морских животных и рыб, особенно поразили их летающие рыбы. Ф. Флетчер пишет, что если бы он сам не видел летающих рыб, то не поверил бы рассказам о них и назвал бы рассказчиков лжецами.

5 апреля корабли подошли к берегу у устья Ла-Платы. Люди Дрейка нуждались в отдыхе после долгого плавания. Но сойти на землю не удалось. Внезапно разразилась страшная буря. Стало темно. «Наступила тьма египетская», — замечает Флетчер. Корабли понесло к берегу, где оказались опасные отмели. И вот здесь на выручку пришел Нуньеш да Сильва. Ему экспедиция была обязана своим спасением. Он благополучно вывел корабли в море. Лишь один «Христофор» наскочил на мель, но скоро снялся и присоединился к остальной флотилии.

Да Сильва объяснил своим спутникам причину столь неожиданной бури вполне в духе времени. Берег, который они видели, рассказывал да Сильва, назван португальцами Землей Дьявола. Дело в том, что, когда португальцы, выгнав коренных жителей из их деревень, жестоко преследовали их, те, чтобы спастись, продали свои души дьяволу. И теперь, продолжал да Сильва, когда они видят какой-либо корабль у своих берегов, то начинают бросать в воздух песок, отчего внезапно поднимается густой туман, потом наступает такая тьма, что невозможно отличить небо от земли. Поднимается такой страшный ветер и дождь, что никто не может спастись. Так они погубили множество португальских судов, разбиравшихся у здешних

берегов. Думая, что подошедшие корабли тоже принадлежат португальцам, они и на них наслали бурю¹².

Когда шторм кончился, все корабли, кроме «Христофора», оказались в сборе. Дрейк решил опять идти в устье Ла-Платы, где заранее был намечен сбор судов, если они потеряют друг друга при переходе через Атлантический океан.

Через два дня после прихода туда английских кораблей к ним присоединился и «Христофор». Дрейк поэтому назвал место их стоянки Мысом Радости. Затем около недели корабли Дрейка шли вверх по реке. Это было весьма приятное для экипажа путешествие. Матросы отдыхали, на кораблях пополнялись запасы пресной воды. 27 апреля Дрейк повернул назад и, выйдя в открытое море, направился на юг вдоль побережья. Потерялся «Лебедь», которым командовал Томас Доути. Огорчение Дрейка объяснялось тем, что он к тому времени начал серьезно подозревать Доути в намерении сорвать экспедицию. Дрейку нашептывали об этом еще в Англии, указывая на связь Доути с лордом Берли, к которому тот хотел даже поступить личным секретарем. А лорд Берли, как уже говорилось выше, продолжал оставаться сторонником «мягкой линии» в отношении Испании, и его пугала возможность обострения англо-испанских отношений в случае успеха плавания Дрейка.

Дрейк, однако, не обнаруживал своих подозрений. Более того, он проявлял к Доути очевидное расположение. Доути был назначен капитаном флагманского корабля «Пеликан». Когда был захвачен испанский корабль, на борту которого находился да Сильва, Доути был переведен на него, а еще спустя некоторое время назначен на «Лебедь». И вот теперь именно «Лебедь» исчез. Подозрения Дрейка в отношении Доути перешли в уверенность.

12 мая, подойдя к 47° ю. ш., Дрейк обнаружил гавань, которая ему понравилась как удобное место стоянки. Дрейк решил сам, взяв лодку с «Елизаветы», обследовать бухту. Но не успел он вернуться на борт корабля, как повторилось то, что англичане наблюдали в первые дни, подойдя к бразильскому берегу: неожиданно стемнело, и началась сильнейшая буря. Наутро Дрейк обнаружил исчезновение

второго судна — «Златоцвета». Свою поредевшую флотилию Дрейк повел дальше на юг, к порту Святого Юлиана, где останавливался еще Магеллан. Через два дня корабли бросили якорь. Найдя место очень удобным для стоянки, Дрейк тем не менее решил направиться сначала на поиски пропавших кораблей. Капитану «Елизаветы» Винтеру он приказал идти на юг, а сам на «Пеликане» отправился на север и вскоре встретил «Лебедя». Когда «Пеликан» подошел вплотную к борту «Лебедя», Дрейк приказал перенести весь груз с него на свой корабль. Переведена была и команда, в том числе и Доути. Затем Дрейк распорядился уничтожить «Лебедя». После этого Дрейк приказал судить Доути. Судьями он назначил офицеров кораблей.

В число судей вошел друг Доути — Викари, который заявил, что подобный суд не правомочен решать вопрос о лишении Доути жизни. «Я и не поручал вам решать этот вопрос, — ответил Дрейк. — Оставьте его решение мне. Вы должны только определить, виновен он или нет»¹³.

Суд состоялся, и, по словам Флетчера, вина Доути была полностью установлена. Сам обвиняемый ее признал и сказал, что если судьи не вынесут ему смертный приговор, то он сам станет своим палачом. Судьи в количестве сорока человек единогласно вынесли смертный приговор. Определение вида казни предоставлялось на усмотрение Дрейка. Суд происходил на небольшом островке в заливе порта Святого Юлиана, который Дрейк назвал Остров Истинной Справедливости¹⁴.

После того как приговор был вручен Дрейку, которому, как сообщает Флетчер, королева на последней аудиенции перед отплытием из Англии подарила меч, сказав при этом: «Мы считаем, что тот, кто нанесет удар тебе, Дрейк, нанесет его нам», он приказал позвать Доути и прочитал ему приговор. Затем Дрейк предложил Доути выбор: желает ли он быть казненным здесь, на острове, или вернуться в Англию, чтобы предстать перед Тайным советом королевы?

Доути, как передает Флетчер, «смирненно поблагодарил генерала за мягкость, проявленную к нему», и попросил дать время подумать. На следующий день Доути сообщил свое решение: хотя он и виновен в совершении тяжкого греха

и теперь справедливо наказан, у него есть забота превыше всех других забот — умереть христианином; ему все равно, что станет с его телом, единственное, чего он хочет, — это быть уверенным, что он сподобится будущей лучшей жизни. Он опасается, что оставленный на суше среди язычников вряд ли сможет спасти свою душу. Если же он решит вернуться в Европу, то ему понадобится корабль, продовольствие и команда. Если даже Дрейк даст ему все необходимое для плавания, то все равно не будет желающих его сопровождать на родину, а если и найдутся такие, то для него путь домой будет той же казнью, но долгой и мучительной вследствие глубоких душевных переживаний от сознания своей тяжкой вины. Поэтому он от всего сердца принимает первое предложение генерала, обращаясь только с просьбой, чтобы ему дали возможность перед смертью принять святое причастие вместе с друзьями и умереть, как подобает джентльмену¹⁵.

Просьба осужденного была удовлетворена. На следующий день Доути вместе с Дрейком причастился. После принятия причастия они вместе очень дружески пообедали, подбадривая друг друга. На прощание выпили один за здоровье другого, «как если бы им предстояло лишь обычное путешествие».

После обеда, «не теряя времени, Доути встал на колени и обнажил шею. Взглянув на окружающих его людей, он попросил молиться за него и, положив голову на плаху, сказал палачу, чтобы тот делал свое дело без страха и жалости». «По странной, роковой случайности, — замечает Флетчер, — инцидент в порту Святого Юлиана, которому место в жизнеописаниях Плутарха, произошел в том самом месте и примерно в то же самое время года», где 58 лет назад Магеллан приказал повесить Х. Картагена, кузена епископа Бургосского, вице-адмирала знаменитой экспедиции.

Наши люди, пишет Флетчер, нашли обломки виселицы, сделанной из мачты, и около нее человеческие кости. Судовой плотник сделал из деревянных обломков кубки для команды. «Что касается меня самого, то я не видел великой нужды из них пить... Покидая остров, мы назвали его Кровавым островом»¹⁶.

В зарубежных исследованиях о Дрейке инцидент в порту Святого Юлиана описывается с многочисленными подробностями. Авторы не единодушны в его оценке. Заметкам Ф. Флетчера полностью доверять нельзя. Они были написаны через несколько лет после завершения плавания, когда Дрейк находился в зените славы и пользовался покровительством королевы. Сказать что-нибудь не в пользу национального героя, каким был тогда Дрейк, было практически невозможно. Неверной представляется и другая крайняя точка зрения, что суд над Доути и его казнь были «юридическим убийством». Скорее всего Дрейк имел некоторые основания подозревать Доути в некорректном поведении. Но также несомненно, что передаваемые Дрейку факты, обвинявшие Доути, были сильно преувеличены. Нельзя не учитывать и того, что Доути вызвал сильнейшее раздражение адмирала тем, что сообщил ему о самовольном присвоении ценностей с захваченного испанского корабля, на котором находился да Сильва, братом Дрейка Томасом. Дрейк тогда отстранил Доути от командования этим кораблем и вместо него назначил Томаса. Представляется, что казнь Доути была вызвана совокупностью причин. Тут и возбуждаемая врагами осужденного подозрительность Дрейка, и его растущая неприязнь к Доути, а самое главное — желание полностью исключить какие бы то ни было возможности для внутренней оппозиции в экипаже накануне самой ответственной части экспедиции.

Дрейк провел в порту Святого Юлиана почти месяц — с 20 июля по 15 августа. Он дал возможность экипажу хорошо отдохнуть перед походом. Так Дрейк поступал всегда. Тогдашние корабли были небольшими по размерам, и командам было тесно, а плавания были очень долгими. Их продолжительность целиком зависела от капризов погоды. На кораблях не было льда и никаких приспособлений для длительного хранения продуктов. Вода тухла, мясо портилось, мука и сухари червивели. Люди жестоко страдали от цинги и лихорадки. Поэтому, когда корабли подходили к берегу, первой заботой капитана было набрать свежей воды, фруктов, овощей и, если возможно, мяса.

22 июня Дрейк, взяв с собой несколько человек, в том числе своего брата Томаса, высадился на берег. Их встретили два молодых патагонца. Они были высокого роста. Магеллан называл патагонцев великанами. По возвращении домой его спутники рассказывали фантастические истории о размерах и силе патагонцев, изображая их как неких чудовищ. Ф. Флетчер поэтому ядовито замечает в своем дневнике, что испанцы, верно, не думали, что англичане смогут побывать в этих местах и изболтать их во лжи. В самом деле, пишет Флетчер, патагонцы были высокого роста, но не такого уж чрезмерного, и в Англии можно встретить людей такого же роста.

Патагонцы были настроены очень дружелюбно. Они с удовольствием приняли предложенные им подарки. Один из спутников Дрейка, Роберт Уинтерн, нес лук. Патагонцы в руках тоже держали луки. Началось своеобразное соревнование. Стрела, пущенная англичанином, пролетела вдвое большее расстояние, чем стрела патагонца. Это вызвало их восхищение, и они стали вести себя еще более дружелюбно. Но тут подошли два старых патагонца. Они явно сердились на молодых, резко выговаривая им что-то на неизвестном англичанам языке и яростно жестикулируя. Уинтерн подумал, что и они хотят посмотреть, как он искусно стреляет из лука. Он натянул тетиву, готовясь выстрелить, но она вдруг оборвалась. Этот, казалось бы, незначительный случай обернулся трагедией. Патагонцы решили, что белые плохо вооружены. И, прежде чем Уинтерн успел подготовить свой лук, один из патагонцев пустил стрелу, вонзившуюся Уинтерну в плечо. Вторая стрела пробила ему легкое. Видя это, корабельный канонир Оливер выстрелил из мушкета. Но мушкет дал осечку, и Оливер был убит на месте. Дрейк поднял упавший мушкет и выстрелил в патагонца, убившего Оливера. Пуля попала ему в живот. Раненый начал так страшно кричать, что его товарищи бросились наутек. Сражение окончилось. Уинтерн еще дышал. Его унесли на корабль, где он через несколько часов умер. На следующий день утром Дрейк похоронил двух своих моряков на берегу порта Святого Юлиана. После этого до конца стоянки никаких инцидентов с патагонцами у Дрейка не было.

Плывя вдоль восточного берега Южной Америки, англичане неоднократно встречались с коренным населением. Впечатления от всех встреч очень живо описал Ф. Флетчер. Вопреки сообщениям испанцев о кровожадности и злобности жителей Южноамериканского континента Флетчер отмечал их добродушие, приветливость, готовность прийти на помощь. «Они проявили по отношению к нам, — пишет он, — большую сердечность, чем многие христиане, большую, чем я нахожу среди многих своих братьев по вере в моей стране». Как только англичане высаживались на берег, жители несли им пищу и «чувствовали себя счастливыми, когда видели, что еда нам понравилась»¹⁷. Часто они приносили мясо страусов, которые водятся там в изобилии. Но съедобно только мясо с ноги страуса, с остальных частей его трудно снять. Страусы не могут летать: их крылья очень слабы. Но бегают они так быстро, что жители не могут их поймать даже с помощью собак. Туземцы ловят страусов только хитростью. Они заметили, что страусы обычно держатся стадом и передвигаются гуськом, как утки в воде. Во главе стада идет вожак, которому все подчиняются. Если кто-нибудь уклонится в сторону, вожак его окрикивает. В том случае, когда это не помогает, вожак сворачивает в сторону, противоположную той, куда отклонился строптивый член стада. «Если тот отклонился в правую сторону, вожак идет в левую, и наоборот, пока не внесет порядок». Заметив это, туземцы придумали следующее: один из них надевает на голову и верхнюю часть тела страусовое чучело, затем, стараясь подражать движениям этих животных, наклоняет голову, как бы щипля траву, нагоняет стадо. Потом охотник начинает нарочно уклоняться в сторону, заставляя вожака изменить направление. Таким образом стадо направляется в заранее приготовленную засаду в ущелье между холмами или в лесу, где прячутся другие охотники, мужчины и женщины с собаками, вооруженные луками, копьями, дубинками, сетями, камнями. При умелых действиях охотников удается захватить все стадо. Мясо высушивается на скалах под лучами летнего солнца и запасается на всю зиму¹⁸.

Англичан удивляло то, что вначале коренные жители старались избегать встреч с ними. Потом англичане узна-

ли, что туземцы ждали ответа от «бога Сетевоса, который есть дьявол, но которого они почитают за верховное божество»¹⁹, могут ли они доверяться белым или нет. Надо сказать, что имя бога Сетевоса было известно и Шекспиру. Видимо, он нашел его в одном из тогдашних описаний плаваний в Южную Америку. В «Буре» дикий Калибан говорит: «Ему подвластен даже Сетевос, бог матери моей»²⁰.

Наконец местные жители начали подходить к англичанам, рассматривать предлагаемые им предметы: бусы, колокольчики, ножички и т. п. Однажды туземец, стоявший около Дрейка, прельщенный красивым цветом его шляпы, снял ее с головы адмирала и надел на свою, а затем, подумав, что Дрейк может быть недоволен, взял лук и глубоко ранил себя стрелой в икру. Из раны полилась кровь. Туземец собрал горсть крови и протянул Дрейку, «показывая этим, что очень любит генерала и готов отдать ему свою кровь, и поэтому тот не должен сердиться на то, что он взял такую мелочь, как шляпа»²¹. Другой туземец, сообщает Флетчер, стоя рядом с матросами, выпивавшими свою утреннюю чарку вина, тоже попросил выпить. Вино было крепкое и сразу ударило ему в голову. Он свалился с ног и не мог уже встать. Когда туземец пришел в себя, то потребовал еще вина. Но на этот раз он решил пить не стоя, а сидя и вытянул чарку до дна. С того дня туземец стал каждое утро приходить к английским морякам и требовать выпивку. Он даже выучил по-английски слово «вино» и, подходя к англичанам, начинал его выкрикивать. «Со временем, — заключает этот рассказ Флетчер, — он стал выпивать больше вина, чем 20 человек могли это сделать»²².

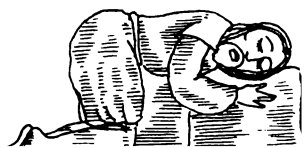
В одежде, продолжал Флетчер, туземцы не испытывают большой нужды. Хотя они и ходят голыми, но имеют средство, предохраняющее их от холода. Оно заключается в том, что вскоре после рождения ребенка мать смазывает его тельце особым составом, состоящим из страусового сала, нагретого на огне и смешанного с мелом, серой и чем-то еще, и, втирая его в кожу, закупоривает тем самым поры. Это повторяется ежедневно и, не останавливая роста, делает кожу нечувствительной к холоду.

Тело свое они раскрашивают: некоторые в черную краску, оставляя незакрашенной только шею; другие одно плечо красят черным, а второе белым; бока и ноги красят обязательно разными красками. На частях тела, окрашенных в черный цвет, изображаются белые луны, на окрашенных в белый — черные солнца. Возможно, окраска тоже предохраняет тело туземцев от холода. Мужчины втыкают отполированные деревянные или костяные палочки в нос и нижнюю губу. Волос на голове они никогда не стригут, перехватывают их шнуром из страусовых перьев и вкладывают туда самые разные предметы: стрелы, ножи, зубочистки и другие вещи. Как только найдут добычу, тут же разводят костер и поджаривают мясо на огне, разрезав на куски, каждый фунтов по шести. Вынув мясо из огня, «раздирают его на куски зубами, как львы, одинаково мужчины и женщины»²³.

Туземцы делают музыкальные инструменты из коры деревьев, сшивая куски ее и кладя внутрь маленькие камушки. Эти инструменты, напоминающие детские погремушки, они подвешивают к поясу, когда начинают танцы. Танцы они любят до безумия. Шум этих погремушек так на них действует, что они становятся как сумасшедшие. Они могли бы, кажется, танцевать до смерти, замечает Флетчер, если бы кто-то из друзей не снимал погремушки, и тогда они сразу останавливаются и долгое время не могут прийти в себя.

Единственное оружие туземцев — это луки и стрелы. Они посылают стрелы с удивительной силой. «Мы не заметили, — сообщает Флетчер, — что эти люди имеют какое-либо правительство; они живут, как хотят, за исключением того, что объединяются в племена в нескольких своих провинциях, не допускают над собой никакого командования»²⁴.

11 августа Дрейк приказал всей команде собраться на берегу. Он стоял у открытого входа в свою палатку так, что все его хорошо видели и слышали. С одной стороны около него стоял капитан Винтер, а с другой — капитан Джон Томас. У Дрейка в руках была толстая записная книга. Вот как описывает другой очевидец плавания, Джон Кук, последовавшие за этим события. Флетчер приготовился было сказать

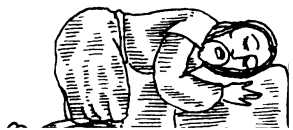

проповедь, но Дрейк перебил его: «Нет, полегче, мистер Флетчер, проповедь сегодня буду говорить я сам». Обращаясь к собравшимся, Дрейк сказал: «Господа, я очень плохой оратор, но то, что я скажу, пусть каждый хорошо запомнит, а потом и запишет. За все, что скажу, я буду отвечать перед Англией и королевой, и все это я записал здесь, в своей книге. Так вот, господа, мы здесь очень далеко от нашей родины и друзей и со всех сторон окружены врагами. Стало быть, мы не можем дешево ценить человека, потому что не найдем здесь его и за десять тысяч фунтов. Значит, мы должны оставить все столкновения и разногласия. Клянусь Богом, я прямо с ума схожу, как подумаю о столкновениях между джентльменами и моряками. Я требую, чтобы этого не было. Джентльмены с моряками и моряки с джентльменами должны быть друзьями. Покажем же, что мы все заодно, и не доставим врагу радости видеть наши раздоры. Я хотел бы знать человека, который отказался бы своими руками взяться за канаты, но я знаю, что здесь такого нет. Поскольку джентльмены очень нужны в плавании для управления, я их для этого взял с собой, да и другие соображения у меня на то были, и, хотя я знаю, что матросы, если ими не управлять, — самый на свете завистливый и беспокойный народ, я не могу обойтись без них. И вот еще: если кто-либо желает вернуться домой, то пусть мне скажет; здесь есть «Златоцвет», корабль, без которого я могу обойтись и отдать тому, кто хочет возвратиться. Но чтобы это было действительно домой, а то, если встречу на своем пути, пушу на дно. До завтра у вас хватит времени подумать, но клянусь, что говорю вам правду». Экипаж ответил, что никто не хочет возвращаться, что все они желают разделить его участь. «Тогда хорошо, господа, — сказал он. — Идете ли вы в плавание по доброй воле или нет?» Все отвечали, что идут по доброй воле. «В таком случае, господа, — продолжал Дрейк, — от кого вы хотите получать жалованье?» — «От вас», — был ответ. «Тогда скажите, хотите ли вы получить жалованье сейчас или доверяете мне оставить его у себя?» — спросил Дрейк. «Доверяем вам», — ответила команда. Затем Дрейк приказал эконому с «Елизаветы» сдать ключи, что тот и сделал. После этого, обращаясь к Винтеру, капитану «Елиза-

веты», Джону Томасу, капитану «Златоцвета», Томасу Худу, капитану «Пеликана», и другим офицерам, сказал, что освобождает их от обязанностей. Винтер и Джон Томас спросили Дрейка, за что он сместил их. Тот ответил, что вина их совершенно очевидна²⁵.

Дрейк сказал, что все были свидетелями преступления, совершенного Томасом Доути, в котором тот полностью признался. А ведь он очень доверял Доути, тот был его правой рукой. Это все знают. «Королева приказала ему, — сказал Дрейк, — никому не рассказывать о цели плавания, особенно лорду Берли. А Доути выдал план путешествия лорду Берли, вы слышали, как он сам в этом признался. Но даю слово джентльмена, что больше казней не будет. Я больше ни на кого не подниму руку, хотя есть здесь такие, которые этого заслуживают». «Есть люди, — продолжал Дрейк, — старающиеся мне повредить. Они распространяют слухи о том, что на это путешествие дали деньги мистер Хеттон, сэр Уильям Винтер и мистер Хокинс. Но я хочу рассказать вам, как было на самом деле. Лорд Эссекс написал обо мне государственному секретарю Уолсингему как о человеке, который лучше, чем кто другой, может сражаться с испанцами, имея в виду мой опыт и практику. Уолсингем встретился со мной и рассказал, что ее величество, оскорбленная испанским королем, желает отомстить ему. И он показал мне план действий, прося под ним подписаться. Но я отказался это сделать, потому что Бог может отозвать ее величество к себе, а ее наследник вдруг заключит союз с королем испанским, и тогда моя подпись будет меня уличать. Вскоре королева потребовала меня к себе и сказала приблизительно так: “Дрейк, дело в том, что мне хотелось бы отомстить королю Испании за нанесенные мне обиды”. Потом добавила, что я единственный человек, который может это сделать, и она хочет выслушать мой совет. Я ответил ее величеству, что в самой Испании мало что можно сделать и что лучшее место для нанесения удара испанцам — это их Индия»²⁶.

Затем Дрейк показал запись королевы на пай в 1000 фунтов и привел ее слова, что, если кто-нибудь из ее подданных сообщит об этом испанскому королю, тому не сносить головы.

Дрейк заключил свою речь словами: «И теперь, господа, подумайте о том, что мы сделали. Мы сейчас столкнули между собой трех могущественных государей: ее величество, короля испанского и короля португальского. Если наше плавание не завершится успехом, мы не только будем посмешищем в глазах наших врагов, но также станем навечно огромным пятном на лице нашей святой родины»²⁷. После этого Дрейк сказал, что прощает всех офицеров, и предложил им приступить к исполнению их обязанностей.

17 августа корабли Дрейка снялись с якоря. Двухмесячное пребывание в порту Святого Юлиана закончилось. В путь отправилось всего три корабля: «Пеликан», «Златоцвет» и «Елизавета». Дрейк не любил больших флотилий. Это затрудняло плавание. Много времени тратилось на поиски судов, которые во время штормов и туманов отделялись от остальной флотилии. «Лебедь», как говорилось выше, был уничтожен еще в мае, а перед отплытием из порта Святого Юлиана было уничтожено захваченное испанское судно «Мария».

20 августа показался мыс Девственниц, или мыс Девственной Марии, как называли его испанцы. Это был, как замечает Флетчер, огромный серый утес, о который разбивались волны, казавшиеся струями, выпускаемыми китами. Это был торжественный момент для Дрейка. Мимо мыса Девственниц Дрейк должен был войти в океан, увиденный им впервые пять с половиной лет назад с высокого дерева в панамской саванне. Дрейк приказал всем кораблям спустить марсель в честь английской «королевы-девственницы». Вслед за этим в честь фаворита этой девственницы поневоле — Христофора Хеттона, в гербе которого была лань, — Дрейк приказал переименовать флагманский корабль «Пеликан» в «Золотую лань». По сообщению да Сильвы, корабли Дрейка шли весь остаток дня и весь следующий день вдоль мыса Девственниц и, обогнув его 22 августа, стали на якорь у входа в Магелланов пролив.

На следующий день Дрейк, пользуясь попутным ветром, вошел в пролив. Со времени плавания Магеллана лишь двум мореплавателям удалось его пройти. В 1525 г. это сле-

лал испанец Гарсия де Лоайса, а в 1540 г. — его соотечественник Алонзо де Камарго.

Проход через Магелланов пролив представляет серьезные трудности. Ширина пролива в наиболее узких местах не превышает трех миль. Пролив очень извилист, и, проходя через него, надо часто менять направление. Берега гористы. «С очень высоких, покрытых льдом гор, — пишет Флетчер, — дуют сильные и холодные ветры, и кажется, будто каждая гора шлет свой особый ветер. Иногда он дул нам в спину и гнал нас вперед, иногда то с левого, то с правого борта, иногда относил за час назад на такое расстояние, которое мы проходили за несколько часов. Но хуже всего было тогда, когда два или три этих ветра дули одновременно с такой силой, что образовывались смерчи, или, как говорят испанцы, торнадо, и начинался страшный ливень. Кроме того, море в проливе так глубоко, что невозможно стать на якорь»²⁸.

Но на низких склонах гор, там, где не было ветра, замечает Флетчер, температура воздуха такая, как в Англии в летнее время; сами склоны покрыты пышным лесом, трава густая и сочная, много красивых цветов.

24 августа корабли подошли к трем островам в северной части пролива, где было великое множество тюленей и пингвинов. Там англичане остановились на два дня, убив за это время две тысячи тюленей и много пингвинов в запас и набрав свежей воды. Дрейк, верный своим правилам, распорядился о высадке людей на сушу для отдыха. Выбрали самый крупный из островов. Дрейк назвал его островом Елизаветы в честь своей государыни.

Другой остров получил название в честь св. Варфоломея (был как раз день этого святого), а третий — в честь св. Георга, покровителя Англии. На острове Елизаветы Дрейк встретил туземцев, «любезных и сердечных людей», так отметил Флетчер. Некоторые из них были одеты в звериные шкуры, но большинство были голыми. Тела их были разрисованы. У мужчин вокруг глаз были нарисованы красные круги, а на лбах — красные черточки. У женщин на шее и руках были украшения из белых ракушек.

Люди эти, пишет Флетчер, постоянно передвигаются с места на место, с острова на остров, оставаясь на одном

месте до тех пор, пока могут там кормиться. Поэтому постройки, где они живут и складывают свой скарб, у них легкие, похожие на садовые беседки в Англии. Для грубых дикарей их утварь кажется сделанной искусно и даже изяшно. Многие предметы обихода изготовлены из коры деревьев. Лодки они также делают из древесной коры. Они их не смолят и не конопатят, а сшивают полосками тюленьей кожи. Все предметы обихода они делают с помощью остро заточенных больших раковин. «За все время нашего путешествия, — отмечает Флетчер, — мы не видели лодок, столь изяшных по форме и пропорциям». На лодках туземцы путешествуют с острова на остров, перевоза на них свои семьи²⁹.

26 августа корабли покинули остров Елизаветы. Теперь начиналась самая опасная для плавания часть пролива. Путь был очень извилист. Дули сильные ветры. Надо было искать проход к океану среди множества островов, отделенных друг от друга бесчисленными протоками. Наконец, 6 сентября корабли вышли в Тихий океан. Дрейк торжествовал: сбылась его мечта «пройти по этому морю на английском корабле». Он взял курс на северо-запад, к берегам Перу.

Предоставим теперь опять слово Флетчеру. «7 сентября, на второй день после нашего выхода в Южное море (некоторые называют его *Mare pacificum**, но для нас оно было скорее *Mare furiosum***), разыгралась такая страшная буря, какой никто из нас не видел. Она началась ночью. Когда наступило утро, мы не увидели солнечного света, а ночью не видели ни луны, ни звезд. И это продолжалось 52 дня. Шторм не ослабевал день ото дня, а наоборот, усиливался. 30 сентября, ночью, мы потеряли из вида «Златоцвет». Целый месяц, с 7 сентября по 7 октября, мы не видели земли. Ветер отогнал нас назад к 57° ю. ш. Потерялся и вице-адмиральский корабль «Елизавета». Ветер был такой силы, что казалось, дуют все ветры земли одновременно. Казалось также, что все тучи на небе собрались в одном месте,

* Тихое море (лат.).

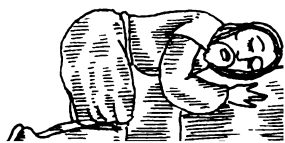
** Безумное море (лат.).

чтобы обрушить на нас ливень. Корабль наш то подкидывало, как игрушку, на гребни гигантских волн, то с такой же стремительностью бросало в морскую бездну. Иногда были видны очертания гор, и это наводило на нас ужас, потому что ветер гнал корабль прямо на них. Потом они исчезали. Наши якоря, как вероломные друзья в минуту опасности, не хотели служить нам; словно охваченные ужасом, они скрывались в пучине, оставляя неуправляемый корабль и беспомощных людей в бушующем море, которое играло им, как ракетка мячом»³⁰.

Шторм продолжался до 28 октября. За это время «Золотую лань» отнесло к югу на 5°. Дрейк опять попал в места, которые он оставил около двух месяцев назад. Шторм стих так же неожиданно, как и начался. Дрейк сказал своим спутникам, что видит особую милость Божью в том, что они опять попали сюда и должны теперь исследовать ту часть страны, которая находится к югу от Магелланова пролива. На всех картах того времени показывалось, что пролив отделяет южную оконечность Америки от огромного континента, называемого Terra Australis Incognita*, простиравшегося на юг до Южного полюса и на запад до Новой Гвинеи. Дрейк установил, что к югу от Магелланова пролива находится не огромный материк, а группа небольших островов, за которыми опять начинается необозримый водный простор. «Золотая лань» достигла мыса Горн. Там Дрейк и его спутники высадились и провели два дня. Пастор Флетчер отправился к самой южной точке острова. Там, достав из принесенного с собой мешка инструменты, он выбил на большом камне «имя ее величества, название ее королевства, год от Рождества Христова и день месяца». «Мы, — пишет Флетчер, — покидали самую южную из известных земель в мире... Мы изменили название этой южной земли с Terra Incognita (так действительно было до нашего прихода сюда) на Terra Hunc Vene Cognita**»³¹. Дрейк дал всем островам общее название — Елизаветинские.

* Таинственная Южная земля (лат.).

** Земля, теперь хорошо известная (лат.).

30 октября «Золотая лань» вновь пошла к перуанским берегам, где у 30° ю. ш. Дрейк еще до выхода в Тихий океан назначил сбор всех кораблей в случае, если они потеряют друг друга. Погода была прекрасная. В Южном полушарии в это время наступает лето. Океан был спокоен, небо безоблачно. 25 ноября «Золотая лань» бросила якорь у острова Мучо, расположенного на 39° ю. ш.

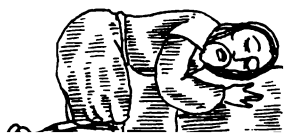
Вечером Дрейк, сопровождаемый офицерами и матросами, высадился на берегу. Индейцы, населявшие остров и бежавшие туда от преследования испанцев, встретили англичан дружелюбно. Они принесли в подарок англичанам фрукты и двух жирных баранов. Дрейк тоже дал им подарки и сказал, что единственной целью его посещения острова было желание приобрести маис, картофель, скот и особенно запастись свежей водой. Индейцы обещали на следующее утро показать ему место, где можно набрать воды сколько угодно. На следующий день ранним утром Дрейк с двенадцатью матросами на шлюпке направился к берегу. У англичан были только щиты и мечи. Никто не ждал опасности, так дружески их накануне встретили индейцы. Когда шлюпка подошла к берегу, Дрейк приказал двум матросам взять бочонки и пойти за водой туда, куда покажут индейцы. Едва матросы отошли от берега, как на них напали индейцы и быстро их куда-то увели. Оставшиеся в шлюпке не могли прийти на помощь попавшим в беду товарищам, так как несколько сотен индейцев, прятаясь, как оказалось, в густых зарослях тростника, растущего на берегу, неожиданно бросились к ним и начали осыпать их стрелами. Щиты не помогали, так как индейцы стояли совсем близко и могли целиться в любую часть тела. Дрейку стрела попала в лицо. Все англичане были ранены, в теле одного из матросов торчало более 20 стрел. Никто бы не спасся, если бы не удалось перерубить мечом канат, которым лодка была привязана к берегу. Сильная волна подхватила лодку и унесла в море. Нападавшие пустили вдогонку англичанам тучи стрел, которые, как пишет Флетчер, «закрыли солнце». Оба борта шлюпки были утыканы стрелами. Когда англичане, обливаясь кровью, подошли к своему кораблю, то увидели, что на воду спускается вторая шлюп-

ка с вооруженными матросами, спешившими на выручку захваченным товарищам. Но на берегу к этому времени собралось не менее двух тысяч индейцев, и те, у кого не было лука, несли копья и длинные дротики с наконечниками, сверкавшими на солнце, как серебро. В середине толпы лежали связанные по рукам и ногам два английских матроса. Вокруг них, взявшись за руки, танцевали индейцы. Подошедшие на шлюпке англичане дали несколько залпов из мушкетов, но не причинили никакого вреда индейцам, так как те, уклоняясь от пуль, успевали ложиться на землю.

Тогда матросы вернулись на корабль и стали просить Дрейка обстрелять собравшуюся на берегу толпу из корабельных орудий. Дрейк отказался это сделать, не желая обострять отношений с коренным населением. Он всегда старался привлекать туземцев на свою сторону, понимая, что это значительно облегчит ему борьбу с испанцами. Дрейк объяснил матросам, что индейцы приняли их за испанцев. Флетчер по этому поводу замечает: «Этот случай враждебности, проявленный островитянами, объяснялся не чем иным, как смертельной ненавистью, испытываемой ими к жестоким врагам-испанцам за их кровавое и тираническое подавление коренных жителей Америки. И поэтому, полагая, что действуют против испанцев (они приняли нас за испанцев еще и потому, что некоторые из наших людей, требуя воды, использовали испанское слово «аqua»), они обратили свою злобу против нас»³². 27 ноября пополудни «Золотая лань», не сделав ни одного выстрела, снялась с якоря и пошла вдоль побережья.

На корабле не было врача. Главный врач экспедиции умер, а его помощник находился на пропавшей «Елизавете». Поэтому лечением многочисленных раненых занялся сам адмирал, который был сведущ не только в навигации, но и во врачебном искусстве. Все раненые, кроме двух, поправились. Умер канонир Грет Хоувер, получивший 20 ран, и марон Диего, слуга Дрейка, которого он вывез еще из Номбре-де-Диос.

Корабль Дрейка поднимался к северу, к 30° ю. ш., где, как уже говорилось, была назначена встреча судов флотилии. 30 ноября «Золотая лань» бросила якорь в заливе

Филиппа, в 15 милях к северу от испанского порта Вальпараисо. Дрейк послал шлюпку к берегу. Но матросы не обнаружили ни воды, ни овощей, в которых экипаж испытывал большую нужду. Встретили только стадо буйволов. Туземцев не было видно. Лишь одна лодка с индейцем, ловившим рыбу, виднелась в углу залива. Рыбак-индеец вместе с лодкой был доставлен на корабль. Англичане дали ему много подарков и, объяснив знаками, в чем они нуждаются, пообещали дать еще больше, если он им поможет. Затем индейца отправили на берег. Через несколько часов он вернулся с людьми своего племени, в числе которых был и вождь. Индейцы принесли кур, яйца, жирную свинью и другую снедь. Рыбак-индеец объяснил Дрейку, что здесь ничего другого достать нельзя, но что он может показать англичанам место недалеко отсюда, где всякого продовольствия в изобилии. Дрейк с удовольствием принял предложение, и 4 декабря «Золотая лань», ведомая новоявленным лоцманом, пошла в обратном направлении. Второй раз, проходя вдоль побережья в тех местах, где была назначена встреча кораблей, англичане опять не встретили своих товарищей; индейцы говорили им, что тоже не видели английские корабли. На следующий день «Золотая лань» вошла в гавань Вальпараисо порта Сантьяго, столицы Чили.

Был полдень. Впереди «Золотой лани» стояло испанское судно «Капитан Мориаль». Этот корабль водоизмещением 120 тонн был знаменит тем, что являлся флагманом в экспедиции известного испанского мореплавателя Педро Сармиенто де Гамбоа к Соломоновым островам. Сейчас судно совершало коммерческий рейс в Перу с грузом вина и золота. Команда его состояла из 15 человек.

Приход «Золотой лани» не вызвал у испанцев никаких подозрений. Они не сомневались, что в порт вошло тоже испанское судно. Откуда же было взяться кораблю другой национальности в «Испанском озере», обозначавшемся на картах как «Тихий океан». На «Капитане Мориаля» в знак приветствия подняли флаг и забили в барабаны. Дрейк приказал спустить шлюпку. В нее сели восемнадцать матросов, вооруженных аркебузами, луками и щитами. Первым на борт испанского корабля вступил Томас Мун,

говоривший немного по-испански. Крича «*Abajo, perro!*»*, он бросился на приветствовавшего его испанца и ударил его палкой. Очень скоро англичане завладели кораблем. Никто из испанцев убит не был. Ошеломленные неожиданным нападением, они не успели опомниться, как были схвачены и заперты в трюме. Среди захваченных драгоценностей был большой золотой крест, усыпанный изумрудами, «с прибитым к нему, — как выразился Флетчер, — богом из того же металла»³³.

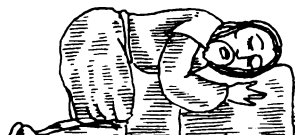
Оставив охрану на захваченном корабле, Дрейк послал остальных в город. В Вальпараисо в то время было всего девять жилых домов и несколько складов. Когда англичане вошли в город, там уже не было ни одного жителя, все убежали в горы. На складах матросы нашли большие запасы провизии: хлеб, мясо, сало. Особенно много было вина. Но нигде они не видели золота. Захваченное продовольствие они перевезли на корабль, на долгое время обеспечив себя всем необходимым. Дрейк тоже высадился на берег. Там он обнаружил небольшую часовню, где увидел богато расшитый алтарный покров. Дрейк подарил его Флетчеру.

Покончив с грабежом города, Дрейк распорядился отпустить всех захваченных испанских моряков, кроме штурмана Хуана Гриего и еще двух матросов. Забрал он и все карты, находившиеся на корабле. Затем вместо отпущенной испанской команды он послал на «Капитана Мориаля» двадцать пять своих матросов. В полдень 6 декабря, ровно через 24 часа после прихода в порт, он оставил Вальпараисо, продолжая путь уже на двух кораблях.

Дрейк никогда не перегружал добро с захваченных кораблей на свое судно в порту, опасаясь неожиданного нападения. Он уводил испанский корабль в открытое море и там на просторе «освобождал» его от груза. Так он поступил и в этот раз. С «Капитана Мориаля» было снято 170 бочонков вина. Это количество фиксируют все источники, как британские, так и испанские. Разногласий нет. Другое дело в отношении стоимости захваченных драгоценностей. Дон Луис де Толедо, вице-король Перу, опре-

* Прочь, собака! (*исп.*)

делял их стоимость в 14 тыс. золотых песо. Педро Сармиенто де Гамбоа утверждал, что хозяином «Капитана Мориала», Гернандо Ламеро, были зарегистрированы находившиеся на корабле драгоценности на сумму в 24 тыс. песо. Какова была действительная их стоимость, определить, конечно, невозможно. Ясно одно, что первое же нападение Дрейка на испанцев в Тихом океане принесло ему немалый барыш. Ведь если перевести стоимость награбленного на современные деньги, то это составит много миллионов фунтов стерлингов.

Дрейк вернулся к бухте Филиппа, где высадил индейско-го рыбака на берег, и продолжал путь на север. Он шел все время недалеко от берега, заходил во все бухты и устья рек, пытаясь отыскать потерявшиеся корабли своей флотилии. Там, где было мелко и его суда не могли подойти к берегу, он посылал пиннасу.

«Золотая лань» после страшной двухмесячной бури начала давать течь, и Дрейк решил найти подходящую бухту, чтобы встать на ремонт. 19 декабря его корабли вошли в залив к югу от города Сиппо. Дрейк приказал одному из матросов забраться на мачту для наблюдения за берегом, а четырнадцать других послал на шлюпке к берегу, чтобы они отыскиали пресную воду. Шлюпка подошла к скале, находившейся близко от берега. Матросы привязали шлюпки, а сами сошли на сушу. Они поймали пару свиней, набрали в бочки воды, когда раздался выстрел. Это стрелял матрос, наблюдавший с мачты за берегом и заметивший скакавший с холма испанский кавалерийский отряд и бежавших за ним вооруженных индейцев. Предупрежденные выстрелом матросы бросились к скале, где находилась шлюпка. Лишь один матрос, Ричард Миниви, оставался на берегу, прикрывая отход. Шлюпка с матросами ушла. Миниви был убит выстрелом из аркебуза. Испанцы были так озлоблены, что у мертвого моряка отрубили голову и правую руку, вырвали из груди сердце и приказали индейцам пронзить тело стрелами. После этого они ускакали, оставив тело на съедение диким зверям. К концу дня, когда на берегу было совершенно пустынно, Дрейк послал шлюпку, чтобы похоронить погибшего матроса. «Это было

не то место, какое мы искали и где желали бы остановиться, — писал Флетчер, — и мы поспешили опять отправиться в путь»³⁴.

22 декабря, пройдя 90 миль на север, Дрейк обнаружил наконец место, которое искал: прекрасный широкий залив с песчаным берегом, где виднелось лишь несколько индейских хижин. В заливе было такое множество рыбы, что на четыре или пять удочек можно было в течение трех часов поймать несколько сотен рыбин. Там и начался ремонт «Золотой лани». Тем временем Дрейк на пиннасе отправился на поиски своих исчезнувших кораблей. Однако неблагоприятный юго-западный ветер заставил его вернуться к месту стоянки.

18 января 1579 г. закончился ремонт «Золотой лани», и на следующий день корабли опять пошли на север. Дрейк все еще не терял надежды найти пропавшие корабли. Последние два месяца плавания англичане все время испытывали нехватку питьевой воды. Корабли шли вдоль выжженных солнцем засушливых берегов. Лишь время от времени им удавалось встретить индейцев, которые показывали, где можно найти воду. Так, в поисках пресной воды англичане высадились в местечке, называемом Тарапака. На берегу они нашли спящего испанца, около которого лежало 13 слитков серебра стоимостью в 4 тыс. испанских дукатов. О том, что случилось дальше, Флетчер повествует так: «Нам никак не хотелось его будить, но, против нашей воли, мы доставили ему эту неприятность, так как решили освободить его от заботы, которая, чего доброго, в другой раз и не позволила бы ему заснуть, и покинули его, взяв его ношу, чтобы она не беспокоила его больше и он мог бы продолжать свой сон спокойно»³⁵.

Тут же Флетчер записывает и другой подобный эпизод. «Наши поиски воды продолжались, и мы опять высадились недалеко от Тарапаки! Там мы встретили испанца, гнавшего восемь лам, или перуанских баранов, каждый из которых нес по два мешка. В мешках было по 50 фунтов чистого серебра, а всего — 800 фунтов. Мы не могли допустить, чтобы испанский джентльмен превратился в погонщика, и потому, без просьбы с его стороны, сами предложили

свои услуги и стали подгонять лам, но так как он не мог хорошо показать дорогу, то нам пришлось взять это на себя, и, после того как мы с ним расстались, мы с нашим новым багажом оказались около своих лодок»³⁶.

4 февраля Дрейк увидел небольшое селение на берегу. Пересев на пиннасу, он поплыл туда в сопровождении группы матросов. В селении Дрейк встретил двух людей, один из которых оказался корсиканцем. При нем находилось 3 тыс. серебряных песо и семь лам. Дрейк забрал с собой на корабль и корсиканца, и деньги, и лам.

6 февраля Дрейк подошел к городу Арика, расположенному на 18° ю. ш. «Этот город, — сообщает Флетчер, — оказался нам расположенным на самой плодородной земле, какую мы только видели на этих берегах. К тому же он находится у входа в прекраснейшую и плодороднейшую долину, снабжающую город всем необходимым. Город ведет постоянную торговлю как с Лимой, так и с другими городами Перу. Он населен испанцами. На двух барках, стоящих в заливе, мы нашли сорок слитков серебра, по форме напоминающих кирпичи, каждый около двадцати фунтов. Чтобы помочь испанцам, мы взяли с собой эту ношу»³⁷. Тем временем в городе раздался звон колоколов. На берегу собрались вооруженные жители. Дрейк решил не испытывать неверную судьбу и не высадился на берег. Ранним утром следующего дня его корабли покинули гавань Арики, направляясь дальше на север.

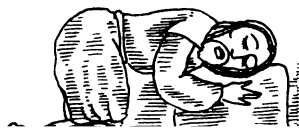
У селения Арикипа они увидели испанский корабль, на который только что начали грузить золото и серебро. Когда Дрейк подошел к нему, оказалось, что погрузка не только прекращена, но, наоборот, корабль разгрузили два часа назад, получив известия из Арики о появлении в этом районе английских кораблей. Драгоценности закопали в тайнике. Но англичане несколько компенсировали потерю, захватив попавшийся им другой корабль, груженный полотном. Решив, что «полотно может пригодиться, мы его забрали», сообщает благочестивый Флетчер³⁸.

«Золотая лань», сопровождаемая пиннасой, пошла к Лиме, столице Перу, где находилась резиденция вице-короля этой испанской колонии. Утром 15 февраля, буду-

чи в двадцати милях от порта Кальяо, Дрейк встретил небольшой испанский корабль, принадлежавший Франциско де Трухильо, жителю Лимы. На судне не оказалось ничего ценного, но Дрейк получил от его капитана Гаспара Мартина важные сведения. На вопрос Дрейка, много ли золота и серебра находится на кораблях, стоящих в Кальяо, Мартин отвечал, что большинство драгоценностей увезли. Еще 2 февраля в Панаму ушел корабль с большим грузом золота. Поскольку это судно должно зайти еще в ряд портов по пути к месту назначения, Дрейк, по мнению Мартина, может догнать его.

Узнав это, Дрейк изменил свой первоначальный план. Он решил не высаживаться в Кальяо. Под покровом ночи он вошел в гавань, где стояло 30 испанских кораблей, 17 из них — в полной боевой готовности. «Золотая лань» стала среди них. Испанские корабли были ярко освещены. Их команды находились на берегу. Дрейк со своими людьми осмотрел корабли и действительно не нашел на них драгоценностей: все было свезено на берег. Но и здесь Дрейк узнал кое-что интересное. Это не относилось к искаженным известиям о европейских событиях, например о том, что умерли якобы Папа римский и французский король. В действительности Папа Григорий XIII, избранный в 1572 г., продолжал свой земной путь, так же как и Генрих III, в 1574 г. вступивший на французский престол. Известием, очень заинтересовавшим Дрейка, было сообщение испанских матросов о том, что Джон Оксенгем и с ним еще три англичанина находятся в руках инквизиции в Лиме.

Лима была не Номбре-де-Диос и не Вальпараисо. Основанная Франциском Писарро в начале XVI в. Лима, носившая тогда название Великого города королей, была красива и величественна. В центре находились великолепные здания, среди которых выделялся дворец вице-короля Перу, не уступавший в роскоши королевским дворцам в Испании. В городе жило 9 тыс. испанцев и 5 тыс. негров-рабов, а также индейцы, численность которых неизвестна. В шести милях от Лимы находился порт Кальяо с широкой и глубокой гаванью. У входа в нее находился остров, что предохра-

няло гавань от опасных волн и делало стоянку судов вполне безопасной. На берегу был расположен небольшой поселок, в котором жили несколько сотен испанцев.

Своими незначительными силами Дрейк не рассчитывал захватить испанскую твердыню. Но полученное известие он запомнил и решил, что найдет еще способ выручить из плена своих соотечественников.

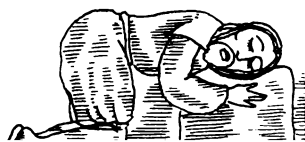
Переходя с корабля на корабль, Дрейк рубил якорные канаты, рассчитывая на то, что, хотя ночь и была спокойная, прилив и отлив сдвинет суда с мест стоянки и их команды, возвратясь на берег, не смогут в темноте найти свои корабли. Это вызовет смятение и даст возможность «Золотой лани» беспрепятственно уйти на безопасное расстояние.

Осмотрев стоявшие на рейде суда, Дрейк вернулся на свой корабль. В это время в порт вошло испанское судно «Святой Христофор» и стало рядом с «Золотой ланью». Матросы — народ общительный, и испанцы со «Святого Христофора» стали спрашивать людей со стоявшего рядом корабля, кто они такие. Дрейк приказал одному из пленных испанцев отвечать по-испански то, что он ему будет говорить. Все, казалось, складывалось благоприятно для англичан. Их присутствие не было обнаружено. Но произошла случайность, которую никак нельзя было предусмотреть. Хотя уже близилась полночь, приход корабля был замечен с берега, и к нему была послана шлюпка с таможенниками. Когда шлюпка подошла к борту испанского судна, таможенный офицер спросил его название и сказал, что осмотр судна будет произведен утром следующего дня. Поскольку «Золотая лань» стояла рядом, то и она привлекла внимание испанцев. Очертания судна удивили таможенного офицера. Подойдя вплотную к кораблю, испанцы спросили у команды его название. В ответ слышалось: «Святой Христофор». Это испугало испанского офицера, и, крича «Французы! Французы!», он приказал что есть силы грести к берегу. Видя, что без шума не обойдется, Дрейк приказал спустить шлюпку, догнать и захватить испанских таможенников. Это сделать не удалось: испанская шлюпка уже достигла берега. Тогда Дрейк приказал спустить другую шлюпку с вооруженными матросами, чтобы захватить стоящий рядом

«Святой Христофор». Но атака англичан была отбита успешными подготовиться к обороне испанцами. Когда английская шлюпка вернулась к «Золотой лани», «Святой Христофор» уже снялся с якоря. Дрейк послал вдогонку за ним пиннасу с вооруженными матросами. На этот раз англичанам сопутствовала удача. Они настигли испанский корабль уже у выхода из гавани и захватили его. Но команда успела спустить шлюпку и направиться к берегу. На борту остались лишь два матроса и слуга-негр. Тем временем «Золотая лань» снялась с якоря и вышла в открытое море.

В городе поднялась тревога. Звонили колокола церковей. Вооруженные жители собирались для отражения нападения. Известие о появлении корсаров достигло дворца вице-короля. Вице-король Перу дон Луис де Толедо в боевых доспехах, сопровождаемый отрядом кавалеристов с развевающимся королевским штандартом, прискакал на базарную площадь Лимы и призвал всех жителей города к обороне. Уже стало известно, что нападавшие были не французы, а англичане, приплывшие с юга. Вице-король послал генерала Диего де Фриаса Трейо с его солдатами в порт для захвата англичан. Но когда они достигли Кальяо, то увидели лишь огни «Золотой лани», скрывавшейся за островом, расположенным при входе в гавань. За ней шел захваченный англичанами «Святой Христофор».

Узнав об этом, вице-король послал солдат в Кальяо и, посадив их на два корабля, приказал преследовать и захватить английский корабль. Командование этой операцией он возложил на генерала Диего. Такова была обычная практика испанцев в то время. Морские операции, если в них принимали участие сухопутные войска, проводились под командованием сухопутных офицеров, морские же офицеры ставились в подчиненное положение. И в этом случае главное командование было отдано генералу Диего, а адмирал Педро де Арана должен был ему подчиняться. Когда испанские корабли вышли в море, «Золотая лань» находилась уже в двадцати милях от них. Дрейк увидел преследователей, когда корабли вышли за остров. Он, оставаясь совершенно спокойным, распорядился перевести груз со «Святого Христофора» на «Золотую лань» (в трюмах

захваченного испанского судна оказались шелк и полотно). Когда груз был доставлен на «Золотую лань», Дрейк разрешил всем испанцам, кроме, разумеется, необходимого ему да Сильвы, вернуться в Лиму на «Святом Христофоре». Английские же матросы, находившиеся на захваченном корабле, перешли на «Золотую лань». Попутный ветер крепчал, и «Золотая лань» быстро увеличивала расстояние между собой и преследовавшими ее испанскими кораблями.

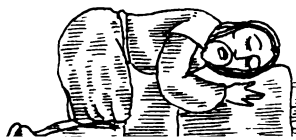
Испанцы целый день преследовали «Золотую лань». Но, убедившись в беспечности этого, вернулись в Кальяо. Вице-король был в ярости. Он разжаловал генерала Диго. Небольшой фрегат был послан во все порты между Лимой и Панамой, чтобы предупредить о появлении английского судна. Когда «Святой Христофор» вернулся в Лиму, стало известно имя капитана английского корабля, этого «дьявола Дрейка», вызывавшего особую ненависть испанцев за действия в Номбре-де-Диос и Картахене.

В это время Дрейк захватил маленький испанский барк и узнал, что корабль, о котором ему рассказали испанцы еще до входа в гавань Кальяо и который он так вожделенно мечтал догнать, прошел здесь совсем недавно. Зайдя в находившуюся неподалеку небольшую гавань Пайта, Дрейк узнал от капитана стоявшего там испанского судна Кустодо Родригоса, что «Какафуэго» (так назывался корабль, за которым охотился Дрейк) вышел из этой гавани два дня назад. Дрейк, захватив с собой Родригоса, хорошо знавшего здешние прибрежные воды, пустился в погоню. 21 февраля он захватил испанский корабль с грузом одежды. Взяв груз на свой корабль и прихватив марона, находившегося среди команды, Дрейк отпустил испанский корабль и поплыл дальше. Он осмотрел гавани Святой Елены и Гуаякиль. Никто и не слышал о «Какафуэго».

28 февраля «Золотая лань» пересекла экватор. Здесь Дрейк захватил испанский барк, капитаном которого был Диас Браво. На захваченном корабле Дрейк нашел запасы нового такелажа, что было очень кстати для его судна, находившегося уже второй год в плавании. Кроме того, на корабле было 20 тыс. золотых песо.

Перегрузив такелаж и золото на «Золотую лань», Дрейк отправился дальше, ведя за собой захваченный испанский барк. «Какафуэго» не было видно. Дрейк обещал подарить золотую цепь тому, кто первым увидит этот корабль. 1 марта в час дня, когда «Золотая лань» находилась у мыса Святого Франциска, Джон Дрейк, сидевший на грот-мачте, закричал: «Парус!» На расстоянии девяти миль от «Золотой лани» шел большой испанский торговый корабль.

Это был долгожданный «Какафуэго». Джон Дрейк получил золотую цепь. Судьба этого в то время пятнадцатилетнего юноши сложилась драматически, как и судьбы большинства братьев Дрейка. Из этого плавания Джон вернулся благополучно. Но в июне 1582 г. он отправился в новое плавание, которое организовал Эдвард Фентон. Целью плавания было достижение Китая. Экспедиция должна была проходить по маршруту «Золотой лани». Джон Дрейк был уже капитаном одного из судов, принадлежавшего его брату и носившему его имя «Фрэнсис». Все шло хорошо, пока не достигли берегов Бразилии. «Фрэнсис» зашел в Ла-Плату, чтобы пополнить запасы продовольствия и воды. Там судно наскочило на скалу и разбилось. Вся команда, семнадцать человек, спаслась на шлюпке. Матросы успели взять только немного оружия. Все остальное погибло. Высадившись на берег, они разожгли костер, чтобы обсушиться. Огонь привлек внимание индейцев. В завязавшейся схватке четыре англичанина были убиты. Остальные попали в плен. 13 месяцев Джон Дрейк и его спутники находились у индейцев. Пять человек умерли. Четверым, в том числе Джону Дрейку, удалось бежать. После целой серии приключений англичане пришли в Буэнос-Айрес. Там они попали в руки испанских властей. Сначала их отправили в Асунсьон, а затем в Лиму. Сохранились протоколы допросов Джона Дрейка перед судом инквизиции в Лиме в марте 1584 г. и январе 1587 г. Испанские колониальные власти в Америке продолжали проявлять огромный интерес к плаванью Фрэнсиса Дрейка в Вест-Индию в 1577–1579 гг., несмотря на то что с тех пор прошло уже немало лет. Поэтому, захватив близкого родственника «дьявола Дрейка» и участника его плавания,

испанские инквизиторы в основном расспрашивали Джона Дрейка о деталях этого плавания и личности его столь им ненавистного брата.

Джон Дрейк был приговорен судом инквизиции к тюремному заключению. Дальнейшая судьба его неизвестна. В Англию он больше не вернулся. Фрэнсис Дрейк, составяя заветание в августе 1595 г., не упомянул в нем о своем кузене, по-видимому, будучи уверен, что его уже нет в живых.

Но все это было потом. А сейчас юный кузен адмирала радовался удаче, нетерпеливо ожидая возможности вступить на палубу испанского корабля. Но адмирал решил не форсировать события. «Золотая лань», имея большое преимущество в скорости, могла быстро нагнать испанцев. Но оба корабля шли недалеко от берега. Если бы с «Какафуэго» увидели опасность, то испанцы могли легко спастись, повернув к суше. Поэтому Дрейк решил напасть на испанцев ночью. Но нужно было уменьшить скорость «Золотой лани», и Дрейк приказал спустить все пустые бурдюки, которые, наполнившись водой, сильно замедлили ход корабля.

К вечеру с берега потянул бриз. Теперь, если бы испанцы и заметили опасность, им было бы очень трудно подойти к берегу. Дрейк приказал вытащить бурдюки, и «Золотая лань», получив свободу, стала быстро нагонять «Какафуэго».

О том, что произошло дальше, мы узнаем из показаний владельца и капитана «Какафуэго» Сен Хуана де Антона, которые он давал королевскому суду в Панаме 16 марта 1579 г., через десять дней после того, как Дрейк его отпустил.

В полдень 1 марта де Антон с борта своего корабля заметил судно, шедшее тем же курсом, что и «Какафуэго». Он не придавал этому никакого значения, полагая, что за ним идет испанский корабль. Около девяти часов вечера неизвестный корабль перерезал путь «Какафуэго». Де Антон приветствовал его, но ответного приветствия не последовало. Де Антон подумал, что, возможно, этот корабль идет из Чили, где тогда было восстание, и вышел на палубу. Вдруг с подошедшего корабля раздался голос: «Мы —

англичане, уберите паруса!», а затем: «Уберите паруса, господин Хуан де Антон, если вы этого не сделаете, то будете пушены на дно». «Почему Англия приказывает мне убрать паруса? — отвечал де Антон. — Придите на борт и сделайте это сами». — «Уберите паруса», — еще раз раздалась команда. За ней последовал орудийный залп. В то же время у противоположного борта «Какафуэго» показалась английская пиннаса, с которой на борт испанского корабля взобрались 40 англичан.

Не видя на палубе никого, кроме де Антона, они схватили его и потащили на английский корабль. Там он предстал перед Дрейком, сказавшим ему: «Сохраняйте спокойствие, это случается на войне». Дрейк приказал запереть де Антона в каюте на корме и выставить охрану.

На следующее утро Дрейк завтракал на «Какафуэго», приказав своим людям накормить де Антона так, как если бы они кормили его самого. Дрейк находился на «Какафуэго» до полудня, проверяя находившиеся на борту корабля драгоценности. В течение следующих трех дней пиннаса перевезла драгоценности, находившиеся на «Какафуэго», а также запасы воды, паруса и канаты на «Золотую лань». По словам де Антона, их общая зарегистрированная стоимость определялась в 400 тыс. песо, из которых 106 тыс. принадлежало лично королю Филиппу, а остальное — частным лицам. Общая стоимость золота и серебра, которые Дрейк забрал в южных морях между портом Вальпараисо, где он захватил «Капитана», и мысом Святого Франциска, где он ограбил Сен Хуана де Антона, составляет 447 тыс. песо, не считая стоимости большого количества фарфора, ювелирных изделий из золота и серебра, драгоценных камней, а также шерстяных тканей и продовольствия. «Ущерб, нанесенный захваченным им кораблям, — говорилось в протоколе допроса де Антона королевским судом Панамы, — оценивается еще в 100 тыс. песо. В эту сумму не входит стоимость мелких вещей, которые он брал в разных местах»³⁹.

Дрейк объяснил де Антону, что во время его второго плавания вместе с Хокинсом в испанскую Вест-Индию десять лет назад их обманул вице-король Мексики дон Мартин

Энрикес, нарушив данное слово, что обошлось им тогда в 7 тыс. песо. Дрейк добавил, что по этой причине считает с тех пор за королем долг на эту сумму и теперь хочет его получить. Поэтому то серебро из захваченного им, которое принадлежит королю, он забирает себе, серебро же, принадлежащее частным лицам, он отдаст королеве, своей высокой повелительнице⁴⁰. На следующий день, в субботу 7 марта, Дрейк приказал перевести всех арестованных испанцев на «Какафуэго» и разрешил им плыть, куда они пожелают.

До того как испанский корабль ушел, Дрейк одарил экипаж подарками из тех же вещей, которые он забрал у испанцев. Каждому он дал по 30—40 песо. Несколько испанцев получили садовые ножи и мотыги. Одному солдату Дрейк подарил оружие. Он дал корабельному писарю щит и меч, чтобы тот при случае мог показать себя воином. Купцу по имени Куэвас Дрейк дал несколько вееров, сказав, что это подарок его жене. Самому де Антону он подарил два бочонка с дегтем, порох и серебряный кубок с надписью «Фрэнсис Дрейк».

Отпуская де Антона, Дрейк дал ему рекомендательное письмо, сказав, что в случае если тот встретит два других английских судна, которые идут следом (Дрейк все еще не терял надежды, что «Елизавета» и «Златоцвет» где-то недалеко), то пусть покажет это письмо и ему не будет причинено никакого беспокойства. «Поскольку он — капитан-генерал, они все обязаны подчиняться его приказу, и он делает Сен Хуану большую услугу, дав ему это письмо, так как капитан двух других судов очень жестокий человек, и если бы он не помешал ему, тот не оставил бы в живых ни одного человека, но с этим его письмом они могут плыть в полной безопасности». Дрейк, в частности, писал: «Мистер Винтер. Если Богу будет угодно дать Вашей милости возможность встретить Сен Хуана де Антона, то я прошу Вашу милость обращаться с ним хорошо, в соответствии с данным ему мною словом»⁴¹.

В свою очередь Дрейк, беспокоясь о судьбе Оксенгема и его спутников, просил де Антона передать от его имени вице-королю Перу, «что он уже убил достаточно англичан,

а тех четырех, которые остались, пусть не убивает, а если убьет, то это будет стоить жизни более чем четырем тысячам испанцев и головы их будут ему посланы, чтобы он знал об этом»⁴².

Де Антон старался успокоить Дрейка, сказав ему, что если уж англичане, о которых адмирал так беспокоится, до сих пор не убиты, то вряд ли их вообще убьют. Когда же Дрейк спросил его, как же, по его мнению, вице-король намерен поступить в отношении их, де Антон ответил, что они, вероятно, будут посланы в Чили солдатами для службы в войсках, воюющих против индейцев. «Фрэнсис обрадовался, услышав это, и стал более спокоен, — сообщает де Антон, — он был в большом гневе, когда говорил о возможности убийства пленных англичан».

Дрейк показал де Антону «навигационную карту длиной в 10 м, сказав, что она сделана для него в Лиссабоне и стоила ему 800 крузадо»⁴³. Когда де Антон спросил Дрейка, каким путем тот думает возвращаться на родину, «означенный капитан показал ему карту мира, на которой он продемонстрировал, что существует три пути, которыми он мог бы воспользоваться. Один путь через мыс Доброй Надежды, второй — той дорогой, которой он пришел сюда. О третьем пути он ничего не сказал»⁴⁴.

Де Антон выполнил поручение Дрейка и передал вице-корю Перу его просьбу не убивать Оксенгема и его товарищей. Но дон Франциско де Толедо не внял просьбе «королевского пирата». В начале ноября 1580 г. Джон Оксенгем, Джон Батлер и Томас Ксеруэл были повешены в Лиме. В то время когда Дрейк находился неподалеку, они сидели в застенках инквизиции. А утром 20 февраля 1579 г., через четыре дня после того как Дрейк покинул Кальяо, в тюрьме в Лиме инквизиторы Цересуэла и Уллоа, а также главный секретарь вице-короля Хуан Гутирес де Уллоа допрашивали Оксенгема, Батлера и Ксеруэла. Всем троим ставились одни и те же вопросы: 1) знают ли они, как изготавливаются английские пушки; 2) известно ли им что-нибудь о том, что королева Елизавета или какое-либо другое лицо намеревались послать военные корабли через Магелланов пролив в южные моря; 3) знакомы ли они с капита-

ном Фрэнсисом Дрейком и намеревался ли он пройти через Магелланов пролив?

На все эти вопросы англичане дали одинаковые ответы. На первый вопрос все они ответили отрицательно, что крайне разочаровало испанские власти. Дело в том, что на вице-короля Перу было возложено обеспечение защиты всей береговой линии Южноамериканского континента. Когда испанцы господствовали и на Тихом, и на Атлантическом океанах, можно было относиться к этому достаточно беспечно. Когда же английские и французские корабли стали все чаще проникать в Вест-Индию, оборона побережья стала уже делом неотложным. Артиллерия привозилась из Испании, и ее ко времени появления Дрейка в южных морях было совершенно недостаточно. Колониальные власти нуждались в людях, знавших, как изготавливаются пушки, чтобы организовать их производство на месте.

Пленные ответили отрицательно и на второй вопрос. Так, Оксенгем сказал, что четыре года назад один богатый английский дворянин по имени Ричард Гренвилл, который живет недалеко от Плимута, обратился к королеве с просьбой дать лицензию на плавание к Магелланову проливу и проход в южные моря на поиски земель для создания поселений, «поскольку Англия имеет большое население и мало земли»⁴⁵. Королева сначала дала ему лицензию. Гренвилл купил два корабля и собирался купить третий, когда королева отменила свое разрешение, «потому что узнала, что за Магеллановым проливом находятся поселения испанцев. Означенный Гренвилл продал корабли после того, как у него забрали лицензию... Королева, пока она жива, не даст такой лицензии, но после ее смерти, конечно, найдется человек, который пройдет Магеллановым проливом»⁴⁶.

Отвечая на последний вопрос, все трое сказали, что знают Фрэнсиса Дрейка и что, если бы королева дала ему разрешение, то он прошел бы Магеллановым проливом в южные моря, поскольку «он очень хороший моряк и капитан и в Англии нет никого, кто мог бы с ним в этом сравниться»⁴⁷.

Тревожные письма о нападениях Дрейка были посланы испанскому монарху вице-королями Перу и Мекси-

ки. Филипп получил их в августе и сентябре 1579 г. Исходя из того, что Дрейк мог вернуться в Англию только через Молуккские острова или Магелланов пролив, Филипп написал собственноручно письмо королю Португалии, прося его принять меры для поимки Дрейка у Молуккских островов, а к Магелланову проливу распорядился послать эскадру из Кадиса. Военные корабли были посланы также в Карибское море на тот случай, если Дрейк бросит свой корабль на Тихоокеанском побережье Панамы и, перейдя на ее Атлантический берег, построит новый и попытается пройти в Англию через Атлантический океан. Послу в Лондоне Мендосе король приказал: «До тех пор пока корсар не достигнет Англии, не надо ничего говорить королеве о возвращении захваченных им сокровищ. Когда же он вернется, то надо это сделать»⁴⁸.

Не осталось без внимания и сообщение о том, что Дрейк купил в Лиссабоне навигационную карту, которая помогла ему пройти в южные моря. Испанскому послу в Лиссабоне было приказано найти «то лицо или лиц, которые вели дела с этим корсаром», а также снять копию с карты, проданной Дрейку, и немедленно послать ее в Мадрид⁴⁹.

Вице-король Перу послал новую погоню за Дрейком. Когда де Антон на «Какафуэго» добрался до Панамы, он встретил корабли, искавшие «Золотую лань». Но найти Дрейка не удалось.

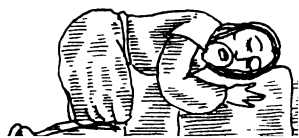
Тем временем Дрейк продолжал искать свои исчезнувшие корабли, заходя во все бухты и устья рек. Нигде не было никаких следов. Видя бесполезность своих усилий, Дрейк решил отказаться от дальнейших поисков, тем более что надо было думать о возвращении домой. Дрейк понимал, что его будут сторожить и у Магелланова пролива, и у Молуккских островов. Поэтому он решил пойти третьим путем, о котором ничего не говорил де Антону. Собрав команду, Дрейк сказал, что решил найти таинственный пролив Аниан, соединяющий Тихий и Атлантический океаны на севере так же, как Магелланов пролив на юге. «Открытием для мореходства этого прохода в Северной Америке из южных морей в наш океан, — писал об этом Флетчер, — мы бы не только оказали большую услугу нашей стране,

но и намного бы сократили срок возвращения домой, ибо в противном случае мы должны были бы идти очень долгим и мучительным путем, который едва ли выбрали бы по доброй воле... поэтому мы с радостью выслушали сообщение генерала»⁵⁰.

По своему обыкновению Дрейк решил дать отдохнуть команде перед предстоящим плаванием к неизвестному проливу. Он искал только подходящую гавань. 16 марта Дрейк обнаружил именно такое место у острова Кано в заливе Коронадо. Там англичане чистили и чинили корабль, отдыхали, ловили рыбу. Заготовили продовольствие, воду, дрова. Плавая на пиннасе вдоль берега, они встретили испанский корабль с грузом китайского шелка и фарфора. Там же Дрейк нашел сделанного из золота сокола и серебряную жаровню. Все было перенесено на «Золотую лань», а судно отпущено. 24 марта Дрейк пошел дальше на север. 4 апреля англичанам встретился еще один испанский корабль. Владельцем судна был Франциско де Сарат, происходивший из знатной испанской семьи. Он приходился двоюродным братом герцогу Медине. На груди его красовался покрытый красной эмалью крест ордена Сантьяго, знак военного отличия Испании. Через двенадцать дней, вернувшись в Никарагуа из короткого плена у Дрейка, де Сарат в письме к вице-королю Мексики Мартину Энрикесу так излагает события, последовавшие за появлением английского корабля: «4 апреля, за полчаса до полуночи, я увидел подошедший к нам близко корабль. С борта моего корабля крикнули, чтобы судно не мешало движению. Но ответа мы не получили, похоже было, что на судне все спали. Тогда мы крикнули еще раз, уже громче, спрашивая, откуда идет корабль. По-испански ответили, что из Перу. В это время мы заметили, что спущенная с корабля шлюпка подошла к нашей корме. Из шлюпки закричали: “Спустите паруса!” — и раздалось семь или восемь аркебузных выстрелов. Мы подумали, что это уже слишком для шутки и дело становится серьезным. Со своей стороны мы ничего не предпринимали. Люди из шлюпки вошли на корабль и приказали отдать оружие и ключи. Мы повиновались. Узнав, что я хозяин судна, они посадили меня в шлюп-

ку и повезли к их генералу. Я обрадовался этому, подумав, что буду иметь больше времени, чтобы лучше себя подготовить к встрече с Господом нашим. Скоро мы прибыли туда, где находился их генерал, на очень хороший корабль, вооруженный такой артиллерией, какой я еще не видел. Я увидел генерала, прогуливавшегося по палубе, и, подойдя к нему, поцеловал его руку. Он принял меня очень сердечно, проводил в свою каюту, предложил мне сесть и сказал: “Я друг тех, кто говорит мне правду, но с теми, кто этого не делает, я шутить не люблю. Поэтому для вас же будет лучше, если вы скажете мне, сколько золота и серебра везет ваш корабль?” Я ответил: “Нисколько”. Он повторил вопрос. Я ответил: “Нисколько, только несколько маленьких золотых пластинок, которыми я пользуюсь, и несколько кубков — вот все, что есть на корабле”. Он молчал некоторое время, а потом спросил, знаю ли я Вас, Ваше превосходительство. Я отвечал: “Да”. — “Есть ли на вашем корабле кто-либо из его родственников или вещи, принадлежащие ему?” — “Нет, сэр”. — Ну, ладно, встреча с ним самим меня обрадовала бы больше, чем со всем золотом и серебром Индии. Вы бы увидели тогда, как должен держать свое слово джентльмен”. Я ему ничего не ответил. Мы разговаривали, пока не наступило время обедать. Он приказал мне сесть рядом и начал накладывать еду из своей тарелки, говоря мне, чтобы я не волновался, ибо моя жизнь и собственность в полной безопасности. Я опять поцеловал его руку. На следующее утро он отправился на наш корабль и осмотрел весь груз. Из моих вещей он взял очень немного: китайский шелк и фарфор, сказав, что берет это для своей жены. В обмен он подарил мне золотого сокола и серебряную жаровню. На следующий день он приказал перевести меня и мой экипаж на наш корабль и разрешил продолжать плавание. Он задержал только Хуана Паскуаля и моего слугу-негра, сказав, что отпустит их после того, как они покажут, где можно найти пресную воду на берегу. Этот генерал был англичанин по имени Фрэнсис Дрейк, лет 35 от роду, небольшого роста, с белокурой бородой. Он один из величайших моряков, когда-либо плававших на морях, и как навигатор, и как командир»⁵¹.

Де Сарат нигде не упоминает о том, что Дрейк сделал еще один презент, «подарив» ему его же крест св. Сантьяго за «проявленную храбрость». Но слухи об этом широко распространились. Даже в одной из комедий Лопе де Вега высмеивается случай «награждения» дона Франциско английским пиратом испанским военным орденом.

Через неделю, 13 апреля, Дрейк был уже в Гватулько, небольшом, но имеющем важное значение порте, связанном с портами Перу и Гондураса. В это время город готовился к нескольким праздникам. Группа жителей украшала городскую церковь. Увидев входивший в порт корабль, они приняли его за судно, ожидавшееся из Перу. Но вдруг находившийся в церкви матрос поднял тревогу: «Это английский корабль!» Мгновенно город опустел: жители убежали в горы. Англичане, высадившись на берег, обошли все дома, забирая все ценное, что им попадалось. В одном доме они нашли большой сосуд с серебряными монетами, драгоценные камни и массивную золотую цепь, за которые «поблагодарили испанского джентльмена, который их оставил, убегая из города», замечает в своем дневнике Флетчер⁵².

Несмотря на панику, городские власти успели тут же послать гонцов к вице-королю Мексики с сообщением о нападении Дрейка. Дон Мартин в свою очередь уведомил об этом короля. Одновременно он призвал к оружию всех жителей Мексики. Епископ Гватемалы распорядился снять колокола с кафедрального собора и перелить на пушки. Судья верховного суда Мексики Роблес во главе отряда из 300 человек направился в Гватулько. В его отряде в качестве переводчика состоял англичанин Майлс Филип, находившийся в тюрьме со времени неудачного для Дрейка дела в Сан-Хуан-де-Улоа одиннадцать лет назад. Дон Мартин послал еще три отряда по 200 человек в Гватемалу, Акапулько и к побережью Карибского моря. Часть отряда, прибывшего в Гватулько, была отправлена на небольшом шлюпе вдогонку за Дрейком. Среди них был и М. Филип. «Все время, которое я находился в море с ними, — вспоминал он впоследствии, — я был счастливым человеком, потому что я надеялся, что, если мы встретимся с мистером Дрейком, мы будем все захвачены и таким образом

я буду освобожден и вернусь опять в родную Англию»⁵³. Но Дрейка встретить им не удалось. Прошли еще долгие годы до того, как Майлс Филип вернулся на родину.

Тревога охватила и Атлантическое побережье Вест-Индии. Генерал Христофор де Эразо вызвался вести отряд солдат-ветеранов из Номбре-де-Диос на Тихоокеанское побережье для поимки английского пирата. А Дрейк, покинув 16 апреля Гватулько, вышел в открытый океан, продолжая путь на север к заветному проливу. Перед уходом из Гватулько Дрейк освободил, как и обещал, Хуана Паскуаля и слугу-негра, а также португальца да Сильву. 3 июня «Золотая лань» достигла 42° с. ш. Там ночью англичане испытали переход от жары к такому холоду, пишет Флетчер, что наши люди почувствовали себя больными; это продолжалось не только ночью, но и наступивший день не принес изменений. Все канаты на нашем корабле обледенели. Нам казалось, что мы попали в арктическую зону, тогда как находились недалеко от очень жарких мест. Шел дождь со снегом. Холод был такой, что, хотя моряки никогда не страдают отсутствием аппетита, для многих было вопросом, стоит ли вынимать руки из теплой одежды для того, чтобы поесть. Да и мясо, снятое с огня, сразу же застывало. Снасти за несколько дней покрылись таким слоем льда, что та работа, которая с легкостью выполнялась тремя людьми, теперь делалась шестью с полной отдачей сил.

Американский берег все время отклонялся к северо-западу, как будто бы хотел соединиться с Азией, и никаких следов прохода на восток мы не находили. Холод все усиливался. Штормы сменялись столь густыми туманами, что мы подолгу не могли определить местонахождение корабля. Тревога охватила людей. Они стали сомневаться в правильности избранного пути. Только генерал сохранял спокойствие и бодрость духа, старался поднять упавшее настроение своего экипажа, говоря, что еще немного усилий — и они заслужат великую славу.

Но когда «Золотая лань» подошла к 48° с. ш., т. е. была недалеко от нынешнего Ванкувера, и никакого пролива на восток обнаружено не было, Дрейк решил повернуть

назад. До него ни один европейский корабль не заходил так далеко к северу по Тихоокеанскому побережью Северной Америки. В 1542 г. испанец Хуан Родригес Кабрильо достиг мыса Мендосино (40° с. ш.) в современной Калифорнии, но дальше идти не решился и повернул к югу.

Спустившись к 38° с. ш., «Золотая лань» 17 апреля бросила якорь в бухте, которая впоследствии была названа заливом Дрейка, расположенной к северу от современного Сан-Франциско. На следующий день собравшиеся на берег туземцы выслали к кораблю лодку, в которой находился лишь один человек. Видимо, его посылали на разведку. Когда лодка немного отошла от берега, туземец начал длинную непонятную речь, сопровождая ее энергичной жестикуляцией. Окончив речь, он вернулся на берег. Это он проделывал еще дважды. В руках у него были пучки перьев, похожие на вороньи, ровно обрезанные и аккуратно связанные. (Дрейк узнал потом, что это особый знак, который носят на голове телохранители вождя.) У туземца в руках была корзинка с травой, которую местные жители называли *tabáh*. Привязав корзинку к короткой палке, он бросил ее в лодку англичан. Дрейк хотел сразу же отблагодарить его, предложив ответные подарки, но туземец отказался их принять и взял лишь шляпу, брошенную с корабля, и немедленно отправился к берегу. «С тех пор, — пишет Флетчер, — куда бы ни плыла наша лодка, ее сопровождали каноэ с туземцами, смотревшими на нас с удивлением и восхищением, как на богов»⁵⁴. На третий день, 21 июня, Дрейк приказал всему экипажу сойти на берег. Там он распорядился поставить палатки и соорудить нечто вроде форта на случай нападения индейцев. Затем на берег было перенесено захваченное у испанцев добро и начался ремонт «Золотой лани».

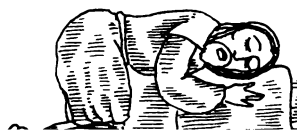
Все это время индейцы стояли на некотором расстоянии от лагеря, наблюдая за действиями англичан. Подходили все новые и новые люди, мужчины и женщины. Мужчины были вооружены луками и стрелами, однако вид у них был приветливый и вполне миролюбивый. Англичане знаками попросили индейцев сложить в стороне оружие, что те охотно выполнили. Англичане старались убедить индейцев, что они не боги, а обычные смертные, показывая, что им

необходимы еда и одежда. Они ели в присутствии индейцев, демонстрировали, как одевается платье. «Но ничто не могло поколебать сложившееся у них мнение, — пишет Флетчер, — что мы боги»⁵⁵.

В обмен на одежду и другие вещи индейцы приносили перья птиц, колчаны для стрел, сделанные из оленьей кожи, и шкуры зверей, которые носили индейские женщины. После этого они с радостными возгласами возвращались в свои дома. Их жилища представляли собой круглые землянки. Крыши делались из кольев, обкладываемых дерном; труб не было, дым выпускался из двери, напоминавшей корабельный люк. Внутри землянки, посередине, находился очаг, вокруг которого прямо на земляной пол были положены циновки.

Мужчины по большей части ходили голыми. Женщины же носили нечто вроде юбок «из тростника, а на плечах — оленьи шкуры». «У мужей своих они находятся в полном подчинении, — пишет Флетчер, — и ничего не делают без совета с мужчинами или их приказаний»⁵⁶.

Однажды, вернувшись домой, индейцы подняли такой жалобный крик (особенно выделялись голоса женщин), что его было слышно на милю вокруг. Это обеспокоило англичан. Они начали укреплять свой лагерь, готовясь к возможному нападению индейцев, расценив их крики как резкую перемену настроения. Но крики скоро прекратились, а через два дня индейцы опять в большом числе собрались у английского лагеря, принеся с собой мешки с *tabáh* в качестве подарков, «или, правильнее, жертвоприношения, так как, по их понятиям, мы были боги»⁵⁷. «Затем они поднялись на вершину холма, у подножия которого англичане построили лагерь, и там остановились. Один из индейцев, видимо, главный оратор, обратился к англичанам с длинной темпераментной речью, напрягая в полную силу голос и отчаянно жестикулируя. Когда он заговорил, все индейцы поклонились, крича: «О-о-о!» «Этим, — замечает Флетчер, — они хотели сказать, что все, что говорил оратор, было правдой и они полностью с ним согласны»⁵⁸. После этого мужчины, положив на землю луки и оставив на холме женщин и детей, подошли к англичанам с подарками. «Подойдя

к генералу, они имели вид счастливых людей, как если бы предстали перед богом. Их радость особенно усилилась, когда генерал принял подарки из их рук: и, несомненно, они ощущали себя совсем рядом с богом, когда стояли около него. Тем временем женщины, как бы в отчаянии, крича и воя, стали причинять себе жестокие страдания, царапая ногтями кожу на лице, кровь струилась по всему телу. Затем, подняв руки над головой, оставив открытой грудь, они бросились на землю, не разбирая куда, и сильно разбивались о камни, царапались о кустарник, натыкались на куски дерева. Все это они повторяли еще и еще, по девять или десять раз, а некоторые по 15 или 16 раз (пока силы не оставляли их). Когда это кровавое жертвоприношение (против нашей воли) окончилось, наш генерал со своим экипажем в присутствии туземцев начал молиться. Распеваемые англичанами псалмы так понравились индейцам, что они потом, приходя в лагерь, прежде всего просили их спеть»⁵⁹.

Еще через три дня у английского лагеря собралась толпа индейцев в таком количестве, какое было трудно себе представить в этой пустынной местности. К Дрейку подошли два индейца, посланные вождем, или *Níbh*, как они его называли. В пространной речи, продолжавшейся около получаса, они сообщили, что *Níbh* хочет посетить Дрейка, и попросили каких-либо подарков для него в знак того, что визит может быть осуществлен без боязни. Получив подарки, они вернулись к вождю.

Через некоторое время явился вождь в сопровождении 100 телохранителей. Впереди процессии шел высокий статный человек, несший скипетр черного дерева длиной в полтора фута. На нем было два венка, один небольшой, другой поменьше, с тремя длинными цепочками и мешочком с травой *tabáh*. Венки и цепочки были сделаны очень искусно. Похоже, что самые маленькие звенья цепочек были сделаны из кости. Ношение цепочек являлось отличительным знаком. Их разрешалось носить в строго определенном количестве — 10, 12, 20, в зависимости от общественного положения их владельца: чем знатнее он был, тем большее количество цепочек он надевал на себя.

За человеком со скипетром шел сам вождь, окруженный своими телохранителями, которые были очень высокого роста и имели воинственный вид. На плечи вождя был накинут плащ из кроличьих шкур, доходивший до пояса. На телохранителях тоже были плащи, но из шкур других животных. За вождем и его гвардией шли, видимо, рядовые члены племени, обнаженные, с длинными волосами, собранными сзади в пучок, с воткнутыми в него перьями. У всех приближавшихся индейцев лица были раскрашены в белый, черный и другие цвета. Каждый мужчина нес в руке какой-нибудь подарок. Заключали процессию женщины и дети. Каждая женщина несла одну или две круглые корзинки с травой *tabáh* и различной провизией, в том числе жареными рыбками.

Дрейк, видя приближавшуюся толпу индейцев, на всякий случай приготовил своих людей к обороне. Но индейцы, не доходя до лагеря, внезапно остановились, храня некоторое время полную тишину. Потом тот, кто нес скипетр, начал речь, которая продолжалась с полчаса. Затем оратор начал петь и приплясывать в такт песне. Песню подхватил вождь, его приближенные и все остальные. Все они одновременно танцевали. Видя столь мирную картину, Дрейк разрешил индейцам войти внутрь форта. Они вошли туда, продолжая петь и танцевать. Когда они несколько утомились, то знаками попросили Дрейка сесть. После этого вождь обратился к Дрейку с речью, т. е., «если мы его правильно поняли, — пишет Флетчер, — скорее с предложением, чтобы он стал их королем и покровителем, показывая знаками, что они отказываются в его пользу от всех прав на землю и становятся его вассалами... Вождь снял корону со своей головы, снял все цепочки с шеи и передал все это генералу, называя его именем *Niódh*. Затем вождь и все остальные начали петь и танцевать от восторга, что самый великий и главный бог стал их богом, королем и покровителем, и они чувствовали себя самыми счастливыми людьми на свете»⁶⁰.

Дрейк, как сообщает Флетчер, не счел возможным отказаться от предложения, полагая, что эта земля может «принести, когда придет время, доход нашей родине». Поэтому

от имени своей королевы он взял «скипетр, корону и власть над указанной страной в свои руки»⁶¹.

Дрейк назвал это «королевство» Новым Альбионом. После церемонии принятия власти Дрейк решил познакомиться с новым владением и его населением. Он обнаружил там плодородные земли, а местных жителей нашел очень сильными и энергичными. «По природе своей, — пишет Флетчер, — они были людьми приветливыми и спокойными, без какого-либо коварства; своими луками и стрелами (единственное их оружие и почти все их богатство) они владели очень искусно, но этим они не причиняют большого вреда: стрела летит на небольшое расстояние и без особой силы, напоминая скорее игрушку для детей, чем оружие мужчины. И это удивительно, потому что они очень сильны: обычный человек обладает такой силой, что может нести на спине тяжесть, с какой не справятся два или три наших мужчины, и несет ее с легкостью целую английскую милю с холма на холм. Они также очень быстро бегают и на большие расстояния... Мы также наблюдали с большим удивлением, как они руками без промаха схватывают рыбу, если та подплывает к берегу»⁶².

Проведя четыре недели в Новом Альбионе, Дрейк решил отправляться в путь. Лето кончилось. До Плимута было 16 тыс. миль. Надо было возвращаться домой. Дрейк решил идти в Англию через Молуккские острова и мыс Доброй Надежды. 23 июля «Золотая лань» покинула американский берег, направляясь на запад. С кормы корабля Дрейк видел зажженные индейцами костры на вершинах холмов. Он не знал, был ли это прощальный салют или жертвоприношение. Покидая Новый Альбион, Дрейк в традициях своего времени установил на берегу высокий и узкий столб с прибитой к нему медной доской, на которой было написано: «Да будет известно всем людям, что 17 июня 1579 г., по милости Господа и от имени ее величества королевы Елизаветы Английской и ее преемников, я взял во владение это королевство, чей король и народ по своему желанию передали ее величеству их права на всю землю, названную мной, к сведению всех людей, Новым Альбионом.

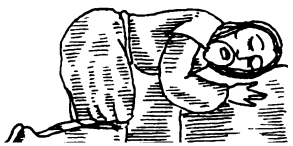
Фрэнсис Дрейк»⁶³.

В качестве печати, удостоверяющей законность сделанной надписи, в вырезанную в столбе дырку была вставлена шестипенсовая монета с изображением королевы и ее герба.

68 дней шла «Золотая лань», нигде не останавливаясь. Люди Дрейка ничего не видели, кроме неба и моря. Ни разу им не встретилась суша. Лишь 30 сентября показалась земля. Это была группа небольших островков. «С этих островов, — пишет Флетчер, — прежде чем мы успели их обнаружить, вышло огромное количество каноэ, на каждом из которых было по 4, 5, 14 или 15 человек. Они везли кокосовые орехи, рыбу, картофель, фрукты. Их каноэ были сделаны по обычному фасону, по большей части из ствола одного дерева... Местные жители носят в ушах тяжелые украшения, так что мочка уха очень оттянута; ногти у некоторых отращены по крайней мере на дюйм, а зубы черные, как смола, и это потому, что они часто едят какую-то траву, имея ее постоянно при себе»⁶⁴. Но обмена товарами не произошло. Получив сброшенные с корабля предметы, туземцы ничего не дали взамен. Когда же англичане попытались их прогнать, те начали с каноэ забрасывать их камнями. Тогда Дрейк приказал дать холостой выстрел. Испугавшись, островитяне попрятались в воду, но от каноэ не отплывали, а, нырнув под них, удерживали их на месте. Когда же «Золотая лань» отошла на приличное расстояние, они опять забрались на каноэ и быстро поплыли к берегу. Англичане назвали эту землю островом Воров.

Интересно отметить, что похожее происшествие случилось в этих же водах с Магелланом, и он буквально так же назвал обнаруженную землю.

Не высаживаясь на остров, англичане 3 октября поплыли дальше и 21 октября прошли мимо Филиппин, а 3 ноября подошли к Молуккским островам. Португальские колонисты, находившиеся на островах, вели тогда войну с султаном соседнего малайского острова Тернате. Высадившись на этом острове, англичане были весьма радушно встречены султаном. Султан выразил желание вблизи рассмотреть «Золотую лань» и подъехал на каноэ к борту корабля. Дрейк приказал дать приветственный орудийный салют, сопро-

вождавшийся звуками труб. Султан, однако, отказался принять приглашение Дрейка подняться на борт «Золотой лани» и предпочел остаться в каное. Султан сказал, что ему очень понравился звук трубы и он хотел бы послушать английскую музыку. По его просьбе музыканты спустились в каное и играли ему в течение часа. Во время пребывания на острове Дрейк успел заключить с султаном договор о том, чтобы его подданные продавали специи только английским купцам.

9 ноября «Золотая лань» покинула остров, и через пять дней англичане увидели находящийся к югу от Целебеса небольшой островок, оказавшийся необитаемым. Дрейку был необходим именно такой уединенный островок. «Золотая лань» опять требовала ремонта. Англичане оставались на острове целых четыре недели, усиленно готовя свой корабль для последней части пути. 12 декабря они покинули остров, названный ими островом Крабов, так как крабы водились там в изобилии.

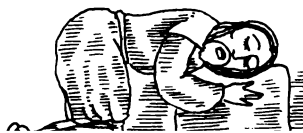
Теперь Фрэнсис Дрейк первым из англичан входил в еще один океан планеты — Индийский. Но здесь его ждало серьезнейшее испытание. Выбраться из массы островов среди мелей и окружающих рифов было очень сложно. И когда уже казалось, что самое трудное осталось позади и «Золотая лань» вот-вот выйдет на просторы безбрежного океана, страшный удар потряс корабль. Он наскочил на подводную скалу. Положение казалось безнадежным. Оставалось только ждать неминуемой смерти. Это произошло 9 января 1580 г.

Пастор Флетчер созвал экипаж на молитву, чтобы все должным образом подготовились к встрече с милосердным Богом. Матросы пали ниц, началась общая молитва. Дрейк, нисколько не растерявшись, дождался, когда кончилась молитва, и сказал команде, что молитвами делу не поможешь и надо искать путь к спасению, не надеясь на Провидение. Он заставил весь экипаж, в том числе и Флетчера, откачивать воду из трюма корабля. Затем Дрейк распорядился проверить, можно ли поставить «Золотую лань» на якорь, чтобы волны не бросили ее на прибрежные скалы. Но дна достать не удалось. «Зародившаяся было надеж-

да на спасение, — пишет Флетчер, — теперь угасла; наше несчастное положение становилось еще более ужасным, чем это представлялось вначале... Хорошо еще, что большинство наших людей не понимало безнадежность сложившегося положения»⁶⁵.

Ясно было одно, что судно прочно село на мель. Что же было делать? Остаться на корабле значило или погибнуть от голода, поскольку продовольствия и воды оставалось лишь на несколько дней, или разбиться вместе с ним о прибрежные скалы, если ветер сумеет сорвать корабль с мели. Покинуть корабль всем вместе было невозможно. Имевшаяся на судне шлюпка вмещала двадцать человек, а команда насчитывала пятьдесят восемь. Но даже если двадцать человек воспользуются шлюпкой, то и они не спасутся, во-первых, потому, что ветер дул со стороны берега, находившегося не менее чем в двадцати милях от «Золотой лани», и шлюпка не смогла бы к нему подойти, во-вторых, если бы они и сумели выбраться на берег, то кончили бы свои дни на необитаемой земле. Поэтому, решив, что лучше оставаться вместе, англичане стали дожидаться рассвета, чтобы опять приняться за поиски какого-то спасительного выхода. Утром вновь промерили дно, утешительных результатов не было. Дрейк, по-прежнему не терявший присутствия духа, приказал выбросить часть груза за борт. «То, что еще недавно казалось нам необходимым, — пишет Флетчер, — и без чего мы не могли обойтись, теперь потеряло для нас всякую ценность». Выбрасывали тюки с тканями, оружие, боевые припасы, муку и т. п. На борту остались лишь мешки с драгоценностями. И вдруг произошло чудо! Ветер начал стихать, вода прибывала, киль корабля высвободился, и «Золотая лань» обрела свободу. 20 часов непрерывного кошмара кончились. Корабль пошел дальше.

Когда все успокоилось, Дрейк приказал позвать к нему Флетчера. Флетчер застал адмирала сидящим в кресле на нижней палубе. «Фрэнсис Флетчер, — сказал ему Дрейк, — я отлучаю тебя от церкви Господней и лишаю всех выгод и преимуществ, проистекающих от этого, и отдаю тебя сатане и всем присным его». После этого он приказал пове-

свить на грудь капеллана дощечку с надписью: «Фрэнсис Флетчер — величайший плут и мошенник на свете». Взрыв гнева Дрейка был вызван тем, что он узнал: когда корабль налетел на подводную скалу, священник говорил команде, что Господь наказал их за тяжкий грех Дрейка — казнь Томаса Доути. Впрочем, через несколько дней гнев адмирала сменился на милость, и он, простив Флетчера, разрешил ему приступить к своим пасторским обязанностям.

12 марта «Золотая лань» подошла к Яве. Здесь у Дрейка установились дружеские отношения с местным властителем. Дрейк даже устроил для него концерт английской музыки, приведя во дворец раджи корабельных музыкантов, а также продемонстрировал военные упражнения. «Народ здешний (как и их короли), — замечает Флетчер, — добродушный, очень честный и обязательный. Мы накупили у них кур, коз, кокосовые орехи и овощи, которые они нам предлагали с такой любезностью и в таком количестве, что наполнили ими наш корабль»⁶⁶.

Попутные ветры и хорошая погода помогли Дрейку благополучно пересечь Индийский океан. 15 июня «Золотая лань» миновала мыс Доброй Надежды. 15 августа был пересечен тропик Рака, а 22 августа пройдены Канарские острова. Наконец 26 сентября 1580 г. «Золотая лань» подошла к Плимуту. Прошло два года девять месяцев и 13 дней с начала экспедиции. Первым, что увидели с «Золотой лани», была рыбацья лодка. «Жива ли королева?» — крикнули с корабля. «Конечно, жива», — ответили рыбаки, удивленные столь странным вопросом. Они предупредили, что в городе свирепствуют болезни и что высаживаться на берег не разрешают.

«Золотая лань» встала на якорь. Лишь несколько человек на берегу были свидетелями возвращения на родину первого английского корабля, совершившего кругосветное плавание. Дрейк не сразу понял, почему так мало народа. По его подсчетам, 26 сентября должен быть понедельник, а в действительности же было воскресенье, и все жители города находились в церкви.

В Плимуте Дрейк узнал наконец о судьбе кораблей своей флотилии. «Златоцвет» со всем экипажем погиб

во время страшной бури, которая разметала корабли флотилии при входе в Тихий океан. «Елизавета» же вернулась в Плимут еще в июне 1579 г. Ее капитан Д. Винтер объяснил свое возвращение тем, что этого от него потребовала команда. Как было на самом деле — сказать трудно. Два свидетеля, оставившие описания плавания «Елизаветы», Джон Кук и Эдвард Клифф, напротив, утверждали, что решение о возвращении в Англию принял сам Винтер. Более того, Клифф даже подчеркивал, что капитан сделал это вопреки желанию экипажа. Скорее всего дело было так. Продав три недели Дрейка в одном из заливов Магелланова пролива, куда он спрятался от бури, Винтер, считая, что оба судна погибли, не решился один продолжать опасное плавание и повернул назад к удовольствию команды.

III

Воспользовавшись сообщениями об эпидемии в Плимуте и не зная, что его ждет, как его встретит королева, Дрейк счел за благо отойти подальше от родных берегов и встать на якорь у острова Святого Николая (названного впоследствии островом Дрейка), находящегося при входе в Портсмутскую гавань. Теперь, если обстановка сложится для него неблагоприятно, он сможет незаметно скрыться в спасительном просторе океана.

Дрейк написал письмо королеве. Он рассказал ей о главных эпизодах долгого плавания, сообщил о захваченных сокровищах. Передать письмо королеве он просил одного из своих музыкантов — Тома Броуера. Тем временем Дрейка посетили его жена Мэри и мэр Плимута. Из разговора с ними Дрейк узнал много неприятного. Герцог Парма, племянник Филиппа II, подавлял протестантские восстания на севере Нидерландов, борясь со сторонниками Вильгельма Молчаливого. Во Франции герцог де Гиз, креатура Филиппа, был более могуществен, чем Карл IX. В июле 1579 г. папские волонтеры высадились на юге Ирландии и помогли восставшим. Но самое неприятное

было то, что после смерти в августе 1580 г. португальского короля Филипп II стал наиболее вероятным претендентом на вакантный престол. Он приказал войскам герцога Альбы вступить на территорию Португалии, и там, в битве у Алькантары, испанцы разбили сторонников дона Антонио, другого претендента на португальскую корону.

Захватив Португалию, Филипп получил бы также ее владения в Африке и в Бразилии. Кроме того, он стал бы хозяином мощного португальского флота. Дрейк узнал также, что среди ближайших советников королевы разгорелись споры по поводу захваченных Дрейком богатств. О том, что Дрейк награбил очень много, стало известно в Англии еще задолго до его возвращения. Английские купцы в Севилье сообщили Винтеру, когда тот на «Елизавете» возвращался в Англию, о ходящих в городе слухах, что Дрейк захватил драгоценностей на 600 тыс. дукатов. Ряд советников королевы во главе с канцлером Берли настаивали на возвращении захваченных ценностей их владельцам, а до того требовали поместить их в Тауэр. Уолсингем, Хеттон, граф Лестер — пайщики предприятия Дрейка — возражали против этого. Поползли слухи, что королева была «недовольна Дрейком, узнав о его грабежах в Перу»⁶⁷. Понятно, с каким нетерпением ждал Дрейк ответа Елизаветы. Люди из его экипажа зло шутили, что его ждет или Тауэр, или адмиралтейский суд.

Наконец был получен ответ королевы. Запершись в своей каюте, Дрейк лихорадочно читал послание своей повелительницы. Содержание его положило конец беспокойству. Королева приказывала Дрейку немедленно явиться ко двору, взяв с собой наиболее интересные предметы из захваченных драгоценностей. В этом же письме она давала секретные поручения местному судье Эдмунду Треймену, соседу и приятелю Дрейка, присматривать за оставшимися богатствами, спрятав их в надежном месте. Дрейк, не теряя времени, нагрузил несколько лошадей мешками с золотом, серебром и драгоценными камнями и отправился в Лондон.

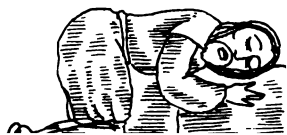
Пока Дрейк мчался в столицу, споры между министрами Елизаветы о дальнейшей судьбе захваченных богатств про-

должались. Лорд Берли по-прежнему требовал их помещения в Тауэр для последующей передачи испанцам. Массу энергии тратил испанский посол Бернардино де Мендоса, добиваясь возвращения сокровищ. Выполняя приказ короля Филиппа, он вскоре после возвращения «Золотой лани» в Плимут передал Елизавете подробный перечень награбленного Дрейком и потребовал немедленного суда над ним.

Королева действовала в своем излюбленном стиле. Разве может она наказывать Дрейка до тех пор, пока не выяснит сама у него все обстоятельства. А разве может она что-нибудь узнать у Дрейка, не видя его?

Тем временем «главный вор неизвестного мира», как тогда называли Дрейка его недоброжелатели, прискакал в Ричмондский дворец. Он смело вошел в покои королевы и преклонил колено перед своей повелительницей. Дрейк выглядел очень импозантно. Одетый с подчеркнутой роскошью невысокий голубоглазый крепыш с обветренным, загорелым лицом, на котором заметно выделялся шрам от индейской стрелы, с белокурыми волосами, ставшими еще светлее от многомесячного действия тропического солнца, он смотрел на Елизавету спокойно и уверенно. Дрейк не сомневался, что привезенные «образцы» окажут нужное действие. И он не ошибся.

Шесть часов за плотно закрытыми дверьми продолжалась беседа с глазу на глаз Елизаветы с «ее пиратом», как она называла Дрейка. Вероятно, королева не только перебирала тонкими нервными пальцами драгоценные камни, великолепные изделия из золота и серебра и подробно расспрашивала об остальных сокровищах, оставшихся на «Золотой лани». Дрейк взял с собой карту, на которой был нанесен маршрут плавания, и можно представить себе, как увлекательно рассказывал он об удивительных перипетиях экспедиции. Правда, Дрейк не первым обогнул земной шар, но он был первым капитаном кругосветной экспедиции, проводившим ее с начала и до конца. Надо думать, что не только содержание рассказа Дрейка нравилось королеве, но и звучание его голоса: адмирал говорил с девонширским акцентом, как и новый фаворит «венценосной девственницы» — Уолтер Рэли.

После затянувшейся аудиенции Дрейк вернулся в Плимут с приказом королевы принять участие в регистрации захваченных богатств. В частном письме Тремейну королева писала, чтобы регистрация не начиналась до того, как Дрейк на некоторое время останется с сокровищами совершенно один. Кроме того, королева приказала, чтобы Дрейк сам до регистрации взял из захваченных богатств 10 тыс. ф. ст. для себя и еще 10 тыс. ф. ст. для раздачи членам экипажа. После регистрации все сокровища должны быть перевезены на хранение в Тауэр. Но по дороге туда их надо было завезти во дворец королевы, чтобы и она могла все посмотреть. Такова была воля монархини.

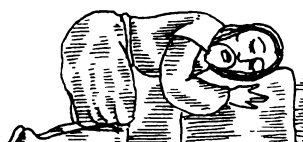
Поверенный Елизаветы превосходно понял, что хотела от него государыня. А она хотела, чтобы, кроме нее и Дрейка, ни одна живая душа не знала стоимость привезенных «Золотой ланью» богатств, а также чтобы в Тауэр попал минимум сокровищ. Хотя она и не собиралась возвращать сокровища Филиппу, но всякое могло случиться, так пусть лучше большая часть сразу будет надежно пристроена. Эдмунд Тремейн оправдал возлагавшиеся на него надежды. В ноябре 1580 г. он писал Уолсингему: «Чтобы дать вам представление, как я действовал вместе с Дрейком, должен сказать, что у меня не было времени подсчитать стоимость сокровищ, которые показывал мне Дрейк. И, сказать правду, я просил его показывать мне не больше того, что он сам считал нужным, и от имени ее величества приказал, чтобы он не говорил о действительной стоимости ни одному живому существу. Я брал для взвешивания, регистрации и упаковки только то, что он мне передавал... И, выполняя секретный приказ ее величества о том, чтобы у него остались ценности на сумму 10 тыс. ф. ст., мы договорились, что он возьмет их себе и тайно вынесет до того, как мой сын Генри и я придем взвешивать и регистрировать то, что останется. Так и было сделано, и ни одно живое существо об этом не знает, кроме него и меня...»⁶⁸

В Тауэр же попало на хранение 20 тонн серебра, пять слитков золота, каждый длиной 45 сантиметров, и некоторое количество драгоценных камней.

Узнав о необычно длительной аудиенции, данной Елизаветой Дрейку, разгневанный Мендоса потребовал встречи с королевой. Аудиенция была дана и ему. Но когда посол начал говорить о возвращении сокровищ, королева прервала его и стала перечислять все грехи испанцев в отношении Англии. Елизавета указала на многочисленные случаи преследования ее подданных во владениях испанского монарха. Но особенно резко она выговаривала послу за участие испанцев в боевых действиях против английских войск в Ирландии и требовала от Филиппа II письменного извинения за вмешательство в ее дела. Слушая речь королевы, Мендоса, окончательно выйдя из себя, вскричал: «Если меня не слушают, то пусть заговорят пушки!» С холодным спокойствием Елизавета сказала: «Если вы будете говорить со мной подобным тоном, я посажу вас в такое место, где вы вообще не сможете говорить». И Мендоса ушел ни с чем. Венценосная комедиантка отлично сыграла роль. Она понимала, что может безнаказанно это себе позволить, поскольку была уверена, что Филипп не пойдет на объявление войны: он еще не был к ней готов. Филипп только что «проглотил» Португалию и осваивался с новым положением. Доставшийся ему португальский военный флот надо было еще привести в порядок.

Елизавета так никогда и не вернула Испании захваченные Дрейком сокровища. Какова была их действительная стоимость, неизвестно. Считают, что не меньше 600 тыс. ф. ст. на тогдашние деньги. Чтобы представить себе, что значит эта сумма, можно указать, что разгром испанской «Непобедимой армады» в 1588 г., о чем речь пойдет в следующей главе, стоил Англии 160 тыс. ф. ст. Годовой доход английской казны составлял тогда 300 тыс. ф. ст. «Пайшики» предприятия Дрейка получили 4700 процентов на вложенный капитал. Конечно, королева получила львиную долю добычи.

Привезенное Дрейком богатство послужило основой для последующей экспансии Англии в заморских странах. «Конечно, — пишет английский экономист Д. Кейнс, — богатства, привезенные Дрейком, можно вполне считать основой британских иностранных инвестиций. Елизаве-

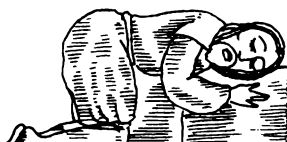
та за счет их смогла погасить весь свой иностранный долг и еще часть денег вложить в Левантийскую компанию; большие же доходы, получавшиеся Левантийской компанией, дали возможность создать Ост-Индскую компанию, доходы от которой на протяжении XVII—XVIII вв. были главной основой развития английских внешних связей и т. д.»⁶⁹

В сравнении с Испанией Англия того времени была бедной страной. «Доход одной Севильи, — в 1578 г. говорил государственному казначею Англии Уолтеру Милдмею Антонио де Гуарас, богатый купец, проживавший в Лондоне и в отсутствие официального посла неоднократно представлявший Испанию при английском дворе, — много больше, чем все доходы английской короны»⁷⁰. Полученные богатства придали Елизавете большую уверенность в отношениях с Филиппом. Теперь ей казался уже не таким невозможным военный спор с могущественной Испанией.

Слава Дрейка перешагнула границы Англии. Принц Оранский намеревался выбить медаль в его честь, а датский король — назвать его именем свой лучший военный корабль. Генрих Наваррский просил прислать копии карт Дрейка с нанесенным на них маршрутом экспедиции.

В Англии же Дрейк стал национальным героем. Поэты слагали в его честь стихи. «Люди аплодировали его удивительным приключениям и богатой добыче, — писал современник Дрейка Джон Стоу. — Его имя и слава стали известны повсюду, люди ежедневно собирались на улицах, чтобы увидеть его...»⁷¹ При дворе его звезда взошла очень высоко. Мендоса писал Филиппу II, что Дрейк «проводит много времени с королевой, у которой он в большом фаворе и которая говорит, что он сослужил ей великую службу»⁷². Дрейк подарил Елизавете корону с пятью большими бриллиантами, а на Новый год — усыпанный бриллиантами крест. «Королева сказала, — сообщал своему монарху Мендоса, — что она возведет Дрейка в рыцарское достоинство в тот день, когда придет посмотреть его корабль, который она приказала поставить у берега»⁷³. Действительно, по приказу Елизаветы «Золотая лань» стала на якорь в Темзе у Дептфорда.

4 апреля 1581 г. королева прибыла в Дептфорд. «Золотая лань», отремонтированная и свежеекрашенная, стояла расцвеченная флагами. Для прохода на корабль с берега был построен деревянный мост. На нем скопилось столько людей, желавших быть свидетелями знаменательного события, что мост не выдержал нагрузки и рухнул в воду. К счастью, никто не пострадал, и к приезду королевы все было восстановлено. Елизавета прибыла на корабль в сопровождении де Маршомона, представителя герцога Алансонского, брата короля Франции. Он должен был начать переговоры о женитьбе герцога на английской королеве. 48-летняя Елизавета, казалось, всерьез решила положить конец своему затянувшемуся девичеству. Мендоса с большой тревогой сообщает об этом Филиппу. Еще бы, ведь герцог Алансонский претендовал на нидерландский престол. Брак с ним Елизаветы — прямой вызов Испании. Но Филиппа новая матримониальная затея «королевы-девственницы» особенно не беспокоила. Он был уверен, что это очередной ее ход в политической игре, что она сама, когда ей это будет нужно, прервет брачные переговоры. Но в день посещения «Золотой лани» Елизавета всячески подчеркивала посланцу жениха свое расположение. Герцог должен был вскоре прибыть в Лондон, сопровождаемый почетным эскортом из 200 французских дворян. Трубили трубы, раздавалась барабанная дробь. Дрейк склонил колено перед королевой. Елизавета, держа меч, пошутила, что король Филипп требует от нее возвращения привезенных Дрейком богатств вместе с головой пирата. Сейчас в ее руках золоченый меч, чтобы казнить Дрейка. Обратившись затем к де Маршомону, она отдала ему меч и попросила продолжить церемонию. Де Маршомон возложил меч на плечо Дрейка. Королева обдумала и это. Церемония теперь как бы символизировала англо-французское содружество против Испании, ведь королева вместе с представителем французского королевского дома возвеличивала человека, нанесшего ощутимый удар испанскому монарху. Так Дрейк был возведен в рыцарское достоинство. В елизаветинские времена это была очень большая награда. В Англии было всего 300 человек, носивших это звание. Выше их были лишь 60 пэров.

Даже могущественный государственный секретарь Уолсингем до конца жизни не удостоился такой чести.

Королева объявила также, что отныне «Золотая лань» как символ славы нации навечно станет в специально построенном доке. Затем был устроен такой роскошный банкет, какого в Англии не было со времен Генриха VIII.

Имея в виду предстоящее замужество Елизаветы с герцогом Алансонским, которого та любила называть «моя лягушка», Дрейк подарил королеве инкрустированную бриллиантами золотую лягушку, что было встречено доброжелательным смехом. Королева в свою очередь подарила Дрейку свой портрет-миниатюру, украшенный драгоценными камнями, и шарф из зеленого шелка, на котором из конца в конец было вышито золотом: «Пусть милосердие ведет и защищает тебя до конца дней».

Позднее королева сделала Дрейку более существенный подарок: патент на землевладение в Девоншире и других местах страны «для него и его наследников» за заслуги «Фрэнсиса Дрейка, рыцаря, обошедшего земной шар с востока на запад и открывшего в южной части мира много неизвестных мест»⁷⁴. На следующий Новый год Елизавета подарила Дрейку серебряный кубок с выгравированным изображением его корабля. Сама же «Золотая лань» очень долго стояла в Дептфорде. Шекспир упоминает, что гуляющие в праздничные дни лондонцы любили посещать этот корабль.

Потом о судне забыли. Оно обветшало, охотники за сувенирами растащили деревянные части корабля. Из них изготовлялась различная утварь. До нашего времени сохранились лишь стол и кресло.

Рыцарское звание обязывало Дрейка иметь свой «замок». И Дрейк купил небольшое поместье в Букленде, расположенное в шести милях от фермы, где он родился.

Дрейк зажил жизнью помещика, энергично занимаясь сельским хозяйством. Мэри была счастлива: никогда на протяжении ее 12-летнего замужества ее муж не находился дома столь длительное время.

Но счастье длилось недолго. В январе 1583 г. Мэри умерла. Дрейка тогда не было дома. Он был в Лондоне у коро-

левы, которой преподнес очередной новогодний подарок. На этот раз это была золотая солонка, сделанная в виде земного шара, покоящегося на спинах двух обнаженных мужчин. На верху земного шара располагалась фигура женщины, державшей горн. Дрейк всегда делал королеве необычные подарки. В 1587 г., например, он подарил ей усыпанный бриллиантами веер из красных и белых перьев, который, когда его раскрывали, обнаруживал ее портрет.

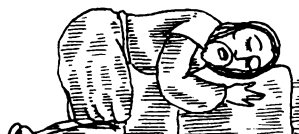
В то время Дрейк был не только помещиком. Он был избран мэром Плимута, назначен инспектором королевской комиссии по проверке состояния военного флота, а в 1584 г. стал членом палаты общин английского парламента.

В феврале 1585 г. Дрейк вторично женился. На этот раз его женой стала девушка не из низшего сословия, как Мэри Ньюмен, а представительница знатного и богатого английского семейства Соммерсетов, единственная дочь сэра Джорджа Сиденгема, 20-летняя красавица Елизавета.

Последним эпизодом, связанным с кругосветным плаванием, был судебный процесс против Дрейка, начатый Джоном Доути, братом казненного им капитана. Не добившись ничего через суд, Доути вошел в сговор с пострадавшими от Дрейка испанскими купцами, замышляя его убийство. Это было раскрыто, Доути был арестован. В ходе дознания выяснилось, что Филипп II обещал 20 тыс. дукатов тому, кто выкрадет Дрейка и доставит в Мадрид или хотя бы пришлет в Эскуриал его голову. Именно это и намеревался сделать Джон Доути. Несмотря на поддержку всесильного канцлера лорда Берли, он был заключен в тюрьму.

Внешне жизнь Дрейка в первые пять лет после возвращения из кругосветного плавания шла размеренно и спокойно: управление своими поместьями, обязанности мэра Плимута, поездки в Лондон ко двору королевы, несложная деятельность члена палаты общин английского парламента. На самом деле это было не так.

За день до возведения Дрейка в рыцарское звание, 3 апреля 1581 г., Уолсингем представил королеве на рассмотрение два альтернативных плана морских экспедиций, направленных против Испании.

Первый план был назван Уолсингемом «первым предприятием», второй — «вторым предприятием». «Первое предприятие» предусматривало отправку восьми кораблей и шести пиннас с тысячей матросов и солдат на Азорские острова для создания на Терсейре своего рода «пиратского королевства» под эгидой неудачливого претендента на португальский престол дона Антонио, внебрачного сына младшего брата испанского короля Жуана III, который был дедом бездетного португальского короля Себастьяна. Смерть последнего и вызвала борьбу за португальскую корону между доном Антонио и Филиппом II.

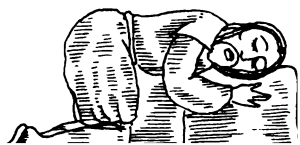
Находившийся в изгнании во Франции после захвата герцогом Альбой Лиссабона дон Антонио сохранял еще власть над Азорскими островами. Уолсингем и хотел, воспользовавшись этим, обосноваться в столь стратегически важном месте. Английский флот получил бы прекрасную базу для нападения на испанский флот, перевозивший драгоценности Америки в Севилью. В плане Уолсингема Дрейку отводилось центральное место командующего всей экспедицией.

«Второе предприятие» предусматривало организацию экспедиции в Каликут для того, чтобы, с одной стороны, не допустить захвата Испанией португальских колоний в Азии, а с другой — обеспечить торговлю с ними английских купцов. Эта операция также должна была осуществляться в интересах дона Антонио.

Королева выбрала первый вариант, но сказала, что разрешит начать «предприятие» лишь в том случае, если в нем примет участие Франция. Темпераментный дон Антонио через своего представителя в Лондоне торопил английское правительство с началом экспедиции. В обеспечение займов, которые надо было сделать для финансирования экспедиции, он даже передал Уолсингему крупный бриллиант. Приготовления к экспедиции, которыми руководили Дрейк и Хокинс, шли полным ходом. Все должно было быть закончено в июне 1581 г. В конце июня дон Антонио прибыл в Лондон. 1 июля он был принят королевой. Дон Антонио просил послать на Азорские острова как можно более мощный флот. Елизавета же, в обычной для себя манере,

осторожничала, стараясь обеспечить себе сильного союзника в этом чреватом опасностями деле. Она послала Уолсингема в Париж для того, чтобы тот сумел втянуть в «предприятие» Францию.

Но время шло, а вести от государственного секретаря приходили неутешительные. Франция не желала участвовать в экспедиции против Испании. К тому же были получены сообщения, что испанский флот с американскими сокровищами уже достиг родных берегов, а Терсейра была захвачена войсками короля Филиппа. 18 августа лорд Берли писал Уолсингему в Париж: «Все эти сообщения... заставили ее величество воздержаться от отправки экспедиции... ее вчерашний ответ дону Антонио был таков, что подготовка к плаванью будет продолжаться, но корабли не покинут порт до вечера, т. е. до того времени, когда она надеется что-нибудь от Вас услышать»⁷⁵. Но ожидавшегося сообщения от Уолсингема не поступило. Франция продолжала отказываться от участия в экспедиции. Тогда королева предложила компромиссный план: послать два или три корабля к Азорским островам, чтобы спровоцировать местное население к выступлениям против испанцев, а весной следующего года направить туда морскую экспедицию. За это время, полагала она, удастся склонить Францию к военному союзу против Испании. Дрейк и Хокинс передали это предложение Елизаветы дону Антонио. Но последний не хотел ничего слышать. Он рассматривал предложение королевы как уловку, как попытку уйти от осуществления экспедиции. Дон Антонио заявил, что прекращает всякие переговоры с Елизаветой, и потребовал назад свой бриллиант, переданный Уолсингему. 24 августа 1581 г. лорд Берли писал Уолсингему: «Сегодня дон Антонио потребовал от королевы возвращения бриллианта и хотел послать за ним своего человека к Вашей жене; но я думаю, что ответ Вашей жены должен быть такой, что бриллиант был оставлен ей Вами и она может вернуть его без Вашего разрешения только в том случае, если будут уплачены деньги, которые были затрачены на подготовку экспедиции»⁷⁶. Отвечая лорду Берли 28 августа, Уолсингем полностью его поддержал. Бриллиант не был возвращен дону Антонио,

так как тот отказался возместить расходы по подготовке экспедиции. Судьба бриллианта была сложна. Многократно переходил он из рук в руки, пока наконец не оказался в сокровищнице русских царей.

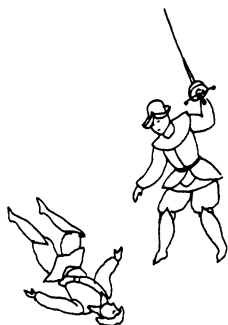
Разгневанный дон Антонио вернулся во Францию, где, набрав добровольцев во главе с Ф. Строцци, поплыл в 1582 г. к Азорским островам. Испанцы под командованием маркиза де Санта-Круз разгромили флотилию дона Антонио. Строцци был убит, а сам дон Антонио хотя и спасся, но потерял все деньги и драгоценности. Никто в Англии больше о нем не вспоминал.

Тогда решили осуществить «второе предприятие». По совету графа Лестера, Дрейк отказался от участия в этом деле, только предоставил в распоряжение будущей экспедиции свой барк «Фрэнсис». Руководителем экспедиции был назначен Эдвард Фентон. Командование «Фрэнсисом» было поручено Джону Дрейку. В состав экспедиции, кроме небольшого «Фрэнсиса» (40 тонн), вошли «Медведь» (400 тонн), «Эдвард Бонавентура» (300 тонн) и «Елизавета» (50 тонн). Фентон получил от правительства инструкции ни в коем случае не ввязываться в сражения с испанскими кораблями и идти к Молуккским островам только через мыс Доброй Надежды. Проход через Магелланов пролив мог быть использован только при чрезвычайных обстоятельствах. Чтобы подчеркнуть мирный характер экспедиции, в ней приняли участие купцы, а также плотники и каменщики, взятые для сооружения торговых факторий в заморских землях.

Когда началось плавание, неблагоприятные ветры погнали корабли к берегам Америки, т.е. сложилась именно та чрезвычайная обстановка, которая разрешала Фентону использовать Магелланов пролив для прохода в Тихий океан. У берегов Южной Америки Фентон захватил испанский корабль, от команды которого узнал, что испанская колониальная администрация начала строить военные укрепления в Магеллановом проливе, чтобы воспрепятствовать проходу по нему чужеземным кораблям. Фентону стало известно также, что была налажена связь между районом Ла-Платы и Перу, благодаря чему вице-король мог

быстро узнать о появлении вражеских кораблей у Атлантического побережья испанской Америки. Эти сведения так напугали Фентона, что он решил прекратить дальнейшее плавание и возвратиться в Англию. Джон Дрейк самовольно повел свой корабль к бразильским берегам. О том, чем это кончилось, говорилось выше. «Второе предприятие» Уолсингема, таким образом, тоже потерпело неудачу.

Однако «партия войны» при английском дворе не собиралась складывать оружие. Политическая обстановка в Европе накалялась. В голове Уолсингема зрели новые планы нападения на Испанию, главным исполнителем которых по-прежнему оставался Фрэнсис Дрейк.

Глава третья Гибель «Непобедимой армады»

|

В 1571 г. в морском сражении в заливе Лепанто испанско-венецианский флот нанес поражение турецкому флоту, уничтожив практически все морские силы Османской империи. Господство Турции в Средиземном море было подорвано. Позиции Испании в этом районе значительно укрепились. Но к западу от Геркулесовых столбов положение осложнилось. Близилась битва за господство в Атлантическом океане между рвущейся к заокеанским землям английской и нидерландской буржуазии и Испанией, претендующей теперь и на владения португальской колониальной империи. Готовясь к решающим сражениям, Филипп II прежде всего заботился об увеличении флота. Еще в 1584 г. Луис де Рекесенс, главнокомандующий войсками Кастилии, писал ему: «Мы сможем победить в войне только в том случае, если ваше величество станет хозяином моря»¹. Внешнеполитические дела также на первый взгляд складывались благоприятно для Испании.

Казалось, шел к успешному завершению заговор на жизнь Елизаветы. В Нидерландах герцог Парма продолжал подавлять антииспанское восстание, захватив главные

города на юге страны. В июле 1584 г. в Делфте был убит Вильгельм Молчаливый. Во Франции смерть от лихорадки герцога Алансонского еще более укрепила позиции герцога де Гиза в борьбе с протестантом Генрихом Наваррским, новым претендентом на французский престол.

Но заговор на жизнь Елизаветы был раскрыт. Высланный из страны Мендоса (он стал последним при жизни Елизаветы испанским послом в Лондоне) угрожал: «Поскольку я, очевидно, не устраиваю ее величество как посол мира, то это вынуждает меня постараться оправдаться перед ней в будущей войне»². В этой сложной обстановке Елизавета решила созвать новый парламент. Перед открытием сессии Дрейк был вызван на заседание Тайного совета королевы. Его познакомили с планом экспедиции на Молуккские острова и предложили ее возглавить. Опять был создан «синдикат», финансировавший это предприятие, в состав которого вошли королева, Лестер, семья Хокинсов, Рэли, Хеттон и Дрейк. Общий капитал составил 40 тыс. ф. ст. Экспедиция должна была иметь чисто военный характер. Используя опыт Дрейка, приобретенный им во время кругосветного плавания, предполагалось нанести удар по Молуккским островам, расположенным вдали от главных испанских колониальных центров. Приготовления к плаванию начались немедленно и шли на протяжении всей сессии парламента.

Однако, когда корабли были уже готовы выйти в море, политическая ситуация резко изменилась. Урожай в Испании в 1585 г. был плохой. Над Галисией и Андалузией нависла угроза голода. Филипп обратился к английским купцам, предлагая им послать корабли с английской пшеницей в Испанию. Он обещал англичанам привилегии, давая возможность их судам после выгрузки пшеницы свободно заходить в любой испанский порт. Конечно, такая любезность Филиппа в отношении английских торговцев была подозрительна. Но дельцов лондонского Сити, увлеченных возможностью хорошо заработать, это не насторожило. Большое число судов, груженных пшеницей, направилось в Испанию. Назад они не вернулись. Все английские корабли, пришедшие в испанские порты,

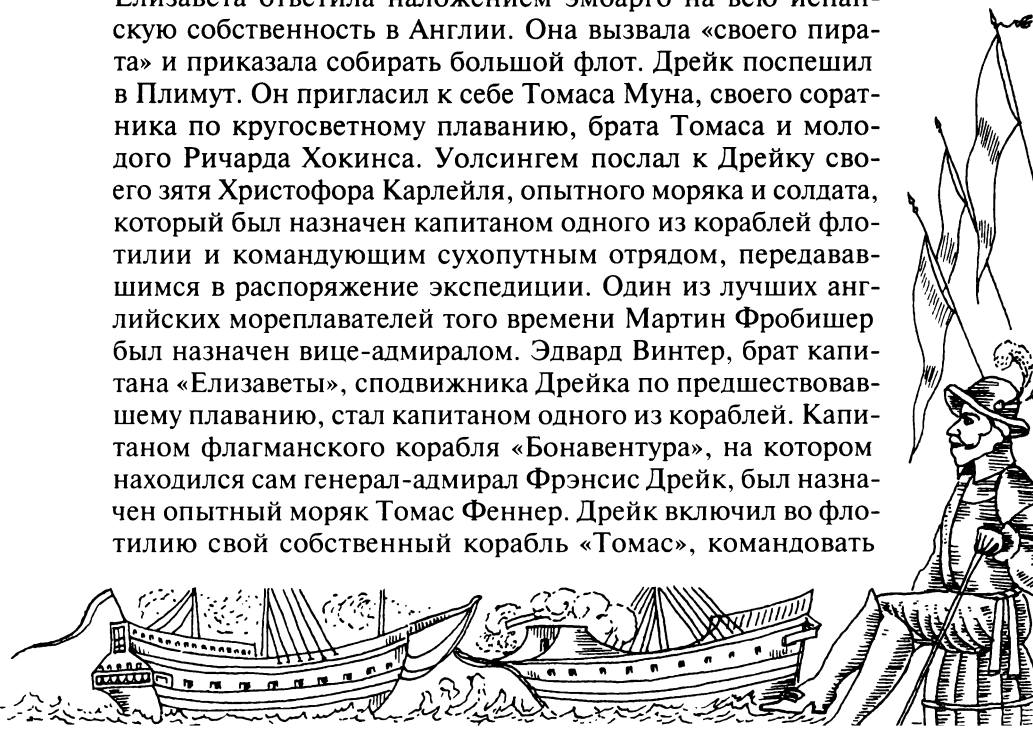
по приказу Филиппа были захвачены, груз их конфискован, а команды посажены в тюрьмы.

Лишь одному английскому судну «Примроз» удалось избежать испанского плена. 8 июня корабль вошел в лондонский порт. Англия узнала о случившемся. Оказывается, 24 мая корабль пришел в залив Бильбао и два дня дожидался выгрузки. 26 мая к кораблю подошла испанская пиннаса, на которой находились испанский чиновник и шесть мужчин, назвавшихся местными торговцами. Они вели себя очень дружески. Хозяин «Примроз» Фостер пригласил всех семерых на завтрак. Завтрак был очень обильный, и испанцы воздали ему должное. Но вскоре чиновник и трое других из этой компании встали из-за стола и покинули корабль, сославшись на какое-то срочное дело на берегу. То, что гости так быстро покинули уставленный яствами стол, показалось подозрительным опытному Фостеру. Поэтому, проводив гостей, он не сразу вернулся в каюту, а обошел команду, состоявшую из 27 человек, и приказал им быть готовыми к неожиданному нападению. После этого он вернулся в каюту и продолжал разыгрывать роль гостеприимного хозяина перед оставшимися тремя испанцами.

Вскоре ему сообщили, что испанский чиновник вернулся на большом судне с 70 людьми, одетыми как местные купцы. Их сопровождала шлюпка, в которой находились еще 24 человека. Фостер пригласил чиновника и с ним еще четырех человек войти на палубу «Примроз», а остальных просил остаться на месте. Чиновник согласился, но не успел он договорить фразы, как «купцы», оказавшиеся переодетыми солдатами, схватили находившиеся на дне шлюпки шпаги и бросились на палубу английского корабля. Вслед за ними на корабль поднялись уже знакомый Фостеру чиновник и какой-то, по-видимому, важный человек, заявивший Фостеру: «Теперь вы пленник короля». «Нас предали», — вскричал Фостер. Экипаж, заранее предупрежденный своим хозяином и хорошо вооружившийся, принял возглас Фостера за сигнал к нападению на испанцев. Англичане начали палить из мушкетов, в ход пошли и три небольшие пушки, спрятанные на палубе. Немногим испанцам удалось вернуться на берег. Несколько из них

были захвачены англичанами. Среди них был и знакомый англичанам чиновник, оказавшийся высокопоставленным лицом Бискайской провинции. Он заявил, что действовал по приказу короля, и показал Фостеру письмо Филиппа II, в котором говорилось: «Я поручил привести в готовность огромный флот в гавани Лиссабона и у Севильи. Все необходимое для солдат: вооружение, продовольствие и амуниция — должно быть собрано и в больших количествах... Поэтому я требую от Вас по получении этого письма останавливать и арестовывать все суда, которые будут появляться у берегов или заходить в порты вверенной Вам провинции...»³

Реакция в Англии была мгновенной. До того времени Филипп мог рассчитывать на поддержку части влиятельных дельцов лондонского Сити, имевших большое влияние на политику английского правительства. Эти люди сдерживали «партию войны» от прямого выступления против Испании, так как были заинтересованы в торговле с пиренейскими монархиями. Но в день, когда «Примроз» вошел в лондонский порт, Филипп утратил их поддержку. Даже лорд Берли был возмущен. Видя всеобщее единодушие, Елизавета ответила наложением эмбарго на всю испанскую собственность в Англии. Она вызвала «своего пирата» и приказала собирать большой флот. Дрейк поспешил в Плимут. Он пригласил к себе Томаса Муна, своего соратника по кругосветному плаванию, брата Томаса и молодого Ричарда Хокинса. Уолсингем послал к Дрейку своего зятя Христофора Карлейля, опытного моряка и солдата, который был назначен капитаном одного из кораблей флотилии и командующим сухопутным отрядом, передававшимся в распоряжение экспедиции. Один из лучших английских мореплавателей того времени Мартин Фробишер был назначен вице-адмиралом. Эдвард Винтер, брат капитана «Елизаветы», сподвижника Дрейка по предшествовавшему плаванию, стал капитаном одного из кораблей. Капитаном флагманского корабля «Бонавентура», на котором находился сам генерал-адмирал Фрэнсис Дрейк, был назначен опытный моряк Томас Феннер. Дрейк включил во флотилию свой собственный корабль «Томас», командовать

которым назначил брата Томаса. Кузен королевы Фрэнсис Ноллис, получивший чин контр-адмирала, командовал кораблем «Галион Лестера».

Всего было собрано 21 судно. Укомплектовать их командами, вооружить, оснастить, запастись провиантом на длительное плавание было делом нелегким. А надо было спешить. И не только чтобы застать Филиппа врасплох, но и для того, чтобы не дать возможности королеве, после столь обычных для нее колебаний, отменить экспедицию. «От плавания Дрейка, — писал Уолсингем Лестеру, — зависит жизни и смерть нашего дела». Даже Берли проявлял нетерпение и на письмо Дрейка из Плимута отвечал, что хотел бы получить от него известия из испанского порта. Дрейк все понимал и спешил изо всех сил.

Королева передала экспедиции два военных корабля, отряд пехотинцев, но денег не дала. Финансирование плавания взяли на себя Дрейк, Уолсингем, Лестер, Берли и купцы Сити.

Подготовка экспедиции шла к концу, когда к Дрейку прибыл человек, которого он меньше всего ожидал. Это был Филипп Сидней, блестящий молодой человек, любимец двора, новый фаворит «королевы-девственницы». Он объявил Дрейку, что хочет принять участие в экспедиции в качестве волонтера. Сидней не сомневался в соглашении адмирала: он был племянником графа Лестера, одного из главных «пайщиков» нового предприятия Дрейка. В Плимут же Сиднея привело следующее. Он договорился со своим дядей, что примет участие в намечавшейся под его командованием высадке английских добровольцев в Нидерландах для помощи сражавшимся против герцога Пармы голландцам. Но королева не разрешила. Она не желала подвергать опасностям своего юного фаворита и приказала ему оставаться при дворе. Обиженный, он упаковал свои баулы и направился к Дрейку, страстно желая проявить себя, приняв участие в плавании знаменитого адмирала. Королева ничего не знала о его бегстве.

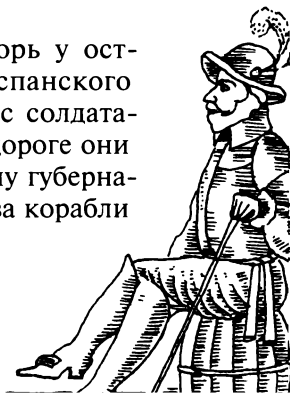
Дрейк сразу оценил ситуацию. Королева будет взбешена, когда узнает о поступке Сиднея. Она никогда не поверит, что Дрейк не был в сговоре с Сиднеем. Она может отменить

экспедицию, а самого адмирала, несмотря на его прошлые заслуги, на долгие годы засадить в Тауэр. Дрейк реагировал немедленно. В ту же ночь его гонец мчался в Лондон с письмами к Уолсингему и Берли (Филипп Сидней также приходился зятем государственному секретарю). Ответ королевы не заставил себя ждать. Ее посланец привез три письма. Одно — для Дрейка, запрещавшее ему брать в плавание Сиднея, другое — Сиднею, приказывавшее ему явиться в Лондон, и третье — мэру Плимута с приказом арестовать молодого человека, если тот не послушается. Дрейк облегченно вздохнул, когда красавец Сидней отбыл с корабля. Теперь уж Дрейк решил не медлить с отплытием. Мало ли что еще может случиться! В большой спешке на кораблях были погружены припасы; баки с водой были залиты лишь наполовину. 14 сентября 1585 г. флотилия Дрейка покинула Плимут. На кораблях находились 2300 солдат и матросов. Никогда еще Дрейк не командовал столь большим флотом. Корабли быстро шли на юг. Попутный ветер туго надувал паруса.

Войны и в те далекие времена не всегда объявлялись. Вот и сейчас, хотя объявления войны не поступило ни от одной из враждующих сторон, это не мешало ни Испании, ни Англии действовать вполне по-военному.

Подходя к берегам Испании, Дрейк встретил французский корабль с грузом соли. Судно так понравилось адмиралу, что он, назвав его «Дрейк», включил в свою флотилию, пообещав французам выплатить компенсацию по возвращении из плавания, что он, кстати сказать, выполнил. Затем был захвачен испанский корабль с грузом ньюфаундлендской рыбы, известной в Англии под названием «Бедный Джон» и очень нравившейся англичанам. Добыча была разделена между командами судов флотилии, а захваченный корабль отпущен.

27 сентября флотилия Дрейка бросила якорь у острова Байона, расположенного недалеко от испанского порта Виго. Дрейк послал несколько пиннас с солдатами под командованием Карлейля к берегу. По дороге они встретили лодку с английским купцом, которому губернатор острова Педро Ромеро поручил узнать, что за корабли

появились в гавани. Купец был отослан назад в сопровождении Семпсона, одного из пехотных офицеров, входивших в состав экспедиции. Когда Семпсон предстал перед губернатором, то сразу же спросил его: «Объявлена ли война между Испанией и Англией?» Губернатор ответил, что нет. Тогда Семпсон задал второй вопрос: «Почему же в таком случае испанские власти удерживают в своих портах английские суда и арестовывают их команды?». Губернатор ответил, что это делалось по приказу короля, но что еще неделю назад все английские корабли были отпущены и остались лишь те, которые хотели продолжать торговые операции с испанцами. В подтверждение своих слов он просил английских купцов, находившихся на острове, посетить Дрейка и сказать ему об этом. Но адмирал удовлетворился объяснениями и приказал высадить на остров солдат. Губернатор же, проявляя любезность, выслал солдатам хлеба, вина, фруктов и сладостей.

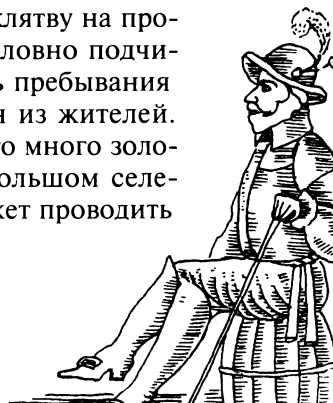
Между тем погода портилась, надвигался шторм. Солдаты поспешили вернуться на корабли. Среди ночи разразилась сильная буря, продолжавшаяся три дня. Когда буря стихла, Карлейль на своем корабле «Тигр», сопровождаемом тремя пиннасами, был послан Дрейком в Виго. Прибыв в город, Карлейль увидел, что жители покинули его, испугавшись слухов о появлении Дрейка. Англичане не теряли времени даром и, вернувшись на корабли, привезли добычу в 30 тыс. дукатов, в том числе большой серебряный с позолотой крест из кафедрального собора Виго.

Узнав, что в городской тюрьме находятся арестованные английские матросы, Дрейк послал туда Семпсона с солдатами. Семпсон не только освободил англичан, но и захватил добра еще на несколько тысяч дукатов.

Пробыв неделю в Виго, Дрейк направился дальше, к Канарским островам. Он хотел остановиться на острове Пальма, чтобы дать отдохнуть экипажу и пополнить запасы воды и продовольствия. Но при приближении к берегу английские суда были обстреляны береговой артиллерией. Дрейк решил идти не останавливаясь к островам Зеленого Мыса. Он надеялся перехватить испанский флот, перевозивший драгоценности из Америки, но не успел. 8

октября флот уже прибыл на родину. Вечером 16 ноября английская флотилия подошла к одному из островов Зеленого Мыса — Сантьягу. Находившийся на острове город с тем же названием лежал в долине, окруженной холмами, на которых были расположены укрепленные форты. Дрейк приказал Карлейлю с отрядом в тысячу человек на следующий день высадиться на берег и захватить город. Карлейль начал операцию по всем правилам военной науки. Но когда его люди подошли к фортам, то не увидели ни одного человека. Не было жителей и в самом городе. Не было их и в соседних селениях. 17 ноября был день коронации Елизаветы, и Карлейль решил отметить этот праздник салютом из батарей, находившихся в захваченных фортах. Услышав орудийные выстрелы и правильно поняв их причину, Дрейк приказал ответить салютом корабельной артиллерии. Под гром орудий англичане высадились на берег и вошли в опустевший город. Удалось отыскать только одного жителя. Он сказал, что пять лет назад Сантьягу был разрушен французскими пиратами, и поэтому, когда показались корабли неизвестной флотилии, жители в панике покинули город и вместе с губернатором и епископом укрылись в горах в небольшом городке Сан-Доминго. Дрейк отправился туда, взяв двести солдат. Пройдя двенадцать миль, англичане увидели Сан-Доминго, но городок был безлюден. Дрейк ждал до вечера. Никто из жителей не появился.

Предав Сан-Доминго огню, Дрейк вернулся в Сантьягу. Во время обратного марша никто не напал на отряд Дрейка. Лишь один юнга, сбившись в темноте с пути, был захвачен и зверски убит местными жителями. Это решило судьбу Сантьягу. Город был сожжен дотла. Англичане искали золото, но безуспешно. Вина же было найдено с избытком. Дрейк заметил очевидное падение дисциплины. Тогда он собрал всех своих людей и заставил их дать клятву на протяжении всего дальнейшего пути беспрекословно подчиняться ему и его офицерам. На шестой день пребывания англичан на острове в город вернулся один из жителей. На вопрос Дрейка, где золото, он ответил, что много золота находится на скале в Порто-Прайа, небольшом селении к востоку от Сантьягу, и сказал, что может проводить

туда англичан. Но побывавший в селении Семпсон золота не нашел. Дрейк приказал сжечь и Порто-Прайа. Утром 26 ноября английская флотилия покинула острова Зеленого Мыса и направилась в испанскую Вест-Индию.

Погода продолжала благоприятствовать плаванию. Корабли шли быстро, разрезая золотисто-зеленые волны тропического моря. Матросы и солдаты благодужествовали. На восьмой день плавания внезапно умер один из солдат. Тропическая лихорадка, «Желтый Джек», как называли ее моряки, подхваченная людьми Дрейка на островах Зеленого Мыса, мстила за сожженные города. В течение короткого времени умерли двести человек.

На восемнадцатый день после выхода из Сантьягу англичане достигли острова Доминика. Островитяне радушно встретили флотилию. Они угощали матросов и солдат белым хлебом и табаком, говоря, что последний очень помогает при лихорадке. Дрейк пополнил запасы воды и продовольствия на кораблях и, не доверяя местным жителям, покинул остров, держа курс на север. В тот же день корабли подошли к маленькому необитаемому островку Сан-Киттс. Там Дрейк решил дать отдых экипажам судов. То ли усиленное курение табака, то ли свежая пища, фрукты и прекрасный воздух сделали свое дело, но лихорадка прекратилась так же внезапно, как и началась. Люди поправлялись, вновь обретая бодрость духа и уверенность в себе.

На острове Сан-Киттс англичане отпраздновали Рождество. Дрейк, видя, что его люди восстановили силы, решил, что настало время действовать. В своей каюте на флагманском корабле он собрал военный совет, на котором присутствовали Мартин Фробишер, Фрэнсис Ноллис, Карлейль и капитаны всех судов флотилии. Адмирал объявил им план дальнейших операций. Он решил напасть на богатейший остров Вест-Индии — Эспаньолу и захватить столицу американской империи Филиппа — Санто-Доминго.

Это был прекрасный город, построенный из мрамора и белого камня. В центре его находился огромный, роскошно украшенный собор с гробницей Христофора Колумба. Санто-Доминго имел внешнюю и внутреннюю гавани. Это был центр вест-индской торговли — город, где сосре-

доточивались фантастические богатства. Никто из пиратов, говорил Дрейк, еще не грабил Санто-Доминго, боясь мощных укреплений, окружавших город. Но он это сделает в первый день нового, 1580 года во славу Божью и в прославление своей королевы.

Помня опыт прошлых своих операций в Вест-Индии, Дрейк решил прежде всего возобновить дружественные отношения с маронами. Для этого он послал часть кораблей своей флотилии под командованием Фробишера к берегу. Там Фробишер тайно высадил несколько человек, а сам направился к городу и три дня демонстративно плавал на виду у жителей Санто-Доминго. Через три дня его посланцы вернулись, принеся хорошие вести. Они установили связь с маронами. Те обещали свою помощь. В ночь, когда Дрейк будет высаживаться, они обещали уничтожить всех испанских солдат, находящихся в сторожевых башнях на берегу.

Дрейк тоже не бездействовал в это время. Недалеко от Санто-Доминго он захватил небольшой торговый корабль. Капитан захваченного судна, грек по национальности, подробно рассказал адмиралу о подходах к городу, об укреплениях и вооружении, о наиболее уязвимых местах для нападения со стороны моря. В частности, он сказал, что берег охраняется солдатами в сторожевых башнях, которых посылали туда ежедневно из крепости, расположенной на холме в окрестностях города. Эта крепость и являлась центром обороны Санто-Доминго.

В шесть часов утра 1 января 1586 г. Дрейк начал операцию. Его корабли подошли к городу и остановились на таком расстоянии от него, чтобы до них не могли долететь ядра крепостной артиллерии. Испанцы ждали немедленной фронтальной атаки. Но Дрейк ничего не предпринимал. С наступлением темноты он погрузил тысячу солдат на пиннасы и шлюпки и сам вместе с Карлейлем повел их к берегу. Береговая стража, как обещали мароны, была перебита так тихо и незаметно, что никто в городе об этом не узнал. Отряд беспрепятственно высадился на берег. Дрейк, передав командование Карлейлю, вернулся на свой корабль, приказав начать наступление на город в восемь часов утра следующего дня.

Ночь прошла спокойно. Утром Дрейк приказал кораблям подойти ближе к городу и начать его бомбардировку. Действуя таким образом, он отвлек внимание горожан от отряда Карлейля. Это дало тому возможность неожиданно подойти к северным воротам Санто-Доминго. После ожесточенной схватки Карлейлю удалось ворваться в город. Выйдя на рыночную площадь, он поднял на городской ратуше флаг св. Георга в знак победы. Но до полной победы было еще далеко. Большая часть города, в том числе крепость, продолжала оставаться в руках испанцев.

Отряду Карлейля было не под силу овладеть таким большим городом, как Санто-Доминго.

Дрейк высадился на следующий день, имея с собой тяжелую артиллерию, захваченную им еще в фортах Сантьягу. Но гарнизон Санто-Доминго продолжал оказывать сильное сопротивление. Тогда Дрейк послал к испанцам своего парламентера, избрав для этого юношу-негра. Один из испанских офицеров, увидев парламентера Дрейка и оскорбившись тем, что им оказался негр, тяжело ранил юношу. Тот с большим трудом вернулся назад и замертво упал к ногам адмирала. Дрейк тут же приказал повесить двух пленных испанцев и послал нового гонца передать испанцам, что до тех пор, пока в его руки не будет передан убийца парламентера, он будет ежедневно вешать по два пленных испанца. На следующий день испанский офицер, убивший парламентера, был передан Дрейку. Но теперь адмирал не стал казнить офицера сам, а заставил испанцев повесить его на глазах у англичан.

Переговоры Дрейка с властями Санто-Доминго об уплате денежной контрибуции затягивались. Желая форсировать события, Дрейк начал планомерное разрушение города. Он сжигал квартал за кварталом, но дома в Санто-Доминго были построены прочно. Прошел месяц, а две трети города было еще цело. К своему великому разочарованию англичане не нашли в Санто-Доминго большого количества драгоценностей. Жители успели их поспрятать на своих загородных виллах. И вообще у Дрейка было неправильное представление о Санто-Доминго. Эспаньола была тогда уже не центром добычи драгоценных метал-

лов, а главным производителем сахара. Серебряные рудники были заброшены из-за отсутствия рабочих рук. В ходу были медные монеты. Санто-Доминго жил за счет экспорта сахара, а также имбиря и кожи.

Видя, что он не сможет получить с испанцев требуемой суммы, и не желая дальше терять времени, Дрейк решил удовольствоваться полученными 25 тыс. дукатов. Он наполнил трюмы своих судов запасами продовольствия и воды, захватил стоявший в порту большой испанский галион, а также 240 крепостных пушек и направился к Картахене.

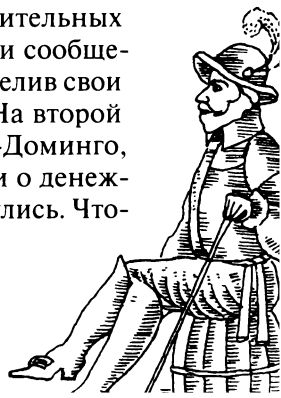
Губернатор Картахены, предупрежденный о появлении Дрейка, спешно готовил город к обороне. Он усилил артиллерию крепости, поставил во внутренней гавани две галеры с двумя сотнями аркебузников. Кроме регулярных войск, губернатор вооружил 600 испанцев (жителей города), 400 индейцев и 40 негров.

Дрейк появился у Картахены 9 февраля. Потери в людях у него были значительны. Кроме убитых в сражениях, многие умерли от болезней. Болезни не оставляли экспедицию. Во время плавания к Картахене на кораблях каждый день совершались похоронные обряды. Это заставляло Дрейка спешить с проведением своей экспедиции.

Когда английская флотилия подошла к Картахене, испанцы увидели, что все ее корабли были декорированы черным, люди тоже были одеты в черные платья. Впрочем, это был не траур по погибшим, а сигнал маронам. Те его увидели и приняли.

Английская флотилия остановилась в миле от внутренней гавани. Вечером Дрейк высадил пехоту на берег. Одновременно он послал Фробишера на пиннасах захватить форт, прикрывавший вход во внутреннюю гавань.

В это время два рыбака-марона подплыли к флагманскому кораблю. Они рассказали Дрейку об оборонительных укреплениях испанцев на берегу. Используя эти сообщения, Дрейк наметил план захвата Картахены. Разделив свои основные силы на три группы, он начал атаку. На второй день боев Картахена пала. Дрейк, как и в Санто-Доминго, приступил к переговорам с городскими властями о денежной контрибуции. И на этот раз переговоры затянулись. Что-

бы ускорить заключение соглашения, Дрейк начал жечь город. Получив 110 тыс. дукатов и дополнительно 1 тыс. крон за то, что не был разрушен монастырь, находившийся в четверти мили от города, Дрейк покинул Картахену. Через несколько дней, однако, английская флотилия вернулась назад, страшно испугав этим жителей города. Но Дрейк объяснил, что возвращение связано с тем, что испанский галеон, захваченный англичанами в Санто-Доминго и названный «Новогодний подарок», дал сильную течь. На нем были ценные грузы, и Дрейку пришлось вернуться обратно, чтобы распределить их по другим судам флотилии. Через неделю Дрейк ушел из Картахены. Испанский военный флот туда прибыл только через несколько дней.

Узнав от штурмана захваченного испанского судна, что испанцы создали базу в Сан-Аугустине во Флориде, как раз в том месте, где были убиты колонисты-гугеноты, Дрейк решил наведаться туда. У берегов Флориды он обнаружил небольшой остров. Высадившись там, англичане услышали, что кто-то распевает популярную протестантскую песню «Вильгельм Нассау». Певец оказался французом, несколько лет находившимся в испанском плену. Он вызвался помочь англичанам найти Сан-Аугустин. Когда англичане пришли туда, жители успели скрыться. Маленький Сан-Аугустин постигла участь двух крупнейших городов испанской Америки — он был сожжен.

Дрейк тем не менее еще не думал возвращаться домой. Он хотел сначала посетить первое английское поселение в Америке, созданное за год до этого. В апреле 1584 г. фаворит королевы, еще один «ее пират» Уолтер Рэли, на свои средства послал два небольших корабля в Америку, поручив их капитанам Филиппу Амадасу и Артуру Бэрлоу выбрать место для колонии, назвав ее с разрешения «королевы-девушечницы» Виргинией. Капитаны выполнили поручение и, вернувшись в Англию, сказали, что нашли очень удобное для колонизации место на побережье Северной Америки. В апреле 1585 г. флотилия из семи кораблей под командованием Ричарда Гренвилла, опять-таки на средства Рэли, отправилась в указанный пункт и прибыла туда 3 июля. Гренвилл сжег находившуюся там индейскую деревню,

прогнал жителей, а затем высадил на берег 100 с лишним человек, назначив одного из них, Ральфа Лейна, губернатором новой английской колонии. Обещав вернуться в апреле следующего года, Гренвилл покинул колонистов и прибыл в Англию 6 октября 1585 г.

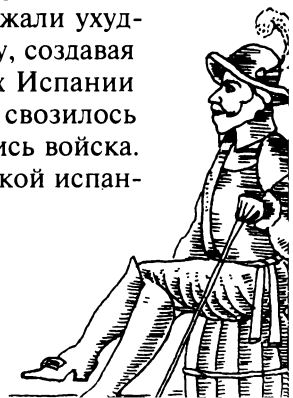
1 июня 1585 г. Дрейк пришел к месту высадки колонистов и нашел их в крайне бедственном положении. Адмирал предложил Лейну на выбор: либо возвратиться вместе с ним в Англию, либо оставить им корабль с продовольствием и пару пиннас. Колонисты выбрали последнее. Адмирал выделил колонистам судно «Дрейк», нагрузил его продовольствием и послал к берегу. Но тут разразилась сильная буря, длившаяся три дня. Корабль погиб. Дрейк предложил колонистам другое судно. Но, напуганные плохим предзнаменованием, они не захотели оставаться в Америке и попросились на корабли флотилии. Так закончилась первая попытка английской колонизации Нового Света.

Дрейк вернулся в Плимут 28 июля 1586 г. Новое плавание Дрейка в Вест-Индию было тяжелым ударом для испанцев. «Предприятие Дрейка, — писал Лестеру государственный секретарь Уолсингем, — обнаружило нынешнюю слабость короля Испании»⁴.

Филиппа II ждала еще одна неприятность. Через две недели после возвращения Дрейка в Англию был арестован Энтони Бабингтон, участник заговора Марии Стюарт, а еще через полгода была казнена и сама шотландская королева, непримиримый и опасный враг Елизаветы.

II

Восемь месяцев Дрейк пробыл дома. Все это время отношения между Англией и Испанией продолжали ухудшаться. Филипп явно готовил удар по Альбиону, создавая невиданный по размерам флот. Во всех портах Испании и Италии кипела работа. Строились корабли, свозилось вооружение и продовольствие, сосредоточивались войска. В Англии упорно говорили о прибытии гигантской испанской эскадры уже летом 1587 г.

«Партия войны» настойчиво требовала от Елизаветы решительных действий. Как всегда в подобных обстоятельствах, королева колебалась, стараясь избежать открытой войны.

Наконец Уолсингему удалось добиться от королевы согласия на организацию экспедиции, имевшей целью помешать Филиппу в подготовке нападения на Англию. Командование этой экспедицией поручалось Дрейку.

Подготовка экспедиции осуществлялась настолько секретно, что никто в Англии ничего об этом не знал, не узнали об этом и вездесущие шпионы испанского короля. В течение марта Дрейк собрал относительно небольшую, но сильную в боевом отношении флотилию. Четыре крупных корабля было получено от королевы, четыре меньших размеров — от лондонских купцов, один корабль — от адмиралтейства и четыре дали сам Дрейк и его великосветские компаньоны. Кроме того, в распоряжении экспедиции было несколько пиннас. Дрейку был передан также отряд сухопутных войск.

По инструкции королевы Дрейк должен был уничтожать испанские корабли в местах их стоянки, захватывать заготовленное для них продовольствие и делать все, что в его силах, чтобы «не дать испанскому королевскому флоту собираться вместе из нескольких портов»⁵ в главную базу Лиссабон, где суда должны были перейти под командование маркиза Санта-Круз.

Дав эти инструкции, Елизавета продолжала сомневаться и колебаться. В конце концов она послала курьера к Дрейку с новыми указаниями, в которых ему предлагалось «воздерживаться от применения силы для захода в гавани и порты испанского короля, или причинения какого-либо ущерба его городам, или совершения каких-либо других враждебных актов против этой страны»⁶.

Но, как ни спешил курьер, он не застал Дрейка в Плимуте. 2 апреля 1587 г. его флотилия вышла в море. Королевский курьер пересел на пиннасу и помчался вдогонку, но Дрейка он не нашел. Пиннаса принадлежала Хокинсам, и, конечно, было сделано все, чтобы встреча с Дрейком не состоялась. Представляется, что и сама королева не жалела об этом.

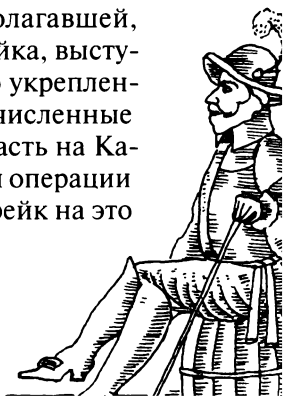
Она имела письменное свидетельство своих благих намерений в отношении Филиппа, а то, что сделает Дрейк, теперь уже будет на его ответственности.

Дрейк же пребывал в отличном настроении. Как никогда он чувствовал уверенность в успехе своего дерзкого предприятия. Это видно из его письма Уолсингему, отправленному в день отплытия. Оно начиналось так: «Ветер командует мне — иди. Наш корабль поднял паруса...»⁷

Погода опять благоприятствовала Дрейку, и 5 апреля его корабли уже подходили к испанским берегам. Но тут погода резко переменилась. Начался сильный шторм. Корабли потеряли друг друга из виду. Десять дней понадобилось Дрейку, чтобы собрать свою флотилию в Кабо-Роса, заранее определенном на тот случай месте. Там англичане встретили два корабля, идущих из Кадиса, где, как они узнали, сосредоточился большой флот, состоявший из судов, построенных или купленных для Филиппа в Италии, а также иностранных кораблей, захваченных в испанских портах. На них грузились артиллерия, продовольствие, боеприпасы. По окончании погрузки суда должны были идти в Лиссабон.

Таким образом, нападение на Кадис явилось бы прямым исполнением инструкции Елизаветы. И Дрейк поспешил туда. 19 апреля английская флотилия стояла уже у Кадиса.

Дрейк собрал на борту флагманского корабля «Бонавантура» военный совет. Он проводил его в обычной для себя манере. Терпеливо выслушал все мнения, а затем твердо сформулировал свое не подлежащее обсуждению решение: пополудни атаковать Кадис. Но тут произошла неожиданность. Присутствовавший на совете вице-адмирал Уильям Бороу, опытный и очень авторитетный в морских кругах офицер, но несколько шаблонного склада ума, посланный в экспедицию по настоянию королевы, полагавшей, что его рассудительность умерит горячность Дрейка, выступил с возражениями. Кадис, говорил он, сильно укрепленный город. Кроме того, в его гавани стоят многочисленные военные корабли, готовые к бою. Решиться напасть на Кадис можно только после тщательного обсуждения операции и подготовки детально разработанного плана. Дрейк на это

ответил, что он знает, как провести операцию, и остальным надо лишь выполнять его приказы. Бороу ничего не оставалось, как промолчать. Но раздражение его улеглось не сразу. Даже вернувшись в Лондон, он продолжал защищать свою точку зрения, добавляя, правда, что «тем не менее все прошло благополучно». Конечно, хорошо иметь до начала операции детальный план ее проведения. Но ни Дрейк, ни Бороу не были знакомы с Кадисом и его укреплениями и никаких сведений на этот счет получить не могли. Затяжные дебаты о проведении операции были бы в этих условиях формальностью, которая привела бы лишь к ненужной трате времени и потере важнейшего фактора — внезапности. Дрейк правильно решил, что в этом случае надо в значительной мере импровизировать. Он был в этом великий мастер. Интересно отметить, что другой знаменитый английский адмирал, лорд Нельсон, через 220 лет писал из того же Кадиса, находясь на борту своей «Виктории»: «Иногда приходится полагаться на случай; ни в чем нельзя быть вполне уверенным в морском сражении...»⁸

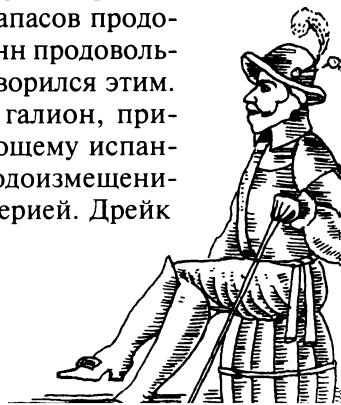
В четыре часа дня 19 апреля Дрейк повел свои суда в гавань Кадиса. Вход в гавань был с запада. В сторону моря тянулись песчаные косы, на которых находились артиллерийские батареи. Город был расположен на вершине скалы. Его защищала крепость и артиллерийские батареи, расположенные во фронтальной части гавани. Две огромные отмели прикрывали вход в гавань: одна — Лас-Пуэркас, со стороны Кадиса, а другая — Эль-Диаман, с северной стороны, напротив залива порта Святой Марии, где находился дворец герцога Медины Седонии, губернатора Кадиса. Между этими двумя отмелями был расположен проход во внешнюю гавань, и входившие в нее корабли должны были идти к якорной стоянке под наведенными на них жерлами пушек. За внешней находилась внутренняя гавань со множеством мелей и подводных скал, представлявших большую опасность для любого судна, идущего без местного лоцмана. В северо-западном углу внутренней гавани находился залив Порт-Ройял.

Когда Дрейк вошел во внешнюю гавань Кадиса, то увидел 60 судов, стоящих на якоре. На часть из них продоволь-

ствие было уже погружено, остальные еще стояли под погрузкой. Но на большинстве судов еще не было артиллерии. Со стоявших в гавани иностранных судов, захваченных ранее в испанских портах, были сняты паруса. Испанцы боялись, как бы их команды не увели корабли из Кадиса. Несколько к юго-востоку стояли небольшие барки и каравеллы.

Неожиданное появление в гавани неизвестной эскадры вызвало общее беспокойство. Две галеры были посланы навстречу, чтобы узнать национальность кораблей. Англичане встретили их огнем корабельной артиллерии, и галеры поспешили назад. Тревога охватила испанцев. Она переросла в настоящую панику, когда Дрейку удалось потопить огромный галеон водоизмещением 1000 тонн с 40 пушками на борту, полностью готовый к выходу в море. На испанских кораблях рубили якорные канаты. Некоторые небольшие суда старались спастись во внутренней гавани, но большинство, особенно те, с которых были сняты паруса, пребывали в совершенной беспомощности. Лишь десять галер под командованием Педро де Асинья попытались атаковать англичан. Они шли на корабли Дрейка, вытянувшись в линию. Дрейк приказал четырем своим судам идти наперерез испанцам. Это давало очевидное преимущество англичанам. Их корабли проходили мимо носовой части испанских судов, большинство же орудий размещалось по бортам, и англичане, таким образом, получили большой перевес в артиллерии. Галеры рассеялись. Семь из них ушли во внутреннюю гавань, в Порт-Ройял, две зашли за отмель Лас-Пуэркас, одна была сожжена.

Дрейк стал хозяином внешнего рейда. Часть своих судов он поставил на якорь среди испанских кораблей. Часть кораблей он выслал вперед, поручив им охранять вход во внутреннюю гавань. После этого Дрейк приступил к уничтожению испанских кораблей и запасов продовольствия. 30 судов было сожжено, 10 тыс. тонн продовольствия уничтожено. Однако Дрейк не удовлетворился этим. Он узнал, что во внутренней гавани стоит галеон, принадлежащий маркизу Санта-Круз, командующему испанским флотом. Это был громадный корабль водоизмещением 1200 тонн, вооруженный крупной артиллерией. Дрейк

просто не мог уйти из Кадиса, не захватив его. И он сделал это с помощью следующего маневра. Не сообщив никому, Дрейк перешел с флагманского корабля на другой, меньший по размерам, — «Королевский купец». На рассвете следующего дня «Королевский купец» в сопровождении пиннаса неожиданно вошел во внутреннюю гавань и, захватив врасплох команду галиона, овладел им и возвратился назад, ведя за собой захваченное судно. Никто из англичан, даже вице-адмирал Бороу, этого не заметил.

Дело было сделано, можно было уходить. Дрейк отдал приказ к отплытию. Но выполнить его было невозможно. Ветер затих, корабли не могли сдвинуться с места. Создавалась крайне опасная ситуация. Английская флотилия находилась в закрытой гавани, простреливаемой испанской береговой артиллерией. В Кадисе сосредоточились крупные сухопутные силы. Герцог Медина Седония, получив тревожный сигнал от жителей города, вызвал на помощь армейские части и явился в Кадис с отрядом из 300 кавалеристов и 3 тыс. пехотинцев. Испанские галеры, стоявшие во внутренней гавани, были готовы к атаке. Несколько судов были зажжены и направлены в сторону англичан.

Но судьба продолжала быть благосклонной к Фрэнсису Дрейку. Ядра береговой артиллерии не причинили ущерба его судам. Вообще надо сказать, что пушки XVI в. производили больше шума, чем разрушений. Во время морских сражений стоял страшный грохот, небо застилал пороховой дым, а дело решалось в рукопашных схватках на корабельных палубах. Пушки, как и мушкеты, эффективно поражали цель лишь на расстоянии, не превышавшем двести метров. Нападение галер англичане отбили. Горящие суда были встречены шлюпками и направлены в сторону отмели, где и сгорели дотла. «Испанцы, — иронизировал Дрейк, — делают нашу работу, сжигая свои корабли».

В два часа ночи погода изменилась. С берега подул ветер, и через несколько минут английская флотилия уже шла в открытое море. Но ветер внезапно стих, и корабли англичан вынуждены были остановиться. Дрейк приказал встать на якорь. Он решил плодотворно использовать время и обратился к командующему войсками Кадиса с предложением

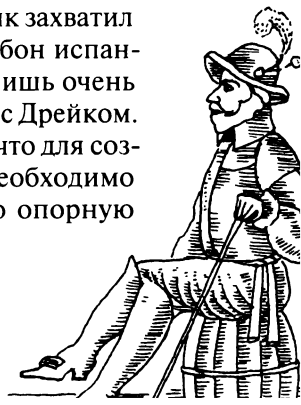
обменять захваченных им испанцев на англичан, находившихся в испанском плену. Командующий ответил, что у него нет пленных англичан. Этим дело и кончилось. Дождавшись попутного ветра, Дрейк пошел к берегам Португалии, к мысу Сан-Висенти. «Так, с помощью милосердного Бога и непобедимой храбрости нашего генерала, — писал один из участников экспедиции, — это странное и счастливое предприятие, к великому удивлению короля Испании, было закончено в течение одного дня и двух ночей и нанесло такой удар в сердце маркиза Санта-Круз, великого адмирала Испании, что он никогда уже не имел ни одного радостного дня и через несколько месяцев умер в глубокой печали»⁹.

Неизвестно, прав ли был спутник Дрейка, говоря о причине смерти маркиза, но совершенно очевидно, что нападением на Кадис Дрейк серьезно осложнил подготовку испанского флота к войне с Англией. Не меньше года потребовалось Филиппу для восполнения потерь.

Радовались в Испании в те дни лишь жители Кадиса. В первое воскресенье после ухода Дрейка они в церкви св. Франциска устроили благодарственный молебен. У них были для этого серьезные основания: Дрейк не напал на город и ни один из его жителей не пострадал.

Причиной, заставившей теперь Дрейка мчаться к мысу Сан-Висенти, было услышанное им известие, что один из наиболее видных испанских адмиралов, Хуан Мартинес де Рекальд, назначенный вице-адмиралом флота, предназначавшегося для нападения на Англию, должен был находиться именно там. Кроме того, мыс Сан-Висенти занимал важное стратегическое положение. Чтобы в этом убедиться, надо лишь взглянуть на карту. Мыс представляет собой крайнюю юго-западную точку Португалии, и все корабли собираемого Филиппом флота должны были обязательно проходить мимо него на пути в Лиссабон. Если бы Дрейк захватил мыс, то сделал бы невозможным проход в Лиссабон испанских судов из Кадиса или итальянских портов. Лишь очень сильная эскадра решилась бы помериться силами с Дрейком.

Но, придя к мысу Сан-Висенти, Дрейк понял, что для создания постоянной угрозы испанскому флоту необходимо укрепиться на суше, устроить там английскую опорную

базу. Осмотревшись, Дрейк решил, что для этой цели лучше всего подойдет находящийся в юго-восточной части мыса замок Сагриш, построенный Генрихом Мореплавателем, создателем школы португальских капитанов, отличившихся в эпоху Великих географических открытий.

Но захватить его казалось практически невозможным. Сагриш находился на вершине скалы, имевшей три отвесных склона высотой в 70 метров, а на четвертом склоне находилась крепостная 10-метровая стена. Но Дрейка это не испугало. Он высадил на сушу 800 солдат и сам повел их в атаку на неприступную крепость. Никому из своих офицеров он не хотел этого поручать. Только что у Дрейка произошел острый конфликт с Бороу, который и в этом случае постарался доказать обреченность задуманного предприятия. Но Дрейку было опасно становиться поперек дороги. Это проявилось еще в деле Доути. Ни минуты не поколебавшись, Дрейк приказал арестовать своего вице-адмирала. Бороу говорил впоследствии, что ежедневно ждал, «когда адмирал осуществит в отношении меня свое кровожадное желание, как он это сделал с Доути»¹⁰.

В шлеме и панцире, с мечом в руке, Дрейк повел своих людей к воротам замка. Подойдя туда, он потребовал немедленной сдачи гарнизона. Ответ был отрицательным. Тогда Дрейк приказал принести хвороста и смолы к воротам замка и зажечь их. Это было нелегко сделать под выстрелами обороняющихся, но, когда ворота начали гореть, гарнизон сдался. Как оказалось, замок защищали 110 человек. Дрейк приказал сбросить в море находившиеся в замке пушки и разрушить крепостную стену.

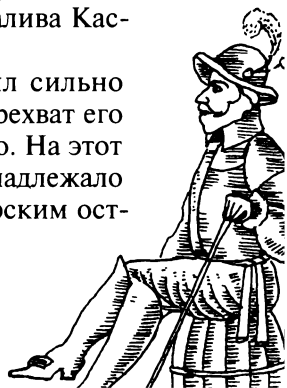
Пока солдаты разрушали стены замка, часть флотилии была отправлена Дрейком для уничтожения испанских судов и запасов продовольствия. Англичане уничтожили рыболовные суда и захватили 47 каравелл, перевозивших продовольствие в Лиссабон. Затем корабли вернулись в Сагриш и взяли на борт пехоту, которая к тому времени закончила разрушение крепости. Оставив небольшие суда у мыса Сан-Висенти для дальнейшего перехвата и уничтожения испанских судов, Дрейк с остальными силами своей флотилии 9 мая направился к Лиссабону.

10 мая английские корабли вошли в устье Тахо и встали на якорь в бухте Каскэс, в 20 милях от столицы Португалии, второго по богатству города Европы. Там в заливе Святого Юлиана находилась штаб-квартира маркиза Санта-Круз. Подходы к Лиссабону были хорошо укреплены, и Дрейк не рассчитывал повторить маневр, успешно осуществленный им в Кадисе. Поэтому он хотел выманить испанский флот из лиссабонской гавани. Но старый маркиз был опытным моряком и не отвечал на задиристые выпады Дрейка, посылавшего свои пиннасы захватывать мелкие суда, шедшие в Лиссабон.

Санта-Круз (Дрейк этого не знал) не был еще в состоянии дать бой английскому флоту. Мощные испанские галионы стояли без артиллерии, парусов и экипажей. Галеры не были опасны, как показал опыт Кадиса, судам Дрейка. Поэтому маркиз никак не реагировал на захваты и уничтожение испанских кораблей в заливе Каскэс.

Поняв, что выманить испанцев не удастся, Дрейк послал маркизу письмо с предложением провести обмен пленными. Но он получил такой же ответ, как и в Кадисе. Санта-Круз сообщал ему, что у него нет пленных англичан. Тогда Дрейк задал вопрос, намеревается ли король Филипп в этом году начать войну с Англией? Санта-Круз ответил, что король Испании не хочет войны. Дрейк исчерпал свой запас вежливости и написал маркизу, что раз тот отказался обменять военнопленных, то он продаст пленных испанцев марокканцам, а на вырученные деньги выкупит своих соотечественников из плена. Дрейк добавил тут же, что если Санта-Круз — мужчина, то он должен принять его предложение выйти из лиссабонской гавани и сразиться. На этот вызов Дрейка Санта-Круз ответил, что не имеет от короля полномочий на сражение с английским флотом. Дрейку надоели бесплодные препирательства, и он скрылся из залива Каскэс так же неожиданно, как и появился.

Узнав об исчезновении Дрейка, Филипп был сильно напуган. Он был уверен, что Дрейк пошел на перехват его «золотого флота», идущего из Америки в Севилью. На этот раз флот вез 16 млн песо, из которых 4 млн принадлежало лично королю. Филипп приказал послать к Азорским ост-

ровам, где, как он полагал, должен появиться Дрейк, сильный флот. Но вскоре Филипп получил известие, что Дрейк вернулся к мысу Сан-Висенти. Он вызвал для консультации маркиза Санта-Круз. Тот сказал, что, по его мнению, Дрейк не будет нападать на «золотой флот», его цель — не допустить соединения испанского флота в Лиссабоне, поэтому он и будет крейсировать в районе Сан-Висенти. Филипп с этим согласился и отдал новый приказ: напасть на Дрейка у Сан-Висенти. Власти Кадиса предложили королю послать против Дрейка 60 кораблей. Король, конечно, согласился и направил в Кадис опытного военного Алонзо де Лейва. Вести от дона Алонзо были неутешительными: Кадис не сможет выставить такой флот.

Дрейк действительно хотел обосноваться у мыса Сан-Висенти. 14 мая он писал Уолсингему: «Пока нам хватит продовольствия и воды и наши корабли, ветер и погода будут служить нам, вы будете получать вести от нас с мыса Сан-Висенти, где мы делали и будем делать то, о чем ее величество и ваша милость будут приказывать. Мы были бы благодарны ее величеству, если бы она прислала еще несколько кораблей. Если у нас будет на шесть кораблей больше, мы сможем задержать соединение испанского флота на месяц и далее...»¹¹

Но уже 22 мая Дрейк опять исчез. Теперь он шел к Азорским островам, оправдывая первое предположение Филиппа. Однако Дрейк искал не «золотые галеоны». Он получил сведения, что португальский каррак* под названием «Святой Филипп» идет к Азорам. Это был самый крупный корабль Ост-Индского флота. В его трюмах находился ценнейший груз. На восемнадцатый день плавания, 9 июня, Дрейк встретил каррак. Английские корабли обстреляли судно и вынудили его к сдаче. На карраке оказалось все, чем славился Восток: специи, шелка, фарфор, драгоценные камни и золото. Испанцы считали, что, захватив «Святого Филиппа», Дрейк нанес им ущерб в 114 тыс. ф. ст.

Возвращаться к мысу Сан-Висенти Дрейк теперь не думал. Подкрепление, о котором он просил Уолсингема, не при-

* Каррак — судно типа галеона.

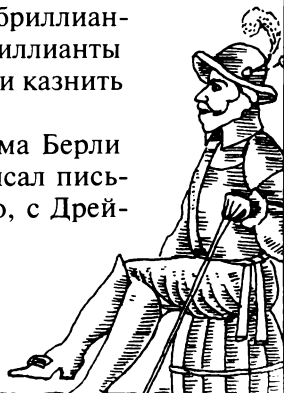
шло. Его люди устали, было много больных, суда требовали ремонта. Дрейк решил возвращаться домой, чтобы потом со свежими силами продолжать уничтожение испанского флота у пиренейских берегов. Через три месяца с начала плавания, 26 июня 1587 г., флотилия Дрейка, ведя за собой огромный каррак, подошла к Плимуту.

III

За время отсутствия Дрейка в политике английского правительства произошли значительные изменения. Королева искала теперь пути для улучшения отношений с Испанией. Ее страшило укрепление позиций испанцев в Нидерландах, закрытие для английских товаров испанского, португальского, фламандского рынков. «Партия мира» вновь усилила свое влияние на Елизавету. Разгневавшись, она даже сказала о Дрейке: «Он никогда не разбивал, а только раздражал врага к большому для меня ущербу». Очень возможно, что эта венценосная комедиантка (кстати, получившая только что от Дрейка свою часть добычи — 40 тыс. ф. ст.) опять играла роль, желая, чтобы ее слова были услышаны в Мадриде. В июле лорд Берли писал испанцам, оправдывая свою королеву: «Ее величество послала корабль с письмом, приказывавшим Дрейку воздерживаться от каких-либо вооруженных действий, но посланное судно не смогло его догнать. И, таким образом, независимо — да, независимо от желания ее величества — Дрейк совершал те действия, которые вызвали неудовольствие им ее величества»¹².

25 июля Дрейк пришел в дом лорда Берли, где, как он узнал, должна была быть королева. Зная хорошо свою повелительницу, Дрейк захватил с собой корзинку с бриллиантами, взятыми на «Святом Филиппе». Подарив бриллианты Елизавете, он обратился к ней с просьбой судить и казнить Бороу, его вице-адмирала.

Следует сказать, что посещение Дрейком дома Берли произошло именно в тот день, когда лорд написал письмо, отрывок из которого мы привели. Конечно, с Дрей-

ком не согласились. Лорд Берли защитил Бороу. Последний получил даже повышение: он был назначен инспектором королевского флота.

Но «партия войны» тем временем не бездействовала. Уолсингем, непревзойденный мастер шпионажа, создал лучшую в Европе шпионскую сеть, обходившуюся английскому правительству в 3,3 тыс. ф. ст. в год. Иногда выделявшаяся правительством сумма бывала недостаточной. В этих случаях государственный секретарь доплачивал из своих средств. Одним из лучших его агентов был английский католик Энтони Стенден, скрывавшийся под именем Помпео Пеллегрини. Он состоял на службе у герцога Тосканского, посол которого в Мадриде снабжал Стендена сведениями об испанских делах. Но, кроме этого, Стенден на деньги, полученные от Уолсингема, имел своих агентов в Испании и Португалии. От одного из них, брата слуги маркиза Санта-Круз, он узнал, что после уничтожения Дрейком испанских кораблей в Кадисе нападение Испании на Англию, намечавшееся на 1587 г., откладывалось.

Забегая вперед, скажем, что, когда весной 1588 г. наступил острый кризис в англо-испанских отношениях, Уолсингем уже не довольствовался сведениями из вторых рук и Стенден перебрался в Испанию, откуда посылал государственному секретарю важнейшие сведения о количестве судов, их тоннаже и вооружении, численности находившихся на них матросов и солдат, а также о состоянии королевских финансов. Так, Уолсингем узнал, что генуэзские банкиры от казались предоставлять займы Филиппу, и финансовое благополучие Испании зависело от прихода в августе 1588 г. «золотого флота», на борту которого находилось 16 млн дукатов.

Уолсингему было известно и о многих трудностях, с которыми столкнулся Филипп при подготовке флота. Коррупция и неразбериха царили в Лиссабоне. Герцог Парма, сначала горевший желанием вторгнуться в Англию до прихода флота из Испании, теперь писал Филиппу, что, несмотря на приход итальянских войск, не готов к военным действиям ввиду слабости и малочисленности своей армии. Герцог сообщал королю, что 800 итальянских солдат заболели, и болезни среди них продолжают быстро распространять

ся. Он жаловался на нехватку оружия и боеприпасов. «Все зависит от воли Божьей, — мрачно заключал Парма, — одного усердия и активности людей еще не достаточно».

Но Филипп не разделял пессимизма герцога, он требовал нанесения удара по Англии. «Вначале Вы не хотели и говорить об испанском флоте, — отвечал он Парме. — Вы разработали свой план вторжения, который не требовал вмешательства флота. И лишь я обратил Ваше внимание на необходимость помощи флота». Если вторжение в Англию, продолжал король, будет отложено, Испания потеряет шанс. Филипп хотел нанести удар Англии до возможного заключения мира между турецким султаном и персидским шахом и активизации турецкого флота в Средиземном море¹³.

Филипп шел на все, чтобы ускорить подготовку нападения на Англию. Он даже, как сообщал венецианский посол в Мадриде, приказал освободить из тюрем всех уголовных преступников, выразивших желание служить в его армии.

В это время Елизавета пыталась заручиться поддержкой турецкого султана. Английский посол в Константинополе Уильям Хэрбоун был очень активен и уже добился обнадеживающего приема у султана. Дрейк в свою очередь послал в Константинополь серебряные вазы в подарок командующему турецким флотом.

Всегда прекрасно осведомленная Елизавета видела бесплодность своих попыток задобрить испанского короля. Угроза с его стороны становилась все реальнее. Она снова обратила благосклонный взгляд на «своего пирата» и воинственного Джона Хокинса, спрашивая у них совета, как лучше нанести удар по Испании. Ответы того и другого очень характерны. Тороватый Хокинс считал, что надо послать военные корабли к Азорским островам и там дожидаться «золотого флота», захват которого лишит Филиппа средств, необходимых для ведения войны. Однако осуществление этого плана было сопряжено с очевидной опасностью. Захват испанского флота, состоявшего из двадцати-тридцати галионов, требовал соответствующей мощной английской эскадры. И пока эта эскадра, в состав которой вошли бы основные силы английского флота, дожидалась испанских галионов, идущих из Америки, Англия была бы

практически открыта для вооруженного вторжения, ибо у Филиппа оставалось достаточно кораблей для проведения этой операции. Дрейк же предложил напасть на испанский флот, стоявший в пиренейских портах, и либо полностью уничтожить его, либо нанести ему возможно больший ущерб.

В конце 1587 г. королева назначила Дрейка командующим эскадрой, состоявшей из тридцати судов, дав ему секретный приказ уничтожать испанские корабли, если он их встретит. В первые дни 1588 г. Дрейк был уже в Плимуте и набирал экипажи для своих судов. Когда распространился слух, что Дрейк опять собирается в плавание, от желавших принять участие в экспедиции не было отбоя. Очень скоро их собралось столько, что хватило бы на укомплектование двухсот судов. Но Елизавета и в этом случае была верна себе. Поставив перед Дрейком задачу нападения на испанские корабли, она практически всячески препятствовала ее осуществлению. Она тормозила снабжение флота артиллерией, боеприпасами, такелажем.

9 февраля 1588 г. умер маркиз Санта-Круз. Король Филипп был даже рад этому, потому что старый маркиз, потерявший веру в успех задуманного вторжения в Англию, мешал подготовке операции. «Господь показал мне свое расположение, — писал он через неделю после смерти маркиза Санта-Круз, — забрав его теперь, до отплытия флота»¹⁴. Филипп назначил командующим испанским флотом герцога Медину.

Елизавета же расценила смерть маркиза Санта-Круз, которого считала основным проводником идеи вторжения в Англию, благоприятным обстоятельством, позволяющим начать мирные переговоры с Испанией. В феврале она послала своих представителей в Остенде для ведения переговоров с герцогом Пармой.

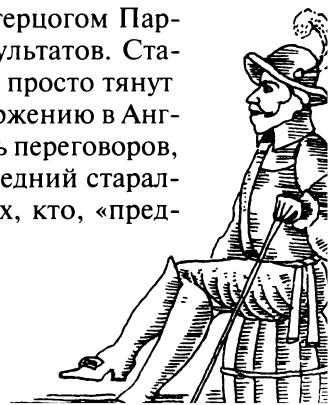
Начало переговоров совершенно заморозило предприятие Дрейка. Адмирала крайне тяготило вынужденное бездействие. Его нетерпение еще более усилилось, когда он узнал, что подготовка испанского флота идет к концу. С целью разведки Дрейк послал два своих небольших корабля к испанским берегам. Им удалось войти в Тахо

и захватить испанских рыбаков, от которых англичане узнали о состоянии флота, находившегося в Лиссабоне. Кроме того, Дрейк захватил недалеко от Плимута два шведских судна, возвращавшихся из Лиссабона, команды которых рассказали, что в Лиссабоне сосредоточено огромное число боевых кораблей.

Дрейк решил использовать своего нового приятеля при королевском дворе графа Роберта Эссекса, отец которого в свое время рекомендовал Дрейка Уолсингему. Молодой граф состоял теперь в фаворитах Елизаветы. Дрейк просил его повлиять на королеву, чтобы она не препятствовала быстрейшему оснащению его эскадры. Но все было тщетно. Елизавета все еще надеялась на мирный исход переговоров с испанцами. Не только Дрейк, но и сам первый лорд адмиралтейства Хоуард испытывал большие трудности в снабжении флота продовольствием, деньгами, боеприпасами. Его тоже сильно беспокоило вынужденное бездействие английского флота при все растущей опасности испанского вторжения.

Дрейк убеждал королеву, что никогда еще та не была в столь опасном положении. Он просил, чтобы она дала ему 50 судов и разрешила напасть на испанский флот в Лиссабоне. «Мои дорогие лорды, — писал Дрейк в марте Тайному совету, — с 50 кораблями мы нанесем испанцам большой ущерб у их собственных берегов, чем с во много раз большими силами здесь, в Англии; и чем скорее мы это сделаем, тем лучше»¹⁵. Одновременно Дрейк сообщал, что испытывает острую нехватку пороха, хотя для учебных стрельб расходует минимальное его количество. Он просил срочно прислать ему порох, так как его запасов хватит лишь на один день боя. Тайный совет разрешил Дрейку взять порох на складе в Тауэре, но идти к испанским берегам запретил.

Переговоры представителей Елизаветы с герцогом Пармой не давали никаких положительных результатов. Становилось все более очевидным, что испанцы просто тянут время, чтобы закончить приготовления к вторжению в Англию. Но королева все еще не хотела прерывать переговоров, прислушиваясь к советам лорда Берли. Последний старался всячески очернить Уолсингема и всех тех, кто, «пред-

лагая на словах заключить мир, в то же время делает все для кровавой войны». Однако и с Берли королева не была искренна. Она уже не верила в успех мирных переговоров и возобновила совещания с «партией войны» и со «своим пиратом».

В испанском лагере обстановка тоже была непроста. Герцог Парма все более скептически относился к успеху немедленного вторжения в Англию, считая, что прежде всего надо подавить восстание в Нидерландах. Новый командующий флотом герцог Медина Седония обнаруживал сходное отношение к готовящейся операции. Но Филипп не хотел ничего слушать и требовал скорейшего его осуществления. Огромный испанский флот — «Непобедимая армада», как его называли, — был уже готов отправиться в плавание.

Наконец Елизавета решилась. 10 мая был собран Тайный совет для того, чтобы выслушать Дрейка. Тот был, как всегда, немногословен. «Надо немедленно приступить к решительным действиям... — говорил он собравшимся лордам, — в этом половина успеха». После долгого обсуждения было принято решение начать операцию. Для этого объединили в Плимуте два флота: один, которым командовал Дрейк, другой — под командованием лорда-адмирала Хоуарда. Последний назначался королевой главнокомандующим объединенным флотом, а Дрейк — его заместителем.

Через несколько дней Хоуард привел в Плимут эскадру, состоявшую из 34 кораблей и 8 пиннас. Там они соединились с 40 судами Дрейка. Хоуард был в восторге от Дрейка. «Я не могу не сказать Вам, — писал он Уолсингему, — как сердечно и приятно сэр Фрэнсис Дрейк держит себя, а также с какой преданностью он служит ее величеству и мне, имея в виду пост, который я занимаю; поэтому я умоляю Вас написать несколько слов благодарности в частном письме к нему»¹⁶.

Лорд Хоуард был также чрезвычайно доволен офицерским, матросским и солдатским составом. «Мой дорогой лорд, — писал он Берли, — здесь собраны прекраснейшие капиталы, солдаты и матросы, какие когда-либо были в Англии». Одно беспокоило адмирала: острая нехватка продовольствия. Корабли имели запас провизии только на восемнадцать дней.

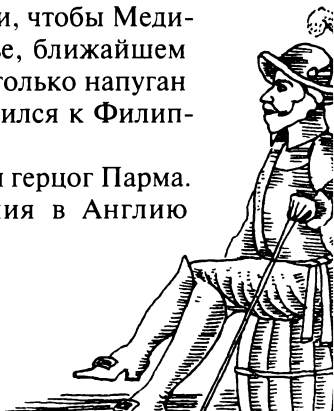
Главный морской интендант обещал Хоуарду в течение недели прислать десять судов с продовольствием. Но 28 июня адмирал получил от него сообщение, что корабли не смогут прибыть даже через две недели. Несмотря на это, Хоуард решил не задерживать отплытие. В том же письме Берли он писал: «Бог послал нам попутный ветер, и мы отправимся в плавание, хотя нам и грозит голодная смерть. Очень жаль, что мои люди не будут иметь еды тогда, когда, не жалея жизни, будут служить ее величеству»¹⁷.

Однако неблагоприятный ветер и высокая волна не позволили английскому флоту выйти в море. Воспользовавшись этим, офицеры отправились в Плимут за продовольствием. Вернувшись, они принесли очень важные новости. Английский корабль захватил у мыса Сан-Висенти несколько рыбаков, сообщивших, что «Непобедимая армада» вот-вот покинет Лиссабон. Капитан другого английского судна, пришедшего из Испании, сообщил, что армада вышла в море. «Если это произошло несколько дней назад, — забеспокоился Хоуард, — мы увидим их стучащихся в нашу дверь». В конце июня ветер переменился, и Хоуард вывел свою эскадру в море.

Армада действительно шла к Англии. Она покинула Лиссабон в тот же день, когда в Плимуте соединились две английские эскадры. Выход «Непобедимой армады» из Лиссабона сопровождался пышными церемониями. Торжественно звонили колокола, раздавались залпы оружейных салютов. Под звуки церковных гимнов корабли поплыли по Тахо к выходу в океан. Всезнающий венецианский посол в Мадриде сообщал, что после выхода армады в море Филипп молился по два-три раза в день.

В самом начале плавания армаду постигла неприятность. Начался сильный шторм, разбросавший корабли далеко друг от друга. Понадобилось немало времени, чтобы Медина Седония собрал свой флот в Ла-Корунье, ближайшем к Англии испанском порту. Герцог был настолько напуган ущербом, нанесенным его флоту, что обратился к Филиппу с просьбой отложить экспедицию на год.

О случившемся не знали ни англичане, ни герцог Парма. Последний готовил войска для вторжения в Англию

и ждал только появления армады, чтобы начать операцию. Парма собрал армию в 17 тыс. человек, подготовил триста транспортных судов для переброски солдат и семьдесят — для перевозки лошадей. Он приказал доставить 20 тыс. пустых бочек для изготовления плотов, послал своих агентов на север Германии для вербовки опытных команд транспортных судов. Как уже говорилось, Парма испытывал большие сомнения в успехе вторжения в Англию. Задержка армады очень беспокоила его.

Выйдя в море, Хоуард полагал, что вскоре встретит испанскую эскадру, и был удивлен ее отсутствием. Свежий северо-восточный ветер быстро гнал английские суда к Бискайскому заливу. Но когда они подошли к северному берегу Испании, погода резко изменилась, и эскадра вынуждена была повернуть в Плимут, куда она пришла 12 июля. В этот же день герцог Медина Седония, получив отрицательный ответ от короля, не хотевшего и слушать об отсрочке экспедиции, приказал флоту выйти из Ла-Коруньи и направиться в Англию.

19 июля, как рассказывает старинная легенда, когда лорд-адмирал и его офицеры после обеда играли в шары на борту флагманского корабля, Томас Флеминг, капитан пиннасы «Золотая лань», посланной для наблюдения, неожиданно появился на флагмане и сообщил, что видел испанский флот у мыса Лизард, находившегося в 60 милях к западу от Плимута. Все игравшие обратили взоры на Дрейка, а тот спокойно заметил: «У нас достаточно времени, чтобы закончить игру и после этого разбить испанцев».

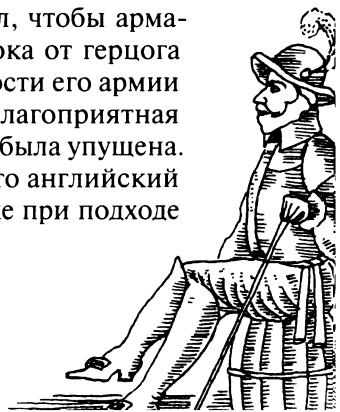
Этот рассказ принадлежит, несомненно, к числу многочисленных исторических анекдотов. Вероятно, в основе его лежит то, что английская эскадра действительно бездействовала до следующего дня. Это объяснялось неблагоприятным ветром. Корабли не могли выйти навстречу врагу. В то же время западный ветер, мешавший англичанам покинуть Плимут, благоприятствовал испанскому флоту. Положение становилось опасным.

Но «Непобедимая армада» почему-то не торопилась. 20 июля испанские корабли остановились в нескольких милях от Плимута. Герцог Медина собрал военный совет.

Он считал, что нет оснований форсировать события. Медина не знал, что в Плимуте уже стояли две эскадры — Дрейка и Хоурда. По сведениям, полученным испанцами, Тайный совет королевы принял план ведения войны с Испанией, согласно которому Дрейк не должен был выходить из Плимута до тех пор, пока армада не пройдет мимо, направляясь на соединение с армией герцога Пармы. Испанцы считали, что, как только их флот минует Плимут, Дрейк должен напасть на него, чтобы не допустить соединения с Пармой. Поэтому Медина хотел тщательно и неторопливо обсудить план предстоящей операции. На совещании находились заместитель герцога Хуан Мартинес де Рекальде, старшие офицеры Мигуэль де Окендо, Педро де Вальдес, Гуго де Монкада, Диего Флорес де Вальдес, Алонзо де Лейва.

Герцог Медина не имел никакого опыта в флотоводческом искусстве. Он с большой неохотой принял пост главнокомандующего флотом и целиком полагался на опыт своих офицеров. Обсуждался вопрос, атаковать ли флотилию Дрейка в Плимуте, или, миновав порт без боя, дать англичанам возможность выйти в пролив и уже там напасть на них. Большинство присутствующих на совете высказались за нападение на английский флот в Плимуте. Но герцог показал инструкции, полученные им от короля, в которых ему запрещалось вступать в сражения с неприятельским флотом до соединения с войсками герцога Пармы. Сторонники нападения на Плимут возражали, что, если бы король находился с ними и видел, какая блестящая возможность предоставлена судьбой испанцам, он, конечно, приказал бы атаковать Плимут.

Тогда Медина принял компромиссное решение. Он послал Филиппу донесение, в котором ни слова не говорил о предложениях его офицеров напасть на Плимут, а просто сообщал, что военный совет решил, чтобы армада не двигалась восточнее острова Уайт, пока от герцога Пармы не будет получено известия о готовности его армии к посадке на корабли. Это была ошибка. Благоприятная возможность нападения на английский флот была упущена. Медина получил вскоре сообщение о том, что английский флот ушел из Плимута. А если бы он сразу же при подходе

к Лизарду приказал наиболее быстроходным судам армады идти к Плимуту, то испанцы захватили бы там англичан, которым неблагоприятный ветер не давал возможности сдвинуться с места. Испанские суда были вооружены артиллерией, которая наиболее эффективно действовала в ближнем бою и в спокойной воде, как раз в условиях портсмутской бухты. Испанские матросы и солдаты наилучшим образом проявляли себя как раз в абордажных схватках, а армада имела более чем десятикратное превосходство в людской силе над англичанами. Преимущества же английских кораблей заключались, наоборот, в их маневренности, большей дальности действия и точности артиллерийской стрельбы.

Когда ветер переменился, Хоуард поспешил вывести свою эскадру из Плимута. На рассвете 20 июля более пятидесяти английских кораблей вышли в западном направлении. Вечером, на заходе солнца, англичане увидели первые корабли армады. Весть о приближении испанского флота была немедленно передана во все концы страны через установленную систему сигнализации: днем — дым, ночью — огонь костров, сигнальные огни на холмах и колокольнях церквей. Получив сигнал тревоги, жители городов и селений вооружались, соединялись в отряды и шли к побережью.

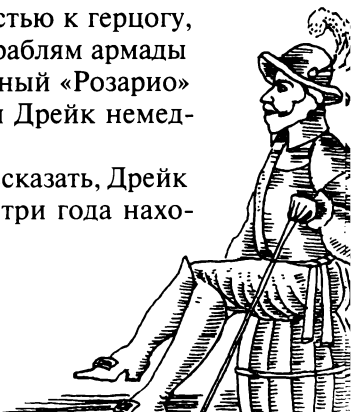
Ни англичане, ни испанцы не знали о численности кораблей друг друга. Английские адмиралы понимали, что против них стоит невиданный по размерам флот. Действительно, армада состояла из 134 судов, в число которых входило 33 громадных боевых галиона. На судах находилось 8 тыс. матросов и 18 тыс. солдат. В распоряжении Хоуарда было 90 кораблей, из которых только 19 были судами королевского военного флота, остальные же принадлежали частным лицам, главным образом купцам.

Дрейк с восемью судами занял позицию для неожиданного нападения на испанский арьергард. Поздним вечером он увидел испанский флот, который шел в необычном порядке: крупные галионы впереди, сзади и по флангам, а более слабые суда — в середине. Галионы сверкали яркими красками и позолотой, на мачтах развевались флаги и выпелы.

Дрейк с Фробишером и Хокинсом изготовился к атаке на вражеский арьергард, выбрав в качестве первой жертвы галион «Сан Хуан», несший флаг вице-адмирала армады Хуана Мартинеса де Рекильда. Под огнем артиллерии противника испанский корабль резко изменил направление, чем сбил с курса соседний галион «Розарио», которым командовал Педро де Вальдес. При столкновении со следующим галионом на «Розарио» были сломаны бушприт и фок-мачта. Дрейк, нарушая приказ, обязывающий его не уходить с занимаемой позиции, погнался за «Розарио» и захватил его. После разгрома армады против Дрейка было выдвинуто обвинение (особенно на этом настаивал Фробишер, ревниво относившийся к громкой славе Дрейка) в нарушении дисциплины и чуть ли не предательстве, но лорд-адмирал Хоуард вполне удовлетворился объяснениями Дрейка, и суд адмиралтейства «присудил» Дрейку и команде его флагманского корабля «Мщение» ценности с захваченного галиона. На «Розарио» оказались большие суммы денег, а также ящик со шпагами, рукоятки которых были украшены драгоценными камнями. Эти шпаги предназначались для подарков английским дворянам-католикам, которые должны были поддержать вторжение испанской армии в Англию. Надо сказать, что и сам Хоуард на заключительном этапе сражения с армадой совершил поступок, подобный Дрейку: бросил во время сражения свой флот, погнавшись за «призом».

Команда «Розарио» была высажена на берег, а дон Педро и нескольких его офицеров Дрейк оставил на своем корабле. Среди его экипажа был офицер, хорошо владевший испанским языком. Дон Педро, покоренный любезностью и гостеприимством Дрейка, рассказал о планах герцога Медины. Откровенность испанца объяснялась — может быть, это и было главным — его враждебностью к герцогу, возникшей из-за того, что тот, приказав кораблям армады следовать своим курсом, бросил поврежденный «Розарио» на произвол судьбы. Полученные сведения Дрейк немедленно передал Хоуарду.

Выведав от дон Педро все, что тот мог рассказать, Дрейк высадил его на берег, и знатный испанец три года нахо-

дился в Англии в качестве военнопленного, пока за него не был уплачен выкуп в 3 тыс. ф. ст. Что касается команды «Розарио», то ее появление было крайне враждебно встречено местными жителями, которых английское правительство заставило содержать пленных. Это даже вызвало ссору между местными помещиками — сэром Джорджем Кэри и сэром Джоном Гильбертом. Кэри упрекал Гильберта в том, что вместо того, чтобы поместить 226 пленных испанцев в тюрьму, тот использовал их на хозяйственных работах в своем имении.

По распоряжению Хоурда Дрейк вечером 21 июля послал письмо лорду Генри Сеймуру в Дувр, в котором рассказал о событиях дня и просил быть готовым к нападению на испанский флот, продолжавший двигаться на восток. Эскадра Сеймура насчитывала до 30 кораблей.

23 июля началось морское сражение в районе Портленда, с еще большей силой продолжавшееся на следующий день к юго-востоку от острова Уайт. Бои шли по многу часов, «с большим расходом пороха и пуль», как тогда писали. Несмотря на превосходство в артиллерии, англичане не смогли нанести испанской эскадре существенного ущерба. К этому времени испанцы потеряли всего два судна, да и то не в бою: «Розарио» столкнулся с соседним галионом, а 800-тонный «Сан Сальвадор» был уничтожен взрывом порохового погреба, происшедшим от случайно попавшей искры.

Битва продолжалась еще три дня, запасы пороха истощались как у испанцев, так и у англичан. Наконец, 27 июля испанские корабли укрылись во французском порту Кале, где герцог Медина решил дожидаться вестей из Нидерландов. В ночь по прибытии в порт он послал капитана Педро де Леона к герцогу Парме с просьбой срочно прислать порох и ядра. Лишь 23 мили отделяли испанский флот от войск Пармы, находившегося в Дюнкерке.

Казалось, ничто не может помешать соединению флота с сухопутной армией для нанесения решительного удара Англии. Но органический порок всей задуманной операции заключался в том, что ни армада не могла подойти к Дюнкерку, ни Парма на своих судах выйти из него. Подходы

к Дюнкерку был затруднены многочисленными песчаными отмелями, до тринадцати миль выдававшимися в море. В порт могли входить суда с осадкой только до пяти футов, а у испанских кораблей осадка была 25 футов и больше. В свою очередь транспортные суда Пармы не могли благополучно выйти из Дюнкерка в море, поскольку попадали под удар голландского флота.

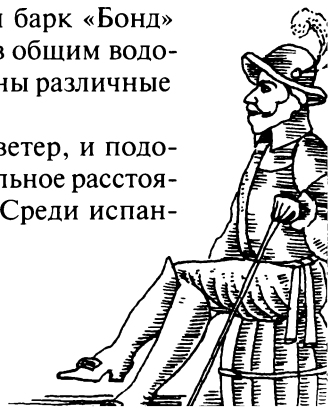
Но ни Парма, ни Медина не знали действительных обстоятельств. Парма ждал корабли армады, которые обеспечили бы ему безопасный выход из Дюнкерка и сопровождали бы до устья Темзы, а Медина ждал, когда суда Пармы выйдут в открытое море.

Посланцу Медины Парма ответил, что не может послать суда с порохом и ядрами, так как море очень бурно. Второму гонцу, посланному узнать, когда армия будет посажена на суда и выйдет в море, Парма сказал, что не сделает этого до тех пор, пока, во-первых, не установится благоприятная погода, а во-вторых — и это главное, — море не будет очищено от вражеских кораблей.

Англичане также не имели ясного представления о сложившейся ситуации. Они совсем не были уверены, что голландский флот их поддержит и будет блокировать армию Пармы в Дюнкерке. Испанский флот, стоявший в Кале, по-прежнему являл собой грозную силу.

На борту флагманского корабля Хоуард собрал военный совет. Всем присутствовавшим было ясно, что откладывать нападение нельзя. Если Медина соединится с Пармой, над Англией нависнет смертельная опасность. Помешать этому может лишь уничтожение испанского флота. Но как это сделать? Было решено послать в Кале горящие корабли, чтобы вызвать панику на испанских судах. Дрейк первым предложил для этой цели свой собственный корабль «Томас» (200 тонн). Хокинс передал барк «Бонд» (150 тонн). Всего было отобрано восемь судов общим водоизмещением 1240 тонн. На них были погружены различные горючие материалы.

В ночь на 28 июля подул благоприятный ветер, и подоженные суда быстро преодолели полуторамильное расстояние, отделявшее их от испанских кораблей. Среди испан-

цев началась страшная паника, когда они увидели в темноте ночи приближавшиеся к ним огромные факелы. Дело в том, что в Испании в то время распространялись слухи, будто англичане владеют каким-то «секретным оружием», сделать которое им помог итальянский инженер Федерико Джамбелли из Мантуи, переселившийся в Лондон. Этот инженер ранее предложил испанцам построить «дьявольские корабли», которые, в частности, были использованы герцогом Пармой для разрушения моста через Шельду во время осады Антверпена. Каждый из «дьявольских кораблей» имел на борту 3,5 тонны пороха. Мост был разрушен порохowymi взрывами, было убито 800 человек.

Поэтому, заметив двигавшиеся на них горящие суда, испанцы вместо того, чтобы попытаться отогнать их, как сделал это Дрейк в Кадисе, начали рубить якорные канаты и поднимать паруса. (130 якорей осталось на дне бухты.) Первым опомнился Медина. Он пристыдил офицеров, предлагавших ему пересечь на пиннасу и укрыться на берегу. Герцог приказал «Сан Мартину», на котором находился, стать на якорь и выстрелом из пушки дать сигнал к тому, чтобы остальные суда эскадры последовали его примеру. Одновременно он послал находившегося с ним принца Асколи, внебрачного сына короля Филиппа, на корабле для передачи более подробных инструкций. Покинув «Сан Мартин», принц исчез. Боясь разгрома эскадры и пленения, он поспешил на берег и отправился в Дюнкерк к Парме. Узнав об этом, Медина не только не огорчился, но и вздохнул с облегчением: забота о безопасности столь важной персоны с него, таким образом, снималась.

Большинство испанских кораблей не послушалось команды герцога и, спасаясь от опасности, поспешно вышло в море. Флагман галерного флота «Сан Лоренцо» потерял рулевое управление, столкнувшись в суматохе с другим судном, и был выброшен на берег прямо у городской крепости. Вызвавшие столь сильную панику горящие корабли сами по себе не нанесли никакого ущерба испанскому флоту. Они сгорели в песчаных дюнах.

На рассвете следующего дня англичане могли наблюдать результаты ночной операции. Великолепная галера

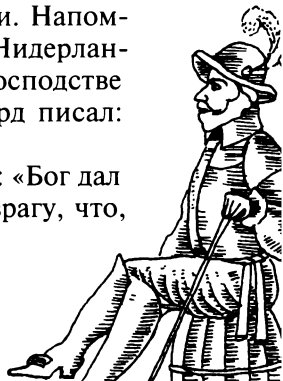
«Сан Лоренцо» лежала на боку на песчаной отмели. Пушки одного из ее бортов смотрели в небо, а другого — уткнулись в песок. Восточнее стояли на якоре флагманский корабль «Сан Мартин» и с ним еще четыре галиона. Остальные суда беспорядочно двигались на северо-восток от Кале.

В четыре часа утра юго-западный ветер сменился северо-западным, и Хоуард дал сигнал к атаке. Корабли Дрейка, Хокинса и Фробишера двинулись к стоявшим на якоре галионам. Остальные погнались за ушедшими из Кале судами. Поднялась страшная канонада, густой дым окутал сражающиеся корабли. Небольшие в сравнении с испанскими, но быстрые и маневренные английские суда окружали галионы, обстреливая их из орудий. Пушки с низких английских судов били в наиболее опасные места, поражая галионы ниже ватерлинии. В то же время орудия с высоких бортов испанских кораблей стреляли гораздо выше цели, не нанося ущерба противнику. Кроме того, английские пушки были значительно скорострельнее испанских. На один выстрел врага английская артиллерия отвечала тремя.

Трюмы испанских судов заливала вода, входящая через пробоины в корпусе. Палубы окрасились кровью убитых и раненых матросов и солдат. Мачты многих судов были сломаны, паруса висели клочьями. После семи часов сражения орудийные залпы становились реже. Бой затихал. У англичан опять кончался порох.

В ходе сражения испанцы не только преодолели панику и неорганизованность, но и объединили силы. Медленно удалось собрать до 50 кораблей. Испанцы защищались мужественно. Ни один галион не сдался. Несмотря на сильный орудийный огонь, ни один корабль потоплен не был. Два галиона — «Сан Матео» и «Сан Филипп», — сильно поврежденные, были захвачены голландцами у Остенде. Это событие англичане полностью игнорировали. Напомним, что меньше чем через столетие Англия и Нидерланды в трех войнах решали между собой спор о господстве на море. А сейчас в донесении королеве Хоуард писал: «Ни одного голландца в море не было»¹⁸.

Вечером того же дня Дрейк писал Уолсингему: «Бог дал нам славный день, и мы нанесли такие удары врагу, что,

надеюсь, герцог Парма и герцог Медина Седония не пожмут друг другу руки на этих днях... Пришлите боеприпасы и продовольствие, и мы выбросим врага вон». Напряжение дня сказалось и на неутомимом адмирале. Он закончил письмо фразой: «Всегда готовый выполнить поручение Вашей милости, но теперь полуспящий, Фрэнсис Дрейк»¹⁹.

Двигаясь вдоль французского побережья, испанский флот находился в чрезвычайно опасном положении. Якоря были потеряны, мачты сломаны, запасы пороха истощены, было много убитых. Неблагоприятный норд-вест грозил выбросить галионы на песчаные отмели Зеландии. Корабли все ближе и ближе подходили к береговым мелям. Катастрофа казалась неминуемой. Офицеры флагманского судна «Сан Мартин» вновь предложили Медине высадиться на берег, захватив освященный лиссабонским епископом королевский штандарт.

Нервы герцога сдали. Утром 30 июля он спросил у адмирала Окендо: «Сеньор Окендо, что нам делать? Мы все потеряли!» Темпераментный Окендо, находившийся в ссоре с начальником штаба армады Диего Вальдесом, ответил: «Спросите Диего Вальдеса! А я иду сражаться»²⁰.

Но тут счастье обратилось к испанцам. Внезапно северо-западный ветер сменился юго-восточным. Галионы один за другим стали отклоняться к северу, уходя в море. Англичане не могли задержать испанские корабли. У них в буквальном смысле не было пороха, орудия их кораблей молчали.

Обе стороны боялись друг друга. Англичане считали, что испанцы еще могут вернуться в Ла-Манш, ведь значительная часть испанского флота вообще не принимала участия в бою. Испанцы в свою очередь опасались немедленного нападения английской эскадры.

Среди английских адмиралов лишь один Дрейк был уверен в том, что армада уже потеряла силу и никогда не вернется назад, а будет искать путей на родину, выйдя в Северное море. «Герцог Седония, — писал Дрейк Уолсингему, — желает лишь попасть в порт Святой Марии под свои апельсиновые деревья»²¹.

Оставив заслон против войск герцога Пармы, Хоуард и Дрейк, несмотря на отсутствие боеприпасов, бросились

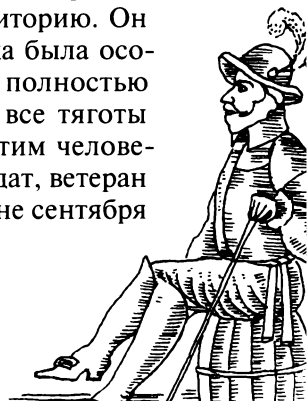
в погоню за испанским флотом. Однако когда испанские корабли подошли к шотландским берегам, погоня прекратилась. Англичане опасались возможной поддержки шотландскими католиками испанских войск, если те вздумают высадиться на берег. Как только испанский флот миновал Шотландию, англичане утратили к нему интерес.

Путь на родину был для испанцев ужасен. Люди были истощены до предела. Запасы продовольствия и воды кончались. Штормы и туманы разбросали корабли. Десятки судов разбились о скалы у шотландских и голландских берегов. Когда в сентябре корабли бывшей «Непобедимой армады» стали прибывать в испанские порты, стали известны размеры потерь. Вернулось не более 50 судов. Погибло не менее 20 тыс. матросов и солдат. Умерли Алонзо де Лейва, Мигуэль де Окендо, Хуан Мартинес де Рекальд... Поседевший и измученный вернулся в Испанию герцог Медина Седония. Король отстранил его от командования флотом, и он вернулся в свой замок в порту Святой Марии.

Потери английского флота были незначительны. Не был потоплен ни один корабль, число убитых не превышало 100 человек. Но распространившаяся на кораблях страшная болезнь уносила сотни жизней. Причина ее осталась неизвестной. Матросы считали, что болезнь была вызвана прокисшим пивом. Так или иначе, но четыре-пять тысяч матросов и солдат погибли от нее после того, как война закончилась.

IV

Разгром «Непобедимой армады» дал основание Дрейку вновь добиваться разрешения королевы перенести войну непосредственно на испанскую территорию. Он всегда стремился к этому, а теперь обстановка была особенно благоприятна. Дрейк нашел человека, полностью разделявшего его идеи и готового разделить все тяготы и заботы, связанные с их осуществлением. Этим человеком был сэр Джон Норрес, прославленный солдат, ветеран войны против Пармы в Нидерландах. В середине сентября

1588 г. Дрейк и Норрес передали королеве план операции по захвату Лиссабона.

Экспедицию предполагалось организовать на обычной для того времени, так сказать, частно-государственной основе. Предполагалось образовать «консорциум», в который вошла бы королева, ее министры и купцы Сити.

Авторы плана доказывали, что успех предприятия обеспечен: испанский флот разгромлен, отборные войска — сицилийские и португальские бригады — понесли очень большие потери. Захват Лиссабона и возведение на португальский престол английского ставленника дона Антонио открыли бы прекрасные возможности для английского купечества в торговле с азиатскими колониями Португалии. В то же время, обладая такой базой, как Лиссабон, англичане смогут контролировать морские коммуникации в Атлантике и успешно нападать на «золотой флот», дважды в год перевозящий сокровища Вест-Индии в Севилью. Филипп не смирится с потерей Лиссабона и попытается выбить англичан оттуда. Но, как уверяли королеву Дрейк и Норрес, он обязательно потерпит неудачу, и тогда ему ничего не останется, как искать мира с Англией.

Елизавета одобрила план. Как главный «акционер» затеянного предприятия королева передала в распоряжение экспедиции шесть кораблей и две пиннасы из состава английского военно-морского флота, оружие, трехмесячный запас продовольствия и 20 тыс. ф. ст. наличными. Дельцы Сити вложили в предприятие 10 тыс. ф. ст., Дрейк с компаньонами — 5 тыс. ф. ст. Королева обещала также дать осадные орудия.

Норрес обратился к голландским генеральным штатам с просьбой одолжить корабли и откомандировать часть английских войск, находящихся в Нидерландах, для участия в экспедиции. Обстановка позволяла это сделать. Герцог Парма был занят французскими делами, так как победы Генриха Наваррского и убийство герцога Гиза осложнили положение католиков во Франции. Голландцы обещали Норресу 600 кавалеристов и 23 роты пехоты. Но практически передали лишь половину обещанного, а королева, кстати, не дала осадных орудий.

Испанские шпионы в Лондоне успешно добывали сведения о предполагаемой экспедиции. Особенно полезным оказался Антонио де Вейко, человек, близкий к дону Антонио. Филипп знал обо всех деталях предприятия: количестве судов, численности солдат и матросов, оперативных планах, союзниках англичан в Португалии.

В марте 1589 г. Дрейк направился из Дувра в Плимут, чтобы принять командование собранным там флотом. По дороге в Плимут Дрейк встретил флотилию голландских транспортов из 60 судов, направлявшуюся в Ла-Рошель с грузом соли. Он уговорил голландцев идти с ним. Когда Дрейк выходил из Плимута, в его распоряжении была эскадра, какой он еще никогда не имел под своим началом. В состав экспедиции вошли 8 кораблей королевского военно-морского флота, 77 вооруженных купеческих судов и 60 голландских транспортов. На борту эскадры имелось 3 тыс. английских и 900 голландских матросов, 11 тыс. солдат и 1000 волонтеров.

Единственное, в чем испытывалась нужда, — это продовольствие. Но Дрейк не стал из-за этого задерживаться. «К концу месяца в Испании и Португалии созреет урожай, — говорил он, — и это выручит нас»²².

Когда флотилия уже покинула Плимут, оказалось, что в составе экспедиции находится молодой граф Эссекс. Этот новый фаворит королевы бежал из Лондона вопреки строгому запрещению своей покровительницы.

Через шесть дней эскадра была в Ла-Корунье. Отсюда десять месяцев назад вышла «Непобедимая армада». Это был большой, хорошо защищенный город, административный центр Галисии. Ла-Корунья разделялась на две части: нижнюю — у моря, и верхнюю — на скалах. Каждая из них была защищена крепостью.

Не теряя времени, Дрейк выслал на шлюпках солдат для захвата на берегу плацдармов. Солдаты высадились в центральной части бухты и закрепились там. Затем Дрейк отправил на берег еще 500 солдат, которые укрепились на западной стороне нижней крепости. В полночь был дан сигнал атаки. Под прикрытием орудийного огня основные силы англичан высадились в центральной части гавани.

Нижняя крепость была захвачена довольно быстро. Трудности были только у атаковавших западную сторону крепости, стены которой выходили к морю. Там защитники крепости трижды отбивали атаки англичан.

Верхнюю крепость, однако, англичанам захватить не удалось. Получив сведения от пленных, что в пяти милях к югу от города сосредоточено 8 тыс. испанских солдат, Норрес во главе 7-тысячного отряда двинулся туда и после ожесточенной схватки обратил испанцев в бегство. Англичане преследовали их и убили не менее тысячи человек. Двести испанских солдат спрятались в монастыре. Они были обнаружены голландскими матросами и убиты.

На следующий день англичане вернулись на корабли, захватив немалые трофеи, в том числе 50 бронзовых пушек и 3 тыс. пик. Перед отплытием англичане сожгли нижний город.

Следующей жертвой Дрейка был город Пениши, расположенный в 50 милях к северу от Лиссабона. Захватив город, Дрейк высадил там основные силы под командованием Норреса, Эссекса и дона Антонио. Он приказал напасть на Лиссабон только в том случае, если станет ясным, что португальцы поддерживают дона Антонио, и если в Лиссабоне нет крупных сил испанской армии. Сам же Дрейк повел флот к устью Тахо.

Дрейк сомневался в успехе захвата Лиссабона с суши при отсутствии осадных орудий. Кроме того, его крайне беспокоило состояние экипажей. Болезни просто косили людей. Если заболевания не прекратятся, то очень скоро не будет достаточно людей, чтобы управлять кораблями. Капитан «Дредноута» Феннер писал Уолсингему, что из 300 человек команды корабля 114 умерли, а среди оставшихся в живых только 18 работоспособных. 22 мая английская эскадра бросила якорь у небольшого порта Каскэс в устье Тахо. Город был безлюден. Дрейк не решался напасть на Лиссабон, он ждал новостей от Норреса. Сообщения оказались неутешительными.

Норрес дошел до Лиссабона, потеряв значительное число солдат вследствие болезней и дезертирства. Испанцы уклонялись от сражений. Норрес вынужден был вернуться

к своим кораблям. Болезни продолжали свирепствовать, боеприпасы кончались. Но хуже всего то, что появление дона Антонио не вызвало никаких признаков взрыва патриотических чувств у португальского народа.

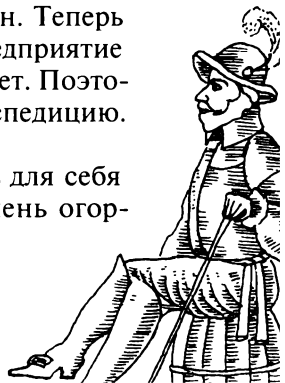
Последнее в значительной степени объяснялось действиями испанского вице-короля в Португалии кардинала-герцога Альберта. Генрих Наваррский как-то сказал: «Есть только три правдивые вещи, но никто им не верит: что королева Англии — девственница, что я — добрый католик и что кардинал-герцог — хороший генерал». Кардинал-герцог, получив сведения о намерениях англичан посадить дона Антонио на португальский престол, жестоко расправился с его сторонниками, часть казнив, часть отправив в тюрьмы. Определенная часть португальского дворянства, поддерживавшая дона Антонио, была лишена руководства, и, следовательно, выступление в поддержку англичан не состоялось.

Венецианский посол в Мадриде злобно писал своему правительству, что португальцы «слишком глупы, чтобы действовать хорошо, и слишком трусливы, чтобы действовать плохо»²³.

Дрейк находился в устье Тахо, когда туда прибыл отряд Норреса. В течение последующих шести дней он еще надеялся, что сумеет организовать нападение на Лиссабон. Но заболевания распространялись все сильнее. 2791 человек был болен. Португальцы по-прежнему не замечали присутствия дона Антонио, а без поддержки местного населения Дрейк не мог рассчитывать на удержание Лиссабона даже в случае успешного захвата города.

В это время из Лондона были получены очень неприятные для Дрейка и Норреса письма. Королева спрашивала, почему не были уничтожены сохранившиеся суда армады и почему так дорого обходится операция. Она также приказывала срочно вернуть графа Эссекса в Лондон. Теперь Эссекс был рад этому. Он видел, что затяжное предприятие обречено на неуспех, что лавров он здесь не пожнет. Поэтому при первой возможности Эссекс покинул экспедицию. Королева быстро простила ему его грехи.

Ни Дрейк, ни Норрес не могли рассчитывать для себя на столь счастливый исход. Кроме того, их очень огор-

чил отказ королевы прислать дополнительный отряд пехоты и осадные орудия. Некоторое удовлетворение доставлял захват 80 французских и ганзейских судов, груженных пшеницей. Они воспользовались ими, чтобы отправить на родину больных и раненых.

Дрейк и Норрес решили отказаться от нападения на Лиссабон и попытаться обосноваться на Азорских островах. Но и в этом они потерпели неудачу. Неблагоприятные ветры не дали возможности кораблям идти к архипелагу. Флотилия продолжала беспомощно простаивать у португальских берегов. Болезни не прекращались. Но Дрейк все еще не хотел подчиниться судьбе и прекратить экспедицию. Он атаковал испанский порт Виго и сжег его. В этой операции приняли участие 2 тыс. солдат и матросов, сохранивших боеспособность. Это было все, чем располагал Дрейк.

После сожжения Виго Дрейк и Норрес решили разделить силы. Дрейк с 20 судами отправился к Азорским островам, а Норрес повел остальные корабли в Англию.

Но опять Дрейка ждала неудача. Сильный шторм повредил корабли, и эскадра вынуждена была повернуть к родным берегам. Когда Дрейк привел в Плимут свой флагманский корабль, он едва держался на плаву.

Португальская экспедиция 1589 г. окончилась неудачей. Основная ее цель — захват Лиссабона — не была достигнута. Из 16 тыс. человек, отправившихся в экспедицию, в живых осталось 6 тыс. Шесть судов было потеряно, правда, ни один королевский корабль не пострадал. Фактические расходы королевы составили вместо 20 тыс. ф. ст. — 50. Для скупой Елизаветы это было большой неприятностью.

Это совершенно заслонило положительные для Англии результаты экспедиции. А они были. Престижу Филиппа был нанесен новый удар «женщиной, владевшей лишь половиной острова, с помощью корсара и простого солдата», писал своему правительству венецианский посол в Мадриде²⁴. Экспедиция уничтожила значительные запасы продовольствия в захваченных испанских портах, нанесла немалые потери живой силе врага. Пребывание флотилии Дрейка у португальских берегов заставило испанское правительство задержать отправку «золотого флота» из Амери-

ки, что очень осложнило финансовое положение Филиппа и привело к задержке выплаты жалования армии Пармы, что, как всегда в таких случаях, крайне снизило ее боеспособность. Опасность английского вторжения в Португалию заставила Филиппа оттянуть туда часть войск из Нидерландов, что улучшило положение борющихся голландцев. Захваченные Дрейком ганзейские суда были проданы потом за 30 тыс. ф. ст., которые компенсировали Елизавете финансовые потери. В королевский арсенал было передано также 150 пушек. Что касается солдат и матросов, принимавших участие в экспедиции, то оставшиеся в живых получили на руки только по 5 шиллингов. Возмущенные этой грошовой подачкой матросы двинулись на Лондон, грозя устроить новую Варфоломеевскую ночь. Обеспокоенный лорд-мэр Лондона собрал 2 тыс. солдат, с помощью которых усмирил взбунтовавшихся ветеранов Дрейка. Четырех зачинщиков бунта повесили. Перед казнью один из них крикнул: «Это и есть плата, которую вы даете солдатам, сражающимся за вас!»

Глава четвертая Последнее плавание

Дрейк утратил не только благосклонность королевы, но и расположение купцов лондонского Сити. Он приучил их к тому, что возвращался всегда с богатой добычей, дававшей огромные прибыли на вложенный в «предприятие» капитал. Теперь они решили, что счастливая звезда Дрейка закатилась. Дрейк ушел в тень. Несколько лет он не был в море, занимаясь сугубо сухопутными делами. В 1591 г. он наконец осуществил свой давний проект улучшения водоснабжения Плимута, вложив в строительство водоотводного канала и собственные средства. Очень серьезно Дрейк занимался строительством оборонительных сооружений Плимута, опять-таки вкладывая в это дело личные средства.

Разгром «Непобедимой армады» был тяжелым ударом для Испании. Но он не сломил ее мощи. Испания оставалась сильной державой, огромной колониальной империей, обладавшей многочисленным флотом. Полученные уроки войны с Англией заставили Филиппа модернизировать флот, усилить защиту своих американских владений. Там, где еще недавно Дрейк с небольшим отрядом храбрых одерживал удивительные победы — в Номбре-де-Диос, Картахене и т. д., были построены новые оборонительные

сооружения, усилены гарнизоны. Испанский флот получил маневренные, быстроходные и хорошо вооруженные суда. Их конструкцию предложил Педро Менендес Маркес, сын знаменитого испанского адмирала, создателя конвоев для сопровождения «золотого флота». Педро Менендес предложил новый тип судна, сочетавший в себе свойства галеры и фрегата. Такой корабль был вытянут по килю, имел небольшую осадку, был вооружен 20 пушками. Теперь сокровища грузились в Гаване прямо на эти суда, и они шли в Испанию без конвоя. Корабли нового типа были быстроходнее английских судов и в случае нападения могли уйти от врага.

Пока Дрейк занимался сухопутными делами, английские корсары особенно сильно разбойничали на морских просторах. Так, Томас Кавендиш привез из кругосветного плавания огромные богатства. Лондонский купец Джон Уатт на своих кораблях подстерег у Юкатана и захватил два испанских галиона из состава «золотого флота» с богатейшим грузом. Большую добычу привез граф Кумберлендский из экспедиции к Азорским островам. В 1589—1591 гг. 236 английских кораблей бродили по морям в поисках добычи. Было захвачено триста судов. Стоимость награбленного превышала в десять раз стоимость английского импорта.

В 1592 г. королева как будто начала менять к лучшему свое отношение к Дрейку. В начале года Уолтер Рэли был назначен командующим флотилией из шестнадцати судов, в число которых входили два корабля, принадлежавших королеве. Королева также передала экспедиции отряд солдат. Вице-адмиралом был назначен Роберт Кросс, а командиром сухопутных войск — Джон Бороу. Целью плавания были: высадка в Номбре-де-Диос, марш к Панаме и захват ее, т.е. повторение экспедиции Дрейка двадцатилетней давности. Но Рэли перед уходом в плавание самовольно изменил план, распорядившись отложить экспедицию, чтобы попытаться захватить «золотой флот», который должен был выйти из Вест-Индии в первую неделю августа. За свое самовольство Рэли был отстранен от командования флотилией, а затем посажен в Тауэр за тайную женитьбу на фрейлине королевы Бэсси Тракмортон. На его место

был назначен Фробишер. Это назначение было неудачным. Кросс и Бороу не желали служить под командой Фробишера. Взяв несколько судов флотилии, они поплыли к Азорским островам. Фробишер же с оставшимися судами пошел к мысу Сан-Висенти.

Со времени пребывания Дрейка положение там изменилось. Испанцы и здесь укрепили свои позиции. Фробишеру пришлось возвращаться домой с пустыми руками. Зато Кросса и Бороу ждала необычайная удача. Им удалось захватить огромный португальский каррак водоизмещением 1500 тонн, шедший из Ост-Индии с ценнейшим грузом, среди которого были драгоценные камни, золото, шелка и специи. Такой «приз» никому еще не доставался на протяжении столетия.

Когда в сентябре 1592 г. каррак был доставлен в Англию, то поползли слухи, что значительную часть захваченных сокровищ растащили. Королева, которая, как всегда, должна была получить львиную долю добычи, забеспокоилась и назначила трех уполномоченных для проверки положения на месте. В их число вошли Дрейк, Роберт Сесил, сын лорда Берли, и сын Джона Хокинса — Ричард. Дрейку не потребовалось много времени, чтобы убедиться в хищениях. Но, сговорившись со своими коллегами Сесилом и Хокинсом, он не стал преследовать виновных. Они ведь шли, по сути дела, по его следам. И Дрейк сообщил королеве, что им не удалось установить истину, поскольку «получить от матросов сведения, приводя их к присяге, значило бы нанести оскорбление Богу». Одновременно Дрейк сообщал Елизавете, что за вложенные ею в «предприятие» 3 тыс. ф. ст. она получит 90 тыс. ф. ст. из общей стоимости захваченного груза в 150 тыс. ф. ст. Королеву приятно порадовал невиданно большой размер дивидендов, и она не стала допытываться о первоначальной стоимости груза.

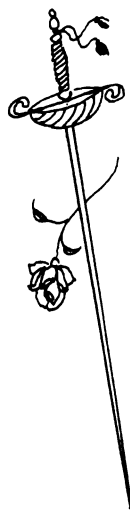
После того как королева вспомнила о Дрейке и дала ему столь деликатное поручение, начались разговоры, что Дрейк вскоре отправится в новое плавание. В Новый год Дрейк послал Елизавете подробный доклад о своем плавании в Номбре-де-Диос в 1572 г. В письме к королеве он

писал, что предпочел бы лучше вновь служить ей, чем рассказывать о прошлых подвигах. Дрейк начал подготавливать план экспедиции в Панаму. Но тревожные события заставили его на время забыть о плавании в испанскую Америку. Враг опять подходил к английским берегам. Испанские войска высадились в Бретани и захватили Брест. Елизавета вынуждена была действовать. Она послала против испанцев сухопутную армию под командованием Норреса и флот, которым командовал Фробишер. Дрейк был оставлен защищать Англию в случае вторжения неприятеля. В течение ноября 1594 г. английские войска выбили испанцев из Бретани, но понесли при этом тяжелые потери. Погиб и Фробишер. Непосредственная угроза Англии была устранена. Теперь Дрейк мог вернуться к своей идее нового плавания в Вест-Индию.

Королева одобрила план Дрейка, но включила в экспедицию Хокинса как напарника Дрейка. Она теперь не доверяла «своему пирату».

Дрейк хотел захватить Панаму, но королева в своей инструкции ограничила его действия лишь уничтожением кораблей в испанских портах и нападением на «золотой флот»¹. Корабли должны были вернуться в Портсмут в мае 1596 г. Королева передавала экспедиции шесть кораблей военно-морского флота и 2500 пехотинцев под командованием опытного офицера Томаса Баскервиля, принимавшего участие в недавних сражениях с испанцами в Бретани. Она давала также 30 тыс. ф. ст. Купцы лондонского Сити передали на организацию экспедиции 60 тыс. ф. ст. и снарядили 21 корабль.

29 августа 1595 г. корабли покинули Плимут. Флотилия была разделена на две эскадры, которыми командовали Дрейк и Хокинс. Еще до отплытия из Плимута определились два обстоятельства, очень осложнявшие успешное осуществление предстоящих операций. Первое заключалось в отсутствии единоначалия. Было два равноправных командующих — Дрейк и Хокинс, люди разных взглядов на ведение войны, резко отличавшиеся складом ума и темпераментом. Вторым было то, что сохранить в секрете это «предприятие» не удалось.

К тому же, когда был назначен состав военного совета, в который, кроме Дрейка и Хокинса, вошли Томас Баскервиль и капитаны кораблей, Хокинс подробно рассказал им план экспедиции. Он заключался в том, чтобы прежде всего идти в Пуэрто-Рико, уничтожить имевшиеся там корабли, захватить драгоценности, а уж потом направиться в Панаму. Это стало известно и экипажам.

9 сентября Дрейк собрал военный совет. В это время английские суда находились на широте Лиссабона. Дрейк предложил до того, как отправиться в Вест-Индию, напасть на какой-либо испанский или португальский порт в Южной Атлантике, чтобы пополнить запасы воды и продовольствия, а также нанести возможно больший ущерб находившимся там военным укреплениям и кораблям. Хокинс возражал, настаивая на прямом пути в Пуэрто-Рико. Между командующими началась перепалка. Тактичному Баскервилю пришлось немало потрудиться, чтобы потушить ссору. Вечером следующего дня заседание совета было продолжено, и предложение Дрейка, к большому неудовольствию Хокинса, было принято. Было решено идти к Канарским островам и атаковать Лас-Пальмас на острове Гран-Канария.

26 сентября эскадра встала на якорь в западной части гавани Лас-Пальмас в виду форта, расположенного над городом. Дрейк попытался спустить шлюпки с солдатами для захвата плацдарма на берегу, необходимого для последующей высадки основных сил. Это была его обычная тактика. Но высокая волна, с большой силой бившая о берег, не позволила это сделать. Дрейк сам на лодке попытался подойти к берегу, но все было тщетно. Хотя Дрейк и не побывал на берегу, его опытный глаз заметил большие перемены, происшедшие с тех пор, как он беспрепятственно хозяйничал в этих местах. Дрейк понял, что ему не захватить Лас-Пальмас.

Надо сказать, что первая встреча Дрейка с испанцами в этой экспедиции показала, что годы, безусловно, наложили свой печальный отпечаток на адмирала. Возможно, сказывался и возраст: Дрейку уже было за пятьдесят. Он действовал необычно для себя. Сильной его стороной

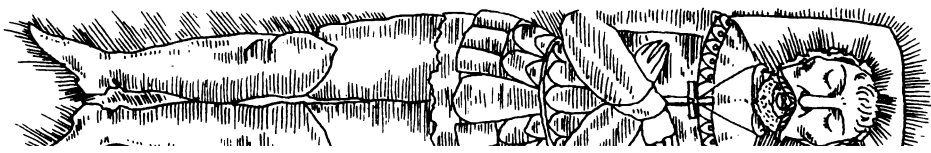
всегда была рассчитанная дерзость, неожиданность и точность удара, мастерская импровизация в ходе уже начавшегося сражения. В гавань Лас-Пальмас Дрейк вошел днем на виду всего города. Много времени потратил на бесплодные попытки высадиться на берег.

Дрейк, по всей вероятности, в душе согласился с тем, что на военном совете прав был не он, а Хокинс, предлагавший идти прямо в Пуэрто-Рико. Поэтому, когда Томас Баскервиль просил дать ему четыре дня для подготовки солдат, гарантируя захват города, Дрейк отказал ему. Заявив, что основной целью экспедиции является захват сокровищ в Пуэрто-Рико, Дрейк приказал поднять якоря и идти к юго-западной оконечности острова, где он предполагал запаруситься водой. Когда Дрейк высадил на берег небольшой отряд солдат, они были обстреляны. Семь человек были убиты, а один захвачен в плен.

К несчастью, он, как и многие в экспедиции, знал детали предстоящего плавания. На допросе он рассказал испанцам, что флотилия идет в Пуэрто-Рико. Губернатор острова немедленно послал одно быстроходное судно в Пуэрто-Рико, а другое в Испанию с сообщением о полученных сведениях. Судно, посланное в Пуэрто-Рико, пришло туда на неделю раньше английского флота. В Испании в это время стояла наготове эскадра под командованием адмирала Дельгадильо де Авелланеда. Получив сведения с Канарских островов, адмирал теперь отчетливо представлял себе маршрут экспедиции.

Дрейк, к большому удивлению своих спутников, не стал преследовать испанцев, а приказал взять курс на Гваделупу. Это тоже было совершенно не похоже на Дрейка. На кораблях начали шептаться: «Он уже не тот человек, каким был».

Через три недели, 27 октября, английская флотилия подошла к острову Доминика. Было решено не высаживаться на острове, а идти к Гваделупе, где можно было без помех пополнить запасы воды и дать отдохнуть командам судов. Флотилия разделилась. Эскадра под командованием Дрейка направилась к восточной части острова и встала там на якорь. Корабли, которыми командовал Хокинс,

подошли к западной части острова. В составе эскадры Хокинса было два небольших барка — «Фрэнсис» и «Удовольствие». Во время перехода они отстали от других судов. Неожиданно их атаковали пять испанских кораблей. Это были быстроходные суда новой конструкции, посланные Филиппом в Пуэрто-Рико забрать драгоценности с находившегося там поврежденного галеона. Испанцы захватили «Фрэнсис» и погнались за барком «Удовольствие», ушедшим к Гваделупе, к месту стоянки флотилии. Испанские суда не догнали британский барк, но они достигли большего. У Гваделупы испанцы увидели английский флот и со всей возможной скоростью направились к Пуэрто-Рико. В середине апреля губернатор Пуэрто-Рико Педро Суарес получил от Филиппа послание о выходе в Вест-Индию английского флота. Теперь командующий прибывших к острову фрегатов Педро Теллео де Гузман подтвердил это и, более того, сообщил, что английские корабли уже находятся на Антильских островах.

Корабли Дрейка подошли к Гваделупе 28 октября, корабли Хокинса — 29 октября, а барк «Удовольствие» — 30 октября. В тот же день капитан барка рассказал на военном совете о встрече с испанскими судами и пленении «Фрэнсиса». Все присутствовавшие на совете были очень встревожены этим сообщением. Теперь в Пуэрто-Рико узнают об их прибытии в Вест-Индию и постараются подготовиться к отпору. Дрейк предложил немедленно отправиться на перехват испанских фрегатов. Тогда они смогут подойти к острову неожиданно. Но Хокинс категорически возражал, настаивая на проведении тщательной подготовки к нападению на Пуэрто-Рико. Хокинс был тогда уже очень болен, и Дрейк не стал с ним спорить. Лишь 4 ноября корабли ушли с Гваделупы. Но и тогда флотилия не пошла прямо к Пуэрто-Рико. Англичане зашли к Виргинским островам и остановились у маленького островка этой группы. Остановка была объяснена необходимостью перераспределения людей на кораблях, а также тем, чтобы сбить с толку испанцев, нетерпеливо ожидавших их в Пуэрто-Рико. Дрейк использовал время, чтобы попытаться найти новый, неожиданный подход к Пуэр-

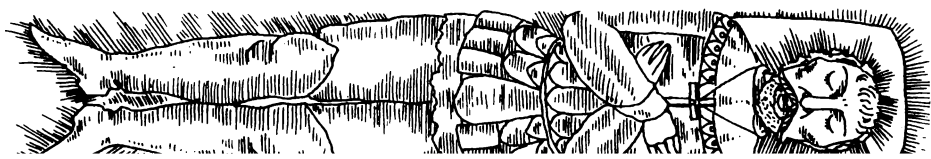
то-Рико. И он действительно нашел его. 11 ноября английские корабли снялись с якоря, а на следующий день утром появились у города Сан-Хуан.

За последние годы в городе были построены новые укрепления, значительно усилена артиллерия, увеличен гарнизон. Особенно мощной была крепость Морро, расположенная у выхода из гавани. До прихода англичан был собран военный совет, на котором было решено снять орудия с прибывших фрегатов и перенести их на берег для усиления артиллерийской обороны города. Экипажи фрегатов должны были защищать город на суше. Два фрегата пришлось затопить, чтобы блокировать вход в гавань. Женщины, дети и рабы были отправлены в глубь острова. Когда появилась английская эскадра, Сан-Хуан был готов к обороне, моральный дух защитников города был высок.

Англичан же с начала плавания преследовали неприятности. Они потерпели поражение на Канарских островах, потеряли судно у Гваделупы. Все время враги опережали их, успевая подготовиться к отражению удара. Не успели корабли бросить якорь у Сан-Хуана, как разнеслась весть о смерти Хокинса. Это явилось тяжелым ударом для всей флотилии. С именем Хокинса были связаны многие славные победы английского флота, его популярность была очень велика. К тому же на кораблях узнали, что, умирая, Хокпнс выразил сомнение в успехе экспедиции и потому завещал передать из своих средств 2 тыс. ф. ст. королеве в компенсацию ее возможных потерь. На Дрейка Хокинс не сердился и даже оставлял, как он писал в завещании, «моему дорогому кузену сэру Фрэнсису Дрейку мой лучший бриллиант и крест с изумрудом».

Теперь Дрейк готовился к штурму города. Когда он обедал с несколькими офицерами в своей каюте, туда попало испанское ядро, убило двух офицеров, сидящих рядом с адмиралом, и выбило стул, на котором он сидел. Выбежав из разрушенной каюты, Дрейк приказал кораблям отойти на безопасное расстояние.

На следующее утро испанцы увидели, что английская флотилия расположилась к западу от гавани, укрывшись

за двумя небольшими островками. В течение всего дня английские корабли не подавали признаков жизни. Дрейк вновь обдумывал план нападения. Он понял, что ошибался, полагая, что оборона испанцев осталась на том же уровне, что и во время его предыдущего плавания в Вест-Индию.

Дрейк решил сначала атаковать испанские фрегаты, стоявшие в гавани. Ночью он с отрядом солдат на 25 шлюпках и пиннасах подошел к испанским кораблям. Ему удалось зажечь четыре фрегата. Но, загоревшись, они ярко осветили гавань и дали возможность береговой артиллерии обстреливать английские корабли. Потеряв несколько шлюпок и 50 солдат, Дрейк отступил.

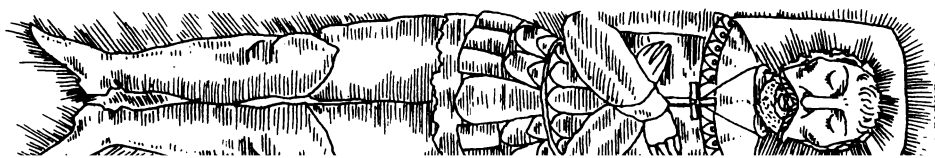
Опытный Педро Теллео, командовавший испанскими кораблями, не сомневался, что Дрейк так просто не уйдет, что он еще будет пытаться захватить город. Поэтому дон Педро приказал затопить две тяжело груженные шлюпки и фрегат при входе в гавань. Когда Дрейк на другой день обнаружил это, он понял бесполезность попыток проваться к городу. Собрав на своем флагманском корабле военный совет, Дрейк предложил высадить войска, которые будут штурмовать Сан-Хуан с суши, в наиболее слабо укрепленных местах.

Томас Баскервиль отверг этот план, сказав, что город укреплен значительно сильнее, чем укреплялись раньше испанские города в Америке. Его защищает гарнизон, состоящий из профессиональных солдат, а не из наскоро вооруженных мирных жителей, как это бывало в прежние времена. Дрейк не настаивал на своем предложении.

Ночью английские корабли ушли из Сан-Хуана. Утром жители города увидели опустевшее море. Педро Теллео тут же послал быстроходное посыльное судно в Санто-Доминго и Гавану предупредить о появлении английского флота. Дрейк повел свои корабли на запад, и 19 ноября его флотилия остановилась у залива Святого Германа. Там англичане провели неделю, отдыхая, охотясь, пополняя запасы продовольствия и воды, ремонтируя суда и пиннасы. Затем флотилия пошла к югу, к берегам Панамы.

18 декабря Дрейк был у Рио-де-ла-Хача. Баскервиль без труда овладел городом. Все жители скрылись в лесах, унеся с собой наиболее дорогие вещи и спрятав их в укромных местах. Но солдаты с помощью беглых рабов отыскали большинство этих кладов и забрали ценности. Пока солдаты Баскервиля рыскали в окрестностях Рио-де-ла-Хача, Дрейк отправился в находящуюся недалеко от города деревню, население которой занималось добычей жемчуга. Там опять-таки с помощью беглых рабов он отыскал место, где был спрятан жемчуг, и захватил его. Большие ценности нашел он и в селении Ранчерия. Вернувшись в Рио-де-ла-Хача, Дрейк начал переговоры с губернатором о выкупе за то, что англичане не уничтожают город. Губернатор всячески сопротивлялся. Видя, что губернатор платить не намерен, Дрейк разрушил все здания, за исключением церкви и одного из домов, хозяйка которого очень упрашивала адмирала сохранить его. После этого Дрейк направился к Санта-Марита, где его люди, тщательно обшарив все закоулки, не нашли ничего ценного.

Через неделю английская эскадра бросила якорь в Номбре-де-Диос. И здесь Дрейка поджидали неприятные новости. Он надеялся встретить своих бесценных помощников-маронов, но не нашел их. Вскоре после попытки Джона Оксенгема в 1576 г. поднять их против испанцев колониальные власти жестоко расправились с маронами, уничтожив их поселения. Сам город был пуст, и англичане не нашли там драгоценностей. Номбре-де-Диос давно перестал быть «сокровищницей мира», как называл его когда-то Дрейк. Теперь драгоценности направлялись в новый порт Пуэрто-Белло, находящийся в двадцати милях к западу. Дрейк послал отряд под командованием Баскервиля к дороге, по которой перевозились сокровища из Панамы. Но и здесь англичане встретили много нового. У дороги в разных местах находились сильные укрепления, на самой дороге были устроены завалы. Все это англичане узнали не сразу, а проделав тяжелый трехдневный путь. Все время шел дождь, размывший дорогу. С большим трудом отряд прошел в первый день десять, а во второй восемнадцать миль. На половине пути находилась станция, на которой меняли

лошадей и мулов во время перевозки сокровищ. Но, подойдя к ней, англичане увидели лишь руины. Станция была сожжена.

На третий день, пройдя две мили, англичане наткнулись на укрепление, сооруженное под руководством приглашенного на испанскую службу итальянского инженера Хуана Батиста Антонелли. Укрепление скрывалось в чаще тропического леса и было совершенно незаметно. К нему вела дорога, по которой шел отряд. Другой дороги вообще не было. Неожиданно путь преградил завал. Когда англичане попытались разобрать его, то были обстреляны из мушкетов невидимым противником. Ответить они не могли, так как порох и спички основательно промокли. Потеряв несколько человек убитыми, англичане вынуждены были отступить. Баскервиль узнал, что впереди по дороге к Панаме расположено еще несколько таких укреплений. Ничего не оставалось, как повернуть назад.

После возвращения отряда Дрейк 14 января 1596 г. собрал военный совет на борту флагманского корабля. Надо было решить, что делать дальше. От пленных испанцев и беглых рабов Дрейк знал, что все наиболее крупные порты Вест-Индии, предупрежденные о его появлении, подготовились к обороне. Адмирал сидел во главе стола, обложенный картами и книгами. Он говорил о великом городе Гондурасе и о поселениях на берегу озера Никарагуа, где, как говорят легенды, улицы вымощены золотом. Он не видел этих мест, но читал о них в книгах, пояснил Дрейк присутствующим на совете. «Так куда мы пойдем, — спросил адмирал, — в Гондурас или Никарагуа?» — «В оба места!» — ответил за всех Томас Баскервиль.

Дрейк приказал сжечь Номбре-де-Диос, потопить 14 небольших фрегатов, стоявших в порту, погрузить на корабли двадцать ящиков с серебром и немного золота — все, что удалось найти в Номбре-де-Диос. 15 января флотилия вышла в море. 20 января Дрейк подошел к острову Эскудо-де-Верагуа, расположенном к западу от Номбре-де-Диос. Там англичане захватили испанское посольное судно, от команды которого узнали, что знаменитые

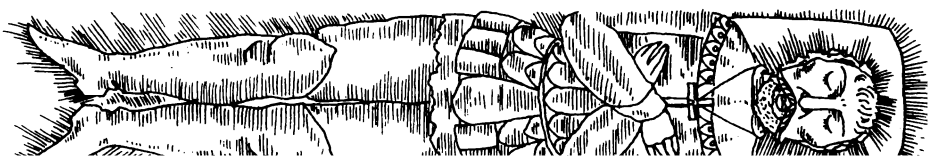
города, о которых рассказывал Дрейк, бедны и путь к ним очень труден из-за многочисленных отмелей и рифов. Но все равно англичане не смогли бы выйти в плавание. Все время дули неблагоприятные ветры. Продовольствие на кораблях кончалось. Место, где они остановились, было очень нездоровым. На судах начались заболевания лихорадкой и дизентерией. Люди умирали. Дрейк и сам заболел дизентерией. На двенадцатый день он решил положить-ся на судьбу и приказал поднять якоря и «ловить тот ветер, какой Бог пошлет».

Ветры погнали корабли назад к Номбре-де-Диос. Дрейк слабел с каждым днем. Он уже не покидал своей каюты. Но воля его не была сломлена. «Господь имеет много средств, чтобы спасти нас, — говорил Дрейк своим спутникам, — и я знаю много способов отлично послужить ее величеству и сделать нас богатыми, мы должны найти золото до того, как увидим Англию»².

В ночь на 28 января, почувствовав приближение смерти, Дрейк с большим трудом оделся, попросил своего слугу Уайтлока помочь ему облачиться в доспехи, чтобы умереть достойно солдата. На рассвете 28 января 1596 г. Дрейк скончался. Через несколько часов флотилия подошла к Номбре-де-Диос.

Командование флотом принял Томас Баскервиль. Тело Дрейка было положено в свинцовый гроб. Под грохот салюта гроб был опущен в воду залива в нескольких милях от берега, «почти в том месте», сообщали потом участники плавания, «откуда адмирал начинал свой путь к всемирной славе». В том же месте были затоплены два корабля флотилии и несколько захваченных испанских судов — как дань особого уважения к памяти Дрейка.

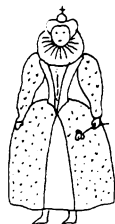
Баскервиль не стал медлить с возвращением на родину. Он получил сведения, что испанская эскадра под командованием адмирала Дельгадильо де Авелланеда ждала английские корабли у берегов Кубы. Баскервиль хотел избежать встречи с испанскими судами, но это не удалось. Встреча произошла к югу от острова. Сражение длилось три часа. Англичане заставили испанцев отойти и продолжали свой

путь. Баскerville привел свои корабли в Плимут в конце апреля 1596 г., точно выполнив обещание, данное Дрейком королеве.

Сообщение о смерти Дрейка быстро распространилось по всей Испании. Севилья горела огнем иллюминаций. Филипп, в ту пору постоянно болевший, сказал, что, узнав о смерти Дрейка, он почувствовал себя так хорошо, как никогда со времени Варфоломеевской ночи.

А шел уже май 1596 г. До конца столетия оставалось меньше пяти лет. Уходил XVI век, а с ним уходило навсегда морское владычество Испании.

Трижды вокруг света

Глава первая С буханьерами в Панаму

Летом 1680 г. отряд англичан пробирался сквозь джунгли Панамского перешейка. Некоторые из путников были одеты в выцветшие красные камзолы кромвелевской «новой армии», с треуголками на головах. Все были обвешаны патронташами и несли на плечах длинные мушкеты. Среди них находился молодой человек Уильям Дампир. Это был типичный представитель своего века. Не только жажда наживы, но и неистребимая любознательность толкали его в далекие страны, о которых европейцы мало что знали.

Тогда Дампир был еще никому не известен, но через семнадцать лет Европа уже хорошо знала о нем. Благосклонные к нему люди называли его «знаменитый капитан Дампир», а недоброжелатели — «страшный капитан Дампир». Одно его имя наводило страх на испанские власти в Южной Америке, подобно имени Дрейка столетием раньше. Он сделался столь же известным морским разбойником, что и Д. Коксон, Р. Соукинс, Б. Шарп, Э. Дэвис и др.

Но в отличие от них Дампир был и известным автором. Его первая книга «Новое путешествие вокруг света» стала бестселлером XVIII в. Она многократно переиздавалась не только на английском, но и на других европейских языках. Факсимильное издание книги вышло в XX в.

После выхода книги в свет Дампир был избран в Британское королевское общество, свел знакомство с выдающимися учеными своего времени и государственными деятелями.

За первой книгой последовали еще две — «Путешествия и описания» и «Путешествие в Новую Голландию». В наши дни ученые, особенно метеорологи, ботаники, зоологи, историки и этнографы, находят для себя много интересного в работах Дампира.

В капитальном труде адмирала Д. Барни «Хронологическая история открытий в Южных морях», вышедшем в Лондоне в начале XIX в., давалась следующая оценка исследовательской деятельности Дампира: «Трудно назвать имя какого-либо другого исследователя или путешественника, который дал бы такое полезное описание мира, кому купец или моряк были бы столь же многим обязаны или кто передал бы свои сведения более простым и понятным языком. И это он сделал с замечательной скромностью, одинаково свободной от жеманства и от каких-либо выдумок»¹.

На портрете, висящем в Национальной галерее в Лондоне, Дампир изображен держащим в руке роскошно изданный том своей книги «Новое путешествие вокруг света». С портрета смотрит на зрителя худощавый человек с острым, пронизательным взглядом. Под портретом подпись: «Уильям Дампир — пират и гидрограф». Если первое правильно, то второе нуждается в уточнении. Его исследования относились не только к гидрографии, но и к естественным наукам. Дампир был также выдающимся мореплавателем, сделавшим важные открытия, навсегда увековечившие его имя на географических картах.

Парадоксально, но личная жизнь этого знаменитого человека осталась во многом неизвестной. Не сохранилось даже таких сведений, как даты его рождения и смерти.

Человек, всю свою сознательную жизнь проведший в море, родился в глухой деревушке Ист-Кокер, в Сомерсетшире. Точная дата его рождения, как уже говорилось, неизвестна, крещен же он был 5 сентября 1651 г.

Его отец, Джордж Дампир, был мелким арендатором. Он умер, когда Уильяму было семь лет. Еще через семь лет

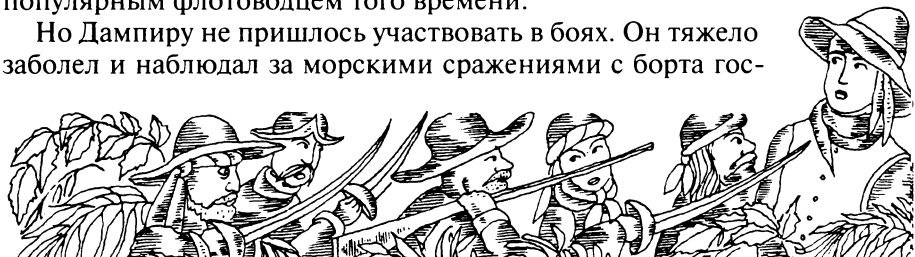
Уильям потерял мать. У Дампиров было четверо сыновей, но о братьях Уильяма, кроме старшего — Джорджа, ничего не известно, вероятно, они умерли в раннем возрасте.

Местный землевладелец, полковник У. Хеляр, взял на себя заботу об образовании Уильяма, послав его в школу соседнего городка. Но Уильям быстро закончил свое школьное образование. По его словам, он немного научился латыни, письму и арифметике и скоро оказался на борту корабля, «удовлетворяя свою рано возникшую страсть видеть мир». Очевидно, Уильям обладал незаурядными способностями, ибо за недолгий срок своего ученичества овладел латинским языком (впоследствии во время своих путешествий он бегло объяснялся на латыни с католическими священниками, встречавшимися ему в заморских землях), хорошо изучил математику и ботанику. К последней Уильям проявлял с детства особенно большой интерес. Еще живя в родной деревушке, он внимательно наблюдал, как работали местные крестьяне-арендаторы. «Я был знаком с ними со всеми, — писал Дампир впоследствии, — знал, что каждый из них производит, а именно: пшеницу, ячмень, фасоль, горох, овес, лен, коноплю; обо всем этом я знал больше, чем обычно знают в столь юном возрасте, получая особое наслаждение от наблюдения за растениями»².

Свое первое плавание Дампир совершил во Францию, а затем занимался рыболовным промыслом в водах Ньюфаундленда. Но ему не понравился холодный климат Северной Атлантики, где, как он говорил, его «щипал мороз», и в дальнейшем Дампир плавал преимущественно в районе тропиков. Затем Дампир плавал на Яву и возвратился оттуда в 1672 г., за несколько месяцев до начала третьей войны с Голландией.

Когда война кончилась, Дампир записался в команду военного корабля «Ройял Принс». Это было флагманское судно адмирала Эдварда Спрейджа, одно из лучших в британском военно-морском флоте, а сам адмирал был весьма популярным флотоводцем того времени.

Но Дампиру не пришлось участвовать в боях. Он тяжело заболел и наблюдал за морскими сражениями с борта гос-

питального судна. Затем Дампир был переведен в морской госпиталь. Из госпиталя он, «продолжая чахнуть», поехал в родное селение к старшему брату.

Очевидно, в то время Дампир, несмотря на желание видеть мир, сильно разочаровался в морской службе, познав ее тяготы. Действительно, морская служба и в наши дни дело нелегкое, три же столетия назад она была поистине каторжной.

Современник Дампира, бывалый моряк, ветеран двух войн с Голландией Эдвард Берлоу следующим образом описывал в своем дневнике тогдашнюю жизнь моряка: «Я постоянно думаю, что у нищих жизнь гораздо лучше моей, поскольку они реже остаются с пустыми желудками, чем мы; и по ночам лежат в покое и безопасности в крепком сарае, полном соломы, никто не беспокоит их, они могут спать, сколько им хочется; это прямо противоположно нашему положению, ибо мы не чаще раза в месяц бываем действительно сыты... и ночью, когда отдыхаем, не можем спать больше четырех часов, а часто, когда сильно штормит, нельзя рассчитывать и на час отдыха; нас нередко будят, не дав поспать и полчаса, заставляют взбираться на мачты полусонными, в одном башмаке, потому что другой некогда было надеть; мы всегда спим в одежде, чтобы быть наготове; в штормовую погоду, когда корабль вздымается и падает, подобно огромному жернову, перекатываемому с холма на холм, мы должны, привязавшись канатом, чтобы не упасть за борт, взбираться на мачты и быстро поднимать паруса, не видя ничего, кроме неба над собой и волн внизу, так страшно бушующих, что любая из них, кажется, может стать могилой для нас»³.

Поэтому, когда У. Хеляр, получивший после недавно умершего брата сахарную плантацию на Ямайке, предложил Дампиру поехать туда в качества его агента, тот охотно согласился.

В июне 1674 г. корабль, на котором находился Дампир, достиг Ямайки. Приступив к работе, Дампир вскоре понял, что должность агента владельца плантации, в сущности, ничего не значит и не дает ему независимого положения среди других служащих. Всеми делами единолично распо-

ряжался управляющий Уильям Уэйли, человек деспотичного нрава. Уэйли отказался признать какие-либо права за «тщеславным молодым человеком», как он называл Дампира. Последний в свою очередь не стал подчиняться управляющему. Такое ненормальное положение тянулось девять месяцев и кончилось изгнанием Дампира с плантации. Объясняя свои действия, Уэйли не без оснований писал Хеляру, что Дампир по своему характеру «человек слоняющийся, не склонный долго задерживаться на одном месте... К тому же, я думаю, он понимает в морской службе и до сих пор мечтает о ней»⁴.

Уйдя от Уэйли, Дампир поступил на торговое судно, совершавшее плавания вдоль побережья Ямайки, перевозя грузы с плантаций в Порт-Ройял. За полгода службы на этом корабле Дампир хорошо познакомился с побережьем острова, особенностями мореходства в этом районе.

В апреле 1675 г. Дампир отправился в Гондурас, где решил заняться заготовкой древесины на экспорт. Он поселился в районе Уан-Буш-Кей у лагуны Терминос, недалеко от острова Трист. Залив Кампичи находился между северным берегом Юкатанского полуострова и мексиканским побережьем в районе Веракрус. Побережье залива, называвшееся Москито-Кост, представляло собой пустынную заболоченную местность, покрытую кустарником. Единственными жителями были мароны — так в Вест-Индии называли рабов, бежавших с испанских плантаций. Появлялись здесь и европейцы, которые должны были по разным причинам скрываться от колониальных властей.

Прибытие корабля с Ямайки с грузом вина и сахара было большим событием для местных жителей. Позднее Дампир писал: «Я два или три раза заходил в их жилища, где меня и тех, кто был со мной, сердечно встречали, угощали свининой с горохом или говядиной». Дампир решил, что эти неприхотливые, рассудительные люди будут хорошими работниками в задуманном им предприятии. Он возвратился в Порт-Ройял, купил топоры, пилы, тент и ружье, а затем отправился назад и энергично принялся за дело. Непоседливый от природы Дампир постоянно сопровождал партии лесорубов в их экспедициях. При этом он вни-

мательно приглядывался ко всему новому, что встречалось ему в пути, записывая свои наблюдения в дневник, который вел постоянно.

Через много лет Дампир использовал эти записи в приложениях к книге о своем кругосветном плавании. В них он рассказывал читателям о встречавшихся ему удивительных животных и птицах, о которых англичане никогда не слышали: ленивцах, аллигаторах, гиппопотамах, колибри и др. Вот, например, как описывал Дампир неизвестный ему вид обезьян: «Обезьяны здешних мест самые безобразные из мною виденных. Они намного крупнее зайца, хвост у них длинный — два с половиной фута... Эти создания держатся вместе группами по 20—30 особей и носятся по всему лесу, перескакивая с дерева на дерево. Если им встречается одинокий путник, они нападают на него. Когда я бывал один, то боялся стрелять в них, особенно в первое время. Они большими группами перескакивали с дерева на дерево прямо над моей головой, поднимая страшный шум, уморительно гримасничая и жестикулируя. Некоторые из них ломали сухие ветки и бросали в меня. Наконец одна из самых крупных обезьян забралась на сук почти над моей головой и прыгнула прямо на меня, заставив отскочить в сторону. Но обезьяна зацепилась за сук кончиком своего хвоста и продолжала раскачиваться взад и вперед, скаля зубы. Я поспешил прочь от них, а обезьяны преследовали меня, пока я не добрался до нашего жилища»⁵.

В дневниковых записях Дампира мы находим рассказ о событии, разрушившем все его надежды заработать достаточно денег на приличную жизнь на родине: тайфун в июне 1676 г. уничтожил все, чем Дампир владел в Уан-Буш-Кей. Тайфун смел все постройки, и даже суда, стоявшие на якоре, были сорваны и выброшены далеко на берег.

Проведя три года в заливе Кампичи, Дампир в 1678 г. вернулся в Англию, купил участок земли и женился на девушке по имени Юдифь (фамилии ее история не сохранила). Он расстался с женой через несколько месяцев и, по-видимому, больше ее никогда не видел. Детей у них не было.

Вернувшись на Ямайку в 1679 г., Дампир познакомился с неким Хобби, который посоветовал ему продать землю

в Англии и начать совместные торговые операции в Москито-Кост. Они отправились туда на судне «Лойял Мерчант». Но, зайдя по пути в один из портов на западном побережье Ямайки, обнаружили там скопление пиратских судов.

В те времена остров Ямайка был одним из главных пиратских гнезд. Поскольку в дальнейшем жизнь Дампира на долгие годы будет связана с людьми этой «профессии», то необходимо хотя бы кратко охарактеризовать само понятие пиратства, его разновидности.

Пиратством называется морской разбой, совершаемый, как правило, частными лицами. «Классические» пираты, которые ассоциируются у нас с героями «Острова сокровищ» Р.-Л. Стивенсона, нападали на все попадавшиеся им корабли, включая суда, принадлежавшие их соотечественникам. Этот вид пиратства расцвел на закате жизни Дампира. А в дни его молодости и зрелости было распространено пиратство, находившееся под покровительством правительств и направленное против судов вражеских стран. По-итальянски этот вид пиратства называется корсарством, по-голландски — каперством, по-английски — приватиризмом. Был еще один вид пиратства, весьма распространенный в XVII в., особенно в Вест-Индии, — буканьерство. Буканьеры, так же как и приватиры, каперы и корсары, старались иметь какой-то документ, удостоверяющий «законность» их «деятельности». Но документы (каперские свидетельства), которыми они вооружались для оправдания своего грабительского промысла, были по большей части весьма сомнительного свойства, полученными за взятку у местной колониальной администрации (английской, французской или голландской), зачастую просроченными или вообще не имевшими никаких дат.

Буканьеры действовали в Карибском море и вдоль берегов Южной Америки. Само название «буканьерство» происходит от испанского слова «буканьес». Так называлось поджаренное особым способом мясо в западной части Эспаньолы. Приготавливали его селившиеся там охотники. Ими были бежавшие с плантаций служащие-европейцы. Вначале это были французы, затем голландцы и, нако-

нец, англичане (после того, как Англия приобрела владения в районе Карибского моря).

Эти вольные охотники Эспаньолы скоро сообразили, что они гораздо скорее обогатятся, если будут нападать на испанские суда, следующие из Центральной Америки на Кубу.

Остров Тортуга на северо-западе от Эспаньолы и район у мыса Тибурон сделались главными базами буканьеров. Командовали отрядами буканьеров избранные ими предводители, отличавшиеся храбростью и мореходным искусством. По большей части это были люди крутого нрава, жестокие и алчные. Вначале жили они под вымышленными именами, но во времена Дампира их настоящие имена получили широкую известность. Существовал и своеобразный «дисциплинарный кодекс» у этой карибской вольницы, твердые правила дележа добычи — в строгой зависимости от внесенного каждым «вклада». Существовала и своего рода страховка за увечья, полученные в бою. На современные деньги это выглядит примерно так: 1200 ф. ст. за потерю правой руки, 1000 — левой, 200 — глаза.

Буканьеры считали себя наследниками тех, кто столетие назад начал борьбу против испанского господства на морях, объявив, что «нет мира за линией». Имелась в виду линия раздела мира между Испанией и Португалией. Тордесильяский договор был официально отменен в 1777 г., но уже с самого начала европейские державы не признавали его. Другое дело, что они вынуждены были считаться с преобладающей морской силой пиренейских держав и до поры до времени воздерживались от вооруженной борьбы, хотя и продолжали организовывать собственные заморские экспедиции.

Испания по-прежнему, как и в дни правления Елизаветы Английской, считала Атлантический и Тихий океаны «испанскими озерами». Как и столетие назад, Англия и другие европейские державы отказывались признавать претензии Испании. Поэтому буканьерство процветало.

Во время войны с Испанией в 1655 г. Англия захватила Ямайку. В рядах британской экспедиционной армии, захватившей Ямайку, находился некий Генри Морган,

оставшийся на жительство в столице колонии Порт-Рой-яле. Вскоре он стал предводителем первого английского отряда буканьеров в Карибском море. История похождения Моргана и «подвиги» его сподвижников были описаны одним из участников походов Моргана, Джоном Эксквемелином, в книге «Буканьеры Америки», опубликованной в 1684 г. Книга имела громадный успех, была переведена на многие европейские языки, неоднократно переиздавалась. Лишь в 1724 г. вышла книга о буканьерах, получившая еще большую популярность. Она была написана неким капитаном Джонсоном и называлась «Общая история разбоя и убийств, совершенных наиболее известными пиратами».

Главное действующее лицо обеих книг — Генри Морган — был человеком действительно незаурядным. Он был не только предводителем шайки буканьеров, но и «полковником и адмиралом», руководившим армией, захватившей Портобелло на атлантическом побережье Панамы и Маракайбо в Венесуэле. В 1671 г. Морган во главе отряда из 1846 человек пересек Панамский перешеек, выйдя на тихоокеанское побережье и создав прецедент для следующей экспедиции буканьеров через восемь лет, в которой участвовал Дампир. Отрядами буканьеров, принимавшими участие в этой экспедиции, командовали его ближайшие сподвижники: Роберт Соукинс, Джон Коксон и Бартоломей Шарп.

Поход отряда Моргана в Панаму произошел в период сближения Англии с Испанией. Английское правительство должно было как-то реагировать на действия своих подданных в испанских заморских владениях. Морган был посажен в Тауэр. Но вскоре англо-испанские отношения опять обострились. Морган был прощен, возведен в дворянство и отправлен на Ямайку в качестве заместителя губернатора колонии. Помимо всего прочего, английское правительство, давая Моргану высокий пост в колониальной администрации, по-видимому, руководствовалось старым принципом «заставить вора ловить воров». Действительно, Морган жестоко преследовал своих бывших «товарищей по оружию», которых он теперь называл не иначе как «хищным

сбродом». Сам же Морган открыто воспользовался плодами своей прошлой «деятельности». Его состояние составляло на нынешние деньги почти 1 млн ф. ст. Жил он в богатом имении. Морган сделался настолько респектабельным, что писал в одном из писем: «Я испытываю отвращение к кровопролитию, и меня очень огорчает, что за короткий период управления колонией я так часто был вынужден приговаривать преступников к смерти». Но респектабельность не мешала ему пьянствовать. Ко времени появления Дампира на Ямайке Морган, тогда уже генерал-губернатор колонии, окончательно спился. В 1688 г. его врач описывал «великого буханьера» «тощим, болезненного вида человеком с мутными желтоватыми глазами и вздутым животом». В том же году Морган умер. В одном из своих последних писем в Лондон он предупреждал правительство, что «вырвать с корнем буханьерство будет не легче, чем ликвидировать грабителей на королевских дорогах Англии».

Встреченные Дампиром на Ямайке буханьеры (их было 477 человек) возглавлялись, как уже говорилось, наиболее известными сподвижниками Моргана: Соукинсом, Коксоном и Шарпом. В их распоряжении было девять судов. Команда «Лойял Мерчант» вступила в ряды к буханьерам. «И тогда, — писал впоследствии Дампир, — я решил, что будет проще примкнуть к ним». Дампир думал, что плавание с буханьерами будет коротким эпизодом. Но оно оказалось путешествием вокруг света, растянувшимся более чем на двенадцать лет.

Первой целью буханьеров было разграбление Портобельо. Начали они успешно. Было захвачено 500 ящиков с индиго, грузы с какао, кошенилью, черепаховыми панцирями, серебром. Буханьеры продолжали грабеж, не встречая сопротивления. Но сколько-нибудь значительных богатств они не захватили. При дележе каждый получил добычу стоимостью лишь в 10 ф. ст. Тогда буханьеры решили повторить поход Моргана 1671 г.: пересечь Панамский перешеек и разграбить Панаму.

5 апреля 1680 г. отряд буханьеров, сократившийся до 331 человека, на семи судах подошел к перешейку. Бу-

каньеры устремились в глубь перешейка, намереваясь захватить город Санта-Мария. Этот город имел важное значение. Здесь останавливались караваны мулов, везшие драгоценные металлы из Панамы, куда они морским путем доставлялись из Перу. Драгоценности перегружались там на свежих мулов, которые перевозили их через горы на восточное побережье перешейка. Там драгоценности грузились на галионы, идущие в Испанию. Город Санта-Мария охраняли 400 солдат.

Буканьеры и здесь остались верными себе и раздобыли «документ», удостоверявший «законность» их действий. В данном случае это была бумага, выданная им «богатым монархом Вест-Индии императором Дарина»*. Этим императором был предводитель местных маронов, беглый раб почтенного возраста, с огромным золотым диском, подвешенным к носу. У него был сын, которого называли Золотая Шапка за то, что он носил медный шлем, захваченный у испанцев. Золотая Шапка со своими людьми примкнул к буканьерам, и они оказывали англичанам большую помощь в качестве проводников.

Буканьеры шли, разбившись на группы. Авангард вел Бартоломей Шарп. Предводителем всего отряда был избран Джон Коксон. «Собираясь в поход, каждый из нас взял французское ружье и около 20 фунтов пороха; что касается провизии, то у нас была порченная мука, из которой мы пекли лепешки». Так писал в своем дневнике один из участников этого похода, моряк из Новой Англии Джон Кокс. Любопытно отметить, что дневники вели еще пятеро участников похода, в том числе и Шарп. Часть этих дневников была опубликована еще при жизни их авторов, другие дошли до нас в рукописном виде. В числе опубликованных были записки двух приятелей Дампира — Базиля Рингроуза и Лионеля Уофера, врача по образованию.

Буканьеры без труда захватили Санта-Марию, так как, узнав об их появлении, испанский гарнизон ушел оттуда и увез сокровища. Буканьеры ни разу не наткнулись на испанские гарнизоны на всем своем пути к тихоокеан-

* Поселение на атлантическом побережье Панамского перешейка.

скому побережью — так умело их вели помогавшие им мароны.

Англичане вышли к Тихому океану в районе Панамского залива. Там группа Шарпа захватила испанский барк. Коксон с отрядом из 68 человек на каноэ, предоставленных им маронами, пройдя 50 миль вдоль берега залива, встретил испанские суда, охранявшие подходы к побережью у строившегося города, который должен был заменить старую Панаму, разрушенную Морганом.

Буканьеры атаковали самый большой корабль — 400-тонный «Сантиссима Тринидада» — и захватили его после кровопролитной схватки, в которой 18 буканьеров и 61 испанец были убиты. Буканьеры назвали захваченный корабль «Тринити» и пошли на нем на соединение с группой Шарпа. Но среди буканьеров поползли слухи, что Коксон проявил трусость в битве с испанцами. Опасаясь расправы, Коксон с несколькими десятками верных ему людей покинул корабль и пошел обратно, унеся с собой отрядный ящик с медикаментами. После ухода Коксона предводителем отряда был избран Соукинс. Ему удалось захватить испанский корабль, на борту которого было более 100 тыс. ф. ст., 2 тыс. кувшинов вина и 50 бочонков пороха. Буканьеры теперь почувствовали себя достаточно сильными, чтобы потребовать выкупа у властей Панамы. Но испанский губернатор отказался вступать в переговоры до тех пор, пока Соукинс не покажет официального документа. Соукинс ответил письмом следующего содержания: «Наша компания еще не вся собралась, а когда соберется, мы навестим губернатора в Панаме и принесем удостоверения на дулах наших ружей, и он их прочтет при вспышках выстрелов».

Однако дерзкое письмо не произвело впечатления на губернатора. После нескольких небольших стычек с испанцами, в ходе которых обе стороны захватили пленных, губернатору было направлено второе письмо с требованием выкупа. Оно также было отвергнуто. Более того, губернатор в своем ответном письме угрожал повесить пленных буканьеров на городских стенах. Соукинс ответил:

«Мы подойдем на кораблях к вашим стенам, чтобы вы могли получить удовольствие видеть пленных испанцев повешенными на реях. Мы хотим поставить вас в известность, что являемся начальниками над всеми Южными морями. Итак, решайте, стоит ли заставлять нас нетерпеливо ждать вашего решения о жизни или смерти наших людей, находящихся у вас в плену. Если вы решите убить их, то непременно получите головы пленных испанцев в понедельник утром.

Начальствующие над всеми Южными морями»⁶.

Но и эта угроза Соукинса не возымела действия. Тогда буканьеры решили повернуть на юг и искать более легкую добычу. Вскоре Соукинс, а также другой бывший сподвижник Моргана — Харрис — были убиты в стычках во время рейдов в прибрежные районы. Предводителем был избран Шарп.

Отдохнув на острове Горгона, буканьеры решили идти к городу Арика на перуанском побережье, который в свое время разграбил Фрэнсис Дрейк. В этот город доставлялось серебро, добытое в рудниках Перу. Но буканьеров ждала неудача. Городские власти, получив известие о появлении в перуанских водах англичан, надежно спрятали все сокровища, находившиеся в городе. По той же причине буканьеры не нашли ничего ценного для себя и в других прибрежных городах.

Идя на юг, буканьеры решили провести Рождество на острове Хуан-Фернандес, находившемся в нескольких сотнях миль от побережья Чили. Это было очень удобное место для отдыха. Достоинства острова впервые были описаны Шарпом в навигационных инструкциях, приложенных к атласу Южных морей. Шарп указывал на умеренный здоровый климат, плодородную почву, холмы, поросшие лесом, который мог быть использован в корабельном деле, наличие пресной воды, дичи. Остров был необитаем. «Если его заселить, — замечал Шарп, — то он будет представлять большую выгоду для англичан в торговле с испанцами в мирное время, а во время войны может служить перво-классной военно-морской базой»⁷.

Буканьеры были недовольны Шарпом. Он обещал дать каждому по 1 тыс. ф. ст. и не сдержал своего слова. Поэто-

му, когда все вино было выпито и закончилась мушкетная пальба в честь Рождества, буканьеры переизбрали предводителя. Им стал Джон Уотлинг.

Буканьеры решили повернуть на север и попытаться захватить Арику. Но их опять ждала неудача. В стычке с испанцами погиб Уотлинг. Большинству казалось, что в создавшейся обстановке единственно разумным было бы возвращение Шарпа к руководству отрядом. Он по крайней мере мог управлять «Тринити». Но меньшинство, состоявшее из 44 человек, включая Дампира и Уоффера, заявили, что это «неправильный выбор», ибо Шарп не может быть предводителем «ни с точки зрения его отваги, ни манеры поведения». Они забрали три лодки и решили идти на них к Панамскому перешейку, для чего надо было преодолеть 600 миль морского пространства. Руководителем группы стал Джон Кук, по словам Дампира, «разумный, очень интеллигентный человек, несколько лет пробывший приватиром».

Шарп и оставшиеся буканьеры, включая Рингроуза, пошли на юг, намереваясь обогнуть Южную Америку у мыса Горн. По пути они захватили испанский корабль, где обнаружили многочисленные карты Тихого океана. Увидев их, Шарп сразу же сообразил, что в его руки попала большая ценность, ибо подобные карты хранились испанцами в строгом секрете. Отряд Шарпа опять побывал на острове Хуан-Фернандес, где запаса провизией и пресной водой. Шарп решил проделать долгий путь к Барбадосу, не делая остановок.

С Барбадоса Шарп направился в Англию. Он понимал, что будет привлечен к суду за пиратство по требованию испанского посла в Лондоне, но рассчитывал получить прощение, передав британскому правительству захваченные им на испанском корабле карты Тихого океана, с которых он сделал две великолепные копии.

По прибытии в Лондон Шарп передал копии карт королю и первому лорду адмиралтейства. Результат превзошел все его ожидания. Шарп не только не был привлечен к суду, но его сделали капитаном корабля королевского военноморского флота. На королевской службе, однако, Шарп

был очень недолго и опять занялся буканьерством. Жизненные пути Шарпа и Дампира больше никогда не пересекались.

Расставшись с Шарпом, Дампир, Уофер и 42 их товарища, включая пятерых негров-рабов и двух американских индейцев, на большой лодке и двух каноэ отправились на север. Это произошло 17 апреля 1681 г. С этой даты Дампир начал вести регулярные дневниковые записи.

Плавание к Панамскому перешейку было тяжелым, но главные трудности начались на суше. 150 испанских солдат и матросов поджидали англичан на побережье, в районе, наиболее подходящем для высадки. Но буканьеры сумели ускользнуть. Они уничтожили свои лодки и быстро скрылись в прибрежном лесу. Но и там их на каждом шагу подстерегала опасность. Любая встреча с испанцами грозила буканьерам гибелью, ибо если в первый раз, пересекая перешеек с востока на запад, они имели в своих рядах почти 350 человек, то сейчас их было всего 44. Страх перед испанцами постоянно преследовал их. Они даже условились между собой, что сзади идущий убьет своего товарища, если увидит, что тому грозит плен. Начался мучительный переход к восточному побережью перешейка. Предвидя ожидавшие его опасности, Дампир, и это очень характерно для него, позаботился в первую очередь о сохранении своих записей: «Я достал толстый ствол бамбука, залепил его с обеих концов воском, чтобы вода не проникла внутрь. Так я сохранил мой журнал и другие записи, хотя мне часто приходилось перебираться вплавь»⁸.

Идя по компасу через тропические джунгли, буканьеры должны были прорубать себе путь в дремучей чаще. Беспрерывно шли ливневые дожди. Сокращая путь, буканьеры преодолевали бесчисленные речки и ручьи. Они бы умерли с голоду, если бы не доброе отношение местных индейцев, которые кормили их и показывали путь.

На шестой день пути случилось несчастье с Уофером.

Тот сушил порох. В это время искра из трубки стоявшего рядом буканьера упала на кучку пороха и воспламенила его. Уофер получил такой сильный ожог колена, что не смог дальше идти, несмотря на все усилия. Он решил остано-

ся у индейцев. К нему присоединились еще двое пожилых буканьеров, совершенно выбившихся из сил. Они прожили среди индейцев четыре месяца и так «акклиматизировались» среди них, что стали даже раскрашивать и татуировать себя в индейском стиле.

Остальные буканьеры продолжали свой путь. Без излишних эмоций, лишь приводя факты, Дампир описывает в своем дневнике всю тяжесть этого похода. Во второй главе «Нового путешествия вокруг света» он рассказывает: «На четвертый день мы начали наш марш рано, так как до полудня обычно было ясно, а пополудни шел сильный дождь. Но нам было, в общем, все равно: шел ли дождь, или светило солнце, ибо я совершенно уверен в том, что мы переходили реки по 30 раз в день... Мы не могли ни высушить одежду, ни обогреться, еды не было: все это делало переход очень тяжелым для нас... Когда мы перешли реку, то стали ждать отставших спутников... Через полчаса они подошли. Но тем временем прибыло столько воды, что ни они не могли перейти реку, ни мы им помочь. Мы решили подождать, пока вода спадет. Мы прошли две мили вдоль реки и там соорудили шалаши, пройдя за этот день шесть миль. Едва мы успели построить шалаши, как река еще больше разлилась и затопила берега, вынуждая нас отойти подальше. Ночь наступила до того, как мы смогли сделать новые шалаши, и нам пришлось лечь прямо на землю... Кто под одним деревом, кто под другим, и это было бы достаточно удобно, если бы погода была сухая. Но большую часть ночи шел необычно сильный ливень, сверкали многочисленные молнии и раздавались страшные раскаты грома.

На следующее утро, это был восьмой день пути, мы подошли к берегу и увидели, что вода спала... Тогда мы стали думать, как перейти реку... Но это было не так просто: мы не были в состоянии переправить наши вещи. Наконец мы решили послать одного человека через реку с веревкой, с тем чтобы переправить сначала все наши вещи, а затем людей. Согласился это сделать Джордж Гейни. Он взял один конец веревки и быстро обмотал его вокруг шеи, а второй оставил на берегу, и другой человек остался около веревки.

Но когда Гейни был на середине реки, веревка, тянувшаяся за ним, случайно перекрутилась или запуталась, и человек, который следил за веревкой на берегу, схватил ее, от чего Гейни перевернулся на спину, а тот человек, который держал веревку в руке, бросил ее в реку, думая, что этим он исправит свою ошибку. Но течение было очень сильным, и пловец, у которого на спине в мешке было три сотни долларов, пошел на дно, и мы его никогда больше не видели. Те двое, которых мы оставили на другом берегу за день до этого, рассказывали нам потом, что нашли его, лежащего мертвым у реки. Эдди оттащил его подальше на берег вместе с мешком на спине. Но денег они не взяли, будучи озабоченными лишь тем, как им выбраться из этой незнакомой местности».

Наконец буканьеры добрались до побережья Карибского моря. «Так мы закончили наше путешествие... за 23 дня, — пишет Дампир, — пройдя, по моим расчетам, 110 миль, преодолевая высокие горы, но обычно наш путь проходил по долинам через глубокие и опасные реки»⁹. Во время перехода отряд потерял лишь одного человека.

Буканьеры вышли к атлантическому побережью Панамского перешейка в районе Саунд-Кей. Там им посчастливилось встретить другого буканьера — капитана Тристиана. Его корабль стоял в заливе. В благодарность за оказанную помощь буканьеры отдали индейцам все вещи, которые сохранились у них после перехода через перешеек, а также деньги — по полдоллара на человека, все, что у них осталось от богатств, награбленных во время плавания в Тихом океане.

Через три месяца к буканьерам присоединился Уофер и два его спутника. При этом Уофер решил разыграть своих товарищей. Он попросил знакомых индейцев доставить его на корабль в их каноэ. Уофер был в индейском наряде, тело его было раскрашено. Войдя на борт корабля вместе с индейцами, он сел среди них «на корточки, по их обычаю, — писал Уофер позднее. — Я хотел проверить, узнают ли они (англичане. — *К. М.*) меня в этом обличье. Прошло около часа, прежде чем один человек из команды вдруг воскликнул: “Да это же наш доктор!” Они окружи-

ли меня и поздравляли с прибытием. Я сделал все, чтобы смыть с себя краску, но прошло около месяца, прежде чем я смог хоть как-то избавиться от нее, так как краска впиталась в кожу и так затвердела на солнце, что сходила вместе с кусочками кожи.

Что касается мистера Гопсона (одного из спутников Уофера. — *К. М.*), то, хоть мы и принесли его живым на корабль, он так и не поправился от перенесенных лишений и через три дня умер на борту корабля здесь, в Саунд-Кей»¹⁰.

Глава вторая Путешествие вокруг света

В течение трех месяцев, прошедших со времени прибытия буканьеров в Саунд-Кей, они бесцельно крейсировали у берегов Панамы. Дампир понимал, что напрасно теряет время, но не знал, на что решиться. Вернуться на Ямайку он не мог: там уже знали о его «подвигах». Остаться здесь дольше Дампир не хотел. Безделье команды утомляло и раздражало его. «Это были, — писал Дампир впоследствии о своих спутниках, — унылейшие создания, какие я когда-либо видел. И хотя погода была плохой, что требовало многих рук наверху, большая часть из них слезала с гамаков только для того, чтобы поесть или справить нужду»¹.

Дампир перешел на корабль, которым командовал капитан Райт. Приятель Дампира, капитан Джон Кук, служил теперь квартирмейстером на судне, которым командовал голландец по фамилии Янки. Оба корабля плавали вместе. Но и здесь Дампир не нашел для себя ничего интересного. Опять потянулись бесцельные дни. Единственным, что ненадолго нарушило монотонность существования, был захват испанского судна с грузом вина, после чего обе команды беспробудно пьянствовали в течение нескольких дней.

Дампир покинул корабль Райта, отправившись на север, в Виргинию, где около года проработал на табачной плантации.

Тем временем Кук самостоятельно захватил испанский корабль, большое морское судно, вооруженное 18 пушками. Кук назвал его «Ревендж» («Мсть»). На этом корабле Кук вместе с Уофером отправился к берегам Северной Америки. Весенним утром 1683 г. «Ревендж» подошел к Чесапикскому заливу. Там Кук встретил Дампира и познакомился с человеком, который называл себя Уильямом Коули, магистром искусств Кембриджского университета. Это был опытный штурман. Впоследствии он опубликовал дневник плавания на «Ревендже». Дневник увидел свет спустя два года после выхода книги Дампира. Как Коули попал в компанию буканьеров, осталось неизвестным, поскольку этот «находчивый англичанин» (как он сам себя называл, чтобы сохранить инкогнито) тщательно избегал упоминания каких-либо деталей из своей биографии. В записках он даже настаивал, что понятия не имел о маршруте «Ревенджа» и о людях, составлявших команду корабля, чувствуя себя среди них, по его выражению, как «галка среди скал». А этими «скалами» на борту «Ревенджа» были 70 опытных «морских бродяг». Их целью был Тихий океан. Но они хотели идти туда на лучшем корабле, чем «Ревендж». Они решили, что захватить такое судно будет легче всего у берегов Африки, и потому направились сначала туда. У берегов Сьерра-Леоне они захватили 40-пушечный корабль, прекрасно подготовленный к длительному плаванию: в его трюмах было много продовольствия и воды, а также отличное вино. Кук назвал захваченное судно «Бечелес Делайт» («Услада холостяка»). Оказалось, что это был голландский корабль, и, таким образом, захват его являлся актом пиратства в отношении дружественной страны. Неудивительно, что Дампир в своей книге ни словом не упоминает об этом эпизоде, в то же время с большими подробностями рассказывая о встречающихся им во время плавания к Африке летающих рыбах, фламинго, детально описывая конфигурацию африканского побережья. Что Кук сделал потом с «Ревенджем», а также с тридцатью негритянками, ока-

завшимися на борту захваченного корабля, неизвестно. По всей вероятности, и корабль, и негритянки были вскоре проданы. Работоторговля в те дни процветала.

Новый корабль Кук повел к берегам Южной Америки, намереваясь выйти в Тихий океан через Магелланов пролив. Но Дампир отсоветовал ему это делать, указав на опасность прохода через коварный пролив без карт и с такой распушенной командой. Он предложил обойти Южноамериканский материк у мыса Горн. Кук принял совет Дампира.

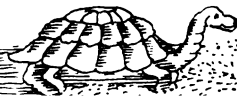
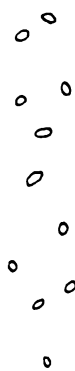
Когда корабль Кука огибал мыс Горн, погода, всегда плохая в этом районе, была особенно неблагоприятной.

Коули нашел этому суеверно-ироническое объяснение. В своем дневнике в день св. Валентина 1684 г. он сделал следующую запись: «Мы пренебрегли Валентинами, заведя интрижки с туземными женщинами, что вызвало страшный шторм, отогнавший нас к 60°30' ю. ш. Никогда еще ни один корабль не заходил так далеко на юг. Мы заключили, что интрижки с женщинами очень опасны и вызывают шторм»².

Дампир, имевший жену в Англии, опускает эту историю в своей книге, упоминая лишь, что их корабль действительно отклонился к югу дальше, чем это делало какое-либо судно до них.

Обогнув мыс Горн, «Бечелес Делайт» направился на север к берегам Чили. У чилийских берегов Кук увидел неизвестный корабль. Он приказал приготовить пушки к бою, команда уже готовилась взять судно на бордаж. Но оказалось, что это был английский корабль «Николас» из Лондона, которым командовал приватир Джон Итон, также намеревавшийся захватить испанские суда в этих водах.

Итон рассказывал, что ему на пути встретился корабль «Сигнит» («Молодой лебедь») под командованием капитана Свана, в составе экипажа которого был приятель Дампира — Базиль Рингроуз. Корабль Свана совершал легальные торговые операции. В его трюмах находились товары стоимостью в 5 тыс. ф. ст. Капитан Сван собирался продать их в Южной Америке. Но это было бессмысленное предприятие, ибо испанские власти в колониях запретили какую-либо торговлю с иностранцами. Когда «Сигнит»

попытался войти в один из южноамериканских портов, то был обстрелян береговой артиллерией.

Пока Сван искал возможность наладить легальную торговлю в портах Южной Америки, «Бечелес Делайт», и «Николас» шли к острову Хуан-Фернандес. Командам надо было отдохнуть после тяжелого похода, пополнить запасы воды и продовольствия.

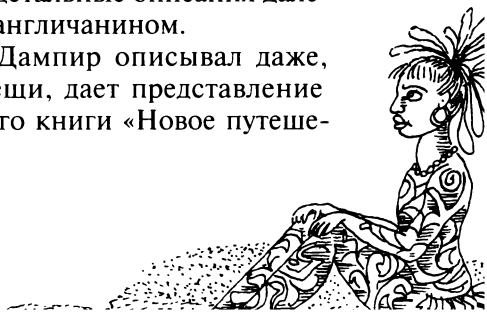
Остров, как хорошо было известно морякам, был необитаем. Но когда 22 марта 1684 г. оба корабля подошли к нему, то команды увидели на берегу человека, отчаянно машущего им. Дампир и Уофер узнали его. Это был индеец с Москито-Кост по имени Уильям, который по несчастной случайности остался на острове, когда буканьеры под командованием Уотлинга и Шарпа ушли оттуда три года назад. Вот как Дампир описывал со слов этого «Робинзона Крузо» его жизнь на острове: «Индеец прожил здесь один около трех лет, и хотя его несколько раз разыскивали там испанцы, которые знали, что он остался на острове, они так и не смогли его найти. Он был в лесу и охотился на диких коз, когда капитан Уотлинг вывел оттуда своих людей. Когда же он вернулся на берег, корабль уже шел в открытое море. У него было ружье и нож, маленький рожок с порохом и несколько пуль. Когда у него кончились пули и порох, он приспособился ножом отрезать от ружейного ствола куски железа, из которых делал рыболовные крючки, иглы, ножи, нагревая железо сначала на огне, который он добывал, ударяя ружейным кремнем по куску ствола своего ружья, а потом закаляя его, научившись это делать у англичан. Раскаленные куски железа он отбивал камнями и разрезал острым ножом или разламывал, а потом оттачивал их, затрачивая на это огромные усилия... Орудиями, сделанными таким вот образом, он обеспечивал себя провизией, которую мог предложить остров: козами или рыбой. Он рассказал нам, что вначале, до того как сделал крючки, он заставлял себя есть тюленьё мясо, малопривлекательное на вкус, но в дальнейшем он убивал тюленей в исключительных случаях, когда ему нужно было сделать лески, для чего он разрезал их шкуры на узкие ремешки. У него был маленький дом или хижина на расстоянии полумили от берега моря,

которую он сделал из козых шкур. Постелью ему служила куча хвороста высотой в два фута. Одежды на нем не было. Все, что на нем было до ухода корабля Уотлинга, износилось... Он увидел наш корабль за день до того, как мы встали на якорь, и был уверен, что мы англичане, и поэтому утром убил трех коз, чтобы угостить нас, когда мы сойдем на берег. Затем он пришел на берег, чтобы поздравить нас с благополучным прибытием. А когда мы высадились, находящийся у нас на борту индеец с Москито-Кост по имени Робин первым выпрыгнул на берег, подбежал к своему соплеменнику и припал лицом к его ногам. Тот помог ему встать и обнял его, а после этого сам упал к ногам Робина, и уже тот помог ему встать и обнял его. Мы с удовольствием наблюдали удивление, нежность и торжественность встречи, которую с такой непосредственностью демонстрировали оба эти человека. А когда церемония учтивости закончилась, мы, стоявшие невдалеке, подошли к нему, и каждый из нас обнял его, переполненного радостью от встречи со столькими старыми друзьями, оказавшимися здесь, вероятно, для того, чтобы забрать его отсюда»³.

Проведя три недели на острове, англичане двинулись дальше на север. В течение восемнадцати месяцев они находились у берегов Южной Америки, совершая набеги на прибрежные города и захватывая испанские суда. Опорными их базами были Галапагосские острова и небольшой островок у берегов Колумбии, где, по преданию, Дрейк делил сокровища, захваченные им на корабле «Какафуэго». Но ничего ценного англичане за это время не захватили. Испанские колониальные власти знали о появлении буканьеров и приняли соответствующие меры предосторожности. Так, на это время была прекращена перевозка драгоценных металлов из Перу в Панаму морским путем.

День за днем Дампир скрупулезно описывал все им виденное: флору и фауну, вид городов, обычаи коренных жителей и т. п. Это были первые детальные описания далеких заморских стран, сделанные англичанином.

О том, насколько подробно Дампир описывал даже, казалось бы, незначительные вещи, дает представление приведенный ниже отрывок из его книги «Новое путеше-

ствие вокруг света». Дампир рассказывает о плоде авокадо, который тогда сделался деликатесом в Англии. «Дерево авокадо, — пишет Дампир, — такого размера, как самое большое грушевое дерево, и обычно очень высокое; кора черная и очень гладкая; листья большие, овальной формы, плод размером с большой лимон. Он зеленого цвета, пока не созреет, а тогда он немного желтеет. Они редко пригодны для еды, пока не полежат два или три дня после того, как их соберут; тогда они становятся мягкими, и кожура очищается. Мякоть зеленого цвета или с небольшой желтизной. Внутри мякоти находятся косточки размером с каштан. Этот фрукт сам по себе не сладкий, поэтому его смешивают с сахаром и лимонным соком, тогда это отличное кушанье. Обычно его едят с солью, уксусом и поджаренными бананами; и если человек голоден, то это хорошая еда для него. Его полезно есть в любом виде»⁴.

Столь же подробно описывает Дампир плавание вдоль южноамериканского побережья. Так, в пятой главе «Нового путешествия вокруг света» содержится рассказ о действиях у острова Лобос, недалеко от берегов Перу.

«Здесь мы чистили наши корабли, а когда были готовы к плаванию, допросили пленных, чтобы узнать, сможет ли кто-либо из них указать на города, на которые мы могли бы с успехом напасть, поскольку до этого они сообщили нам, что испанцы о нас знают и, пока мы здесь находимся, не будут отправлять по морю сокровища. Говорилось о многих городах, таких как Гуаякиль, Трухильо и др. Наконец, Трухильо был указан как наиболее важный, поэтому, похоже, надо было идти туда и захватить город. Это не вызвало дискуссий: все мы знали, что это очень населенный город. Но наибольшая трудность состояла в высадке, поскольку Гуанчако, самый близкий к нему порт, находился на расстоянии шести миль и был плохим местом для высадки. Даже рыбаки, живущие там, не могли пристать к берегу в течение трех или четырех дней. Однако 17 мая пополудни наши люди, собравшись в кают-компаниях обоих кораблей, высказались за нападение на Трухильо. Нас было всего 108 человек, кроме больных. На следующий день мы намеревались начать плавание и взять захваченные ранее корабли

с собой. Но на следующий день один из наших людей, будучи на острове, заметил три корабля, идущие на север, два из которых шли с западной стороны острова, а один — между островом и материком. Мы быстро подняли якоря и бросились в погоню. Капитан Итон, который в то время брал последнюю пробу воды, погнался за двумя судами, шедшими вдоль западного побережья острова. Мы на корабле капитана Кука пошли за третьим, вскоре его захватили и вернулись с ним к острову, поскольку видели, что капитан Итон не нуждался в нашей помощи, захватив оба судна, за которыми гнался. Он вернулся с одним из них, другое так далеко отнесло ветром в открытое море, что он не смог забрать его, но надеялся пригнать на следующий день. Но, будучи тяжело нагруженным, судно едва передвигалось. За весь день 19 мая оно почти не приблизилось к острову. Наши индейцы с Москито-Кост, охотясь по своим обычаям, поймали шесть черепах. Их здесь великое множество. Корабли, которые мы захватили за день до этого, шли из Гуанчако. Все три были нагружены мукой, предназначенной для Панамы. Два были очень тяжело нагружены, так что едва шли, а третье успели загрузить лишь наполовину, но вице-король Лимы приказал ему плыть вместе с двумя другими, в противном случае оно должно было остаться в порту, пока мы не уйдем из этих мест. Вице-король надеялся, что корабли смогут избежать встречи с нами, если уйдут раньше. На самом большом судне было письмо правителю Панамы от вице-короля Лимы, предупреждавшего его, что в море находятся враги и по этой причине он послал эти три корабля с мукой, которую тот, может быть, не ждет, и просит бережливо ее расходовать, так как не знает, когда сможет послать еще (Панама снабжалась из Перу). На этом корабле было 7 или 8 тонн мармелада из айвы и величественный мул для правителя Панамы, а также огромная раскрашенная деревянная фигура Девы Марии для новой церкви в Панаме, посланная из Лимы вице-королем... Корабль должен был также доставить из Лимы в Панаму около 2 млн ф. ст. Но пока на него грузили муку, до купцов дошел слух, что капитан Сван появился в Вальдивии (порт в южной части Чили. — К. М.), и было приказано отправить деньги на-

зад на берег. Пленные испанцы сообщили нам, что жители Трухильо строят форт в Гуанчако (который является морским портом Трухильо) у самого моря, возможно, для того, чтобы отразить любую попытку высадки там на берег. Услышав эти новости, мы изменили наши первоначальные планы и решили идти, взяв с собой три захваченных испанских корабля, к Галапагосам, которые представляют собой огромное множество больших островов, лежащих у экватора или рядом с ним»⁵.

На Галапагосских островах умер Джон Кук, и капитаном «Бечелес Делайт» стал Эдвард Дэвис, бывший до этого квартирмейстером корабля, очень опытный моряк.

Вскоре Дэвис поссорился с Итоном при дележе добычи, и последний решил плыть самостоятельно. Он повернул свой корабль на запад, направляясь в Ост-Индию. Штурманом его корабля был Коули. В Ост-Индии Коули расстался с Дэвисом, отправившись в Англию на голландском корабле. В 1699 г. была опубликована его книга об этом путешествии. Что стало с Итоном — неизвестно. «Бечелес Делайт», однако, недолго оставался в одиночестве. Вскоре появился капитан Сван на своем «Сигните». После неудачной попытки законным образом вести торговые дела в Южной Америке Сван по сниженной цене продал товары буканьерам, а затем вообще присоединился к ним, хотя и не любил их. «Заверь моих хозяев, — взволнованно писал он жене, — что я сделал все, что мог, чтобы соблюсти их интересы, и то, что со мной сейчас произошло, я не в силах был предотвратить. Я прошу их сделать все, что они могут, чтобы добиться у короля моего прощения, ибо предаю себя его суду, и я скорее умру, чем буду жить, скрываясь, подобно бродяге, в боязни наказания»⁶.

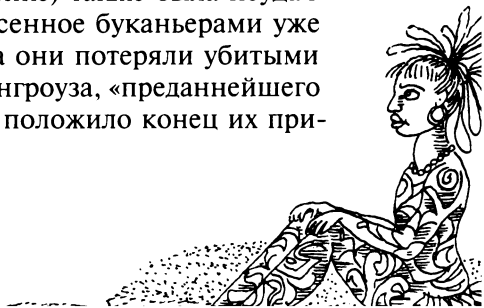
Кроме Свана с его людьми, в этом месте стали собираться и другие буканьеры. Скоро их общая численность достигла тысячи человек. Капитан Харрис, племянник старого приятеля Дампира, с которым тот переходил Панамский перешеек, ставший с тех пор, по выражению Дампира, «обычной дорогой буканьеров», появился с флотилией каноэ, на которых находились около сотни человек. Пришел также французский капитан Гронье с командой

из 280 человек. Один из них, Луссан, впоследствии опубликовал записки об обычаях буканьеров, включая «обязательную мессу перед разграблением очередного города». Был и английский капитан Таунли с отрядом в 180 человек. Пришли и другие шайки буканьеров.

Прежде всего было решено дожидаться корабля, который вез серебро из Лимы в Панаму. Испанский флот показался 28 мая 1685 г., но среди этих судов не было корабля с драгоценным грузом. То были военные корабли, задачей которых являлось очищение прибрежных вод от грабителей. Буканьеры насчитали 14 судов, в большинстве своем крупных. Силы испанцев в три раза превосходили силы буканьеров. Но, как известно, лучшая защита — это нападение. Дэвис, капитан самого крупного корабля буканьеров, решил напасть на неприятельский флот вечером, используя благоприятный ветер. Но другие буканьеры его не поддерживали, к тому же ветер переменился. Тактическое превосходство, даваемое неожиданностью нападения, было потеряно. Теперь уже испанские корабли устремились на них. Дампир писал, чем кончилось дело: «Видя их, несущихся на нас на всех парусах, мы скрылась».

После этого компания буканьеров начала распадаться. Первыми ушли французы. Но никто об этом не жалел. Англичане, оставшись одни, решили начать нападения на прибрежные города. Дампир с 60 людьми был оставлен охранять корабли, в то время как остальные, пройдя двадцать миль в глубь континента, лапали на город Лион (в Никарагуа). Город был взят авангардом отряда, которым командовал Таунли. Но выкупа у местных властей получить не удалось. В то же время распространилась слухи, что испанские регулярные части концентрируются неподалеку, чтобы отрезать англичанам путь к берегу. Поэтому буканьеры поспешили вернуться на корабли.

Другая попытка захватить галион с драгоценностями на его пути к Акапулько (в Мексике) также была неудачной. Еще одно поражение, понесенное буканьерами уже в начале нового, 1686 года, когда они потеряли убитыми 50 человек, в том числе Базиля Рингроуза, «преданнейшего друга», как писал о нем Дампир, положило конец их при-

ключениям у тихоокеанского берега Южной Америки. Таунли со своим отрядом пошел через территорию Никарагуа к атлантическому берегу. Дампир перешел на корабль Свана не потому, что поссорился с Дэвисом, а потому, что до этого уже сговорился со Сваном идти на запад через Тихий океан. А «Бечелес Делайт» с Дэвисом и Уофером на борту ушел на юг. Обогнув мыс Горн, корабль поднялся до Чесапикского залива, где Дэвис и Уофер были арестованы по обвинению в пиратстве и заключены в тюрьму. Лишь усилиями опытного адвоката, нанятого Уофером, им удалось избежать серьезного наказания. Уоферу это обошлось в 300 ф. ст. Дэвис позднее присоединился к знаменитому пирату капитану Кидду. Через несколько лет Дампир встретил обоих приятелей в Лондоне.

«Сигнит» оказался единственным буканьерским судном в Тихом океане. Команда корабля рассчитывала, что в западной части Тихого океана они наконец сумеют пожить. Но Сван, не любивший, как уже говорилось, пиратский промысел, не хотел нападать на корабли и прибрежные города. А Дампир мечтал подняться на корабле как можно севернее и искать западный вход в легендарный северо-западный проход, соединявший якобы Тихий океан с Атлантическим. Кстати сказать, Джеймс Кук во время своего третьего плавания по Тихому океану, восемьдесят лет спустя, тоже искал этот проход.

Но настойчивое стремление команды продолжать морской разбой возобладало над благими намерениями Свана и Дампира.

В конце XVII в. плавание в Тихом океане было по-прежнему очень сложным. Не было достаточно точных карт. Не существовало установленного понятия долготы, а следовательно, не было единого мнения о ширине Тихого океана. Еще не существовало международного определения не только градуса, но даже и мили. Имеет ли Тихий океан в ширину 7 тыс. миль или только 6 тыс., можно ли его пересечь за семьдесят или пятьдесят дней, сколько соответственно нужно брать продовольствия? На все эти вопросы определенного ответа не было. Сван мог только руководствоваться опытом Дрейка и Кавендиша, единственных

английских мореплавателей, совершивших ранее кругосветное плавание. К тому же Сван был убежден, что его «Сигнит» — лучший корабль, чем «Золотая лань» Дрейка.

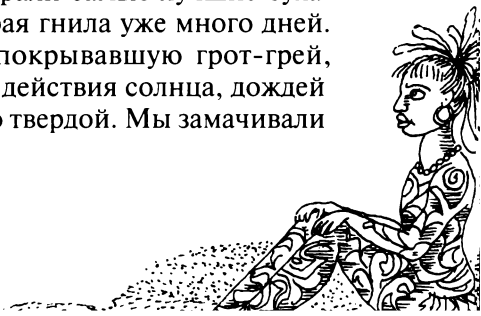
Плавание началось 31 марта 1686 г. от мыса Корриентес в Мексике на двух судах: «Сигните» с сотней человек на борту и барке, которым командовал капитан Тит, где находилось 50 человек.

Корабли достигли Гуама за пятьдесят один день, покрыв расстояние в 7323 мили. За все время плавания люди не видели ни рыб, ни птиц. Погода была очень плохая. К тому времени, когда они увидели землю, дневной рацион составлял лишь полкружки маиса, продовольствия оставалось на три дня. Позднее Дампир узнал, что матросы сговорились убить офицеров и съесть их, если им не встретится земля. «О, Дампир, — сказал Сван, когда тот рассказал, ему об этом. — Вы бы дали им очень плохую пищу». «Я был очень тощий, а капитан крупным и полным», — писал Дампир.

Гуам был первым из тихоокеанских островов, открытых европейцами, он также стал первым объектом европейской колонизации в Тихом океане. Кстати сказать, Гуам до сих пор не получил независимости.

В конце ноября 1520 г. три испанских корабля под командованием Магеллана прошли через пролив у самой южной оконечности Южной Америки, носящий теперь имя этого великого мореплавателя, и вышли на просторы Великого океана. Испанцы взяли курс на северо-запад, начав новый этап своего кругосветного путешествия.

Около четырех месяцев плыли они, не видя земли. Переход был весьма изнурительным. Вот как описывает его один из спутников Магеллана, ставший историографом его путешествия, Антонио Пигафетта: «Три месяца и 20 дней мы были совершенно лишены свежей пищи. Мы питались сухарями, но то уже были не сухари, а сахарная пыль, смешанная с червями, которые сожрали самые лучшие сухари. Мы пили желтую воду, которая гнила уже много дней. Мы ели также воловью кожу, покрывавшую грот-грей, чтобы ванты не перетирались; от действия солнца, дождей и ветра она сделалась неимоверно твердой. Мы замачивали

ее в морской воде в продолжение четырех-пяти дней, после чего клали на несколько минут на горячие уголья и съедали ее. Мы часто питались древесными опилками. Крысы продавались по полдуката за штуку, но и за такую цену их невозможно было достать. Однако хуже всех этих бед была вот такая. У некоторых из экипажа верхние и нижние десны разбухли до такой степени, что они не в состоянии были принимать какую бы то ни было пищу, вследствие чего и умерли. От этой болезни умерли 19 человек... Из числа 30 человек экипажа переболели 25, кто ногами, кто руками, кто испытывал боль в других местах, здоровых осталось очень мало»⁷.

Согласно устоявшейся версии, корабли Магеллана достигли Гуама 6 марта 1521 г. Парадоксально, но факт, что Магеллан, пройдя с юго-востока на северо-запад всю южную часть Тихого океана, миновал тысячи островов, среди которых были такие крупные, как Новая Зеландия и Новая Гвинея, и даже целый континент — Австралия — и натолкнулся на своем пути лишь на маленький остров, расположенный уже в северных широтах океана.

После многомесячного трудного плавания Магеллан и его спутники с радостью вступили на твердую землю. Они отдохнули, пополнили запасы пресной воды, погрузили в трюмы судов свежие продукты. Но задерживаться на острове Магеллан не собирался. Он спешил достичь вожаделенных островов Пряностей. Поэтому 9 марта Магеллан покинул Гуам, взяв курс на запад.

Даже за столь короткий срок пребывания на острове он успел вступить в конфликт с его обитателями. Обвинив островитян в попытке украсть лодку с одного из судов, Магеллан во главе отряда из сорока вооруженных матросов произвел набег на окрестные селения.

Антонио Пигафетта так описал это событие: «Тогда капитан-генерал (Магеллан. — К. М.) в гневe высадили на берег с 40 или 50 вооруженными людьми, которые сожгли 40—50 хижин вместе с большим числом людей и убили семерых туземцев... Когда кто-нибудь из туземцев бывал ранен дротиками из наших самострелов, которые пронзали его насквозь, он раскачивал конец дротика во все

стороны, вытаскивал его, рассматривал с великим изумлением и таким образом умирал»⁸.

Обвинив аборигенов в воровстве, Магеллан назвал открытую им землю Исла-де-лос-Ладронес, что в переводе с испанского означает «остров Воров» или «Разбойничий остров»^{*}.

Через десять дней Магеллан открыл Филиппинские острова, где 25 апреля 1521 г. он был убит в стычке с жителями острова Матан.

Магеллан не считал открытый им остров Гуам представляющим какую-либо ценность и не произвел сакраментального ритуала провозглашения над ним власти испанского монарха. Не сделала этого и вторая испанская экспедиция во главе с Гарсиа Хофре де Лойаса, побывавшая на острове в начале сентября 1526 г. Лишь в 1565 г. испанская экспедиция под командованием М. Легаспи формально распространила суверенитет испанского монарха на открытый Магелланом остров, который коренные жители называли Гуамом. 26 января 1565 г. Легаспи в сопровождении своих офицеров сошел на берег. Он выбрал место около трех пальм, росших неподалеку, и приказал поставить там алтарь. Затем, обнажив меч, Легаспи срубил им несколько пальмовых веток, из которых сделал крест, и повесил над алтарем. После этого, отсалютовав кресту мечом, Легаспи громким голосом провозгласил: «Я, Мигель Лопес де Легаспи, губернатор и генерал-капитан, назначенный его величеством командовать этими людьми и кораблями, совершающими на королевской службе открытие островов на западе, во имя его величества, короля дона Филиппа, беру и объявляю королевской собственностью этот остров и все земли, относящиеся к нему»⁹.

Легаспи провел на Гуаме всего одиннадцать дней, но успел отличиться убийствами аборигенов. 3 февраля 1565 г. экспедиция покинула Гуам и направилась на Филиппины, где Легаспи провел последние семь лет жизни. Умер он 20 августа 1572 г.

* Это название впоследствии было распространено на все острова архипелага, в который входил Гуам.

Провозглашение Гуама собственностью Испании представляло собой, однако, чисто символический акт. До первой попытки испанской колонизации острова должно было пройти еще более 100 лет.

Все это время остров не имел постоянного европейского населения. Его время от времени посещали мореплаватели различных национальностей; для испанцев же весь этот период Гуам служил отличной базой на пути следования их кораблей из Мексики на Филиппины и обратно.

Удобный обратный путь из Индии испанцы начали искать еще со времени экспедиции Магеллана. В 1522 г. один из кораблей его экспедиции «Тринида», покинув Молуккские острова, попытался вернуться в Испанию через Тихий океан, но сильные штормы и недостаток продовольствия заставили судно повернуть назад.

После того как испанцы прочно обосновались на Филиппинах, превратив Манилу в крупнейший торговый центр, связанный широкими коммерческими контактами со странами Дальнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии, они установили регулярное сообщение между Манилой и крупнейшим городом на тихоокеанском побережье Мексики Акапулько.

Испанские корабли, груженные драгоценными металлами и камнями, тканями, специями и другими дарами Востока, отправлялись в Акапулько. Они покидали Филиппины обычно в июле, продвигаясь на северо-восток почти до 38° или 40° с. ш. Там сильные ветры гнали корабли через океан к северной части Калифорнии, а оттуда они шли вдоль берега почти 3 тыс. миль до Акапулько. Позднее, чтобы избежать сильных штормов, столь частых в северных широтах, а главное — нападений английских и португальских пиратов, поджидавших корабли у американских берегов, испанцы стали проводить корабли много южнее. Но здесь их встречали менее благоприятные ветры, и они достигали Акапулько лишь после пятимесячного плавания.

В Акапулько корабли, едва разгрузившись, собирались в обратное плавание. Их трюмы пополняли серебром и другими товарами для обмена на драгоценности Востока. Кроме того, корабли везли частную почту, официальную

корреспонденцию, оружие. Они доставляли к месту службы колониальных чиновников, солдат, миссионеров. Суда везли также осужденных в Мексике и Испании в ссылку на Филиппины. Эти рейсы совершали специальные корабли — галионы.

Нельзя с уверенностью сказать, какая страна была родиной галиона, этого удивительного корабля, сильно отличающегося от своих собратьев. Он выглядел неуклюжим и громоздким: четыре мачты, высоко поднятые нос и корма, широкий корпус при сравнительно небольшой — 170—175 футов — длине. Водоизмещение галионов доходило до 2 тыс. тонн.

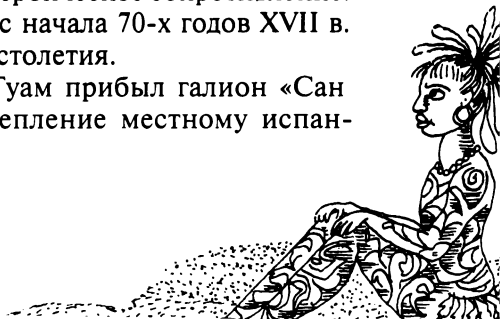
Галионы строились обычно на Филиппинах, в Кавите. Все было рассчитано на прочность и вместительность. Остов сооружался из тика, шпангоуты, киль и руль — из местного дерева молаве с чрезвычайно прочной древесиной; обшивка изготовлялась также из крепкого дерева лананг, такелаж — из манильской пеньки. Только металлические части ввозились из Китая и Японии. Даже 24-фунтовые пушечные ядра не пробивали борта галиона. Но это тяжелое судно, не обладавшее ни скоростью, ни маневренностью, легко становилось жертвой если не пиратов, то штормов и тайфунов.

Командир галиона носил пышный титул «генерал от моря». Команда иной раз насчитывала до 400 человек, включая бомбардиров и солдат. Груз оценивался в миллионах песо.

На Гуам галионы попадали, совершая обратный рейс из Акапулько в Манилу. По королевскому указу 1668 г. заход на остров стал обязательным. Галион покидал Акапулько в феврале-марте и, подгоняемый пассатами, два месяца спустя подходил к берегам Гуама. Корабль ждали. В июне каждую ночь на вершинах холмов зажигались сигнальные огни.

Коренные жители острова — чаморро — оказывали испанским колонизаторам поистине героическое сопротивление. Особый размах оно приобрело с начала 70-х годов XVII в. и длилось почти до конца XVII столетия.

В конце апреля 1672 г. на Гуам прибыл галион «Сан Диего», поставляющий подкрепление местному испан-

скому гарнизону. Во главе восстания стоял вождь деревни Тумон Матапанг, человек, несомненно, выдающихся способностей и мужества. 2 мая командир испанского гарнизона Сантьяго выступил против Матапанга в деревню Тумон. Он не нашел вождя и в отместку сжег его дом, еще несколько домов, а также каноэ и отправился в Аганью.

Его отряд шел по дороге вдоль берега океана и неожиданно наткнулся на заграждение из кустарника и бревен. Капитан Сантьяго приказал отряду обойти преграду со стороны рифов. Как только солдаты вошли в воду, они были атакованы островитянами, неожиданно появившимися здесь на лодках. Другая группа напала на испанцев с суши. С большим трудом отряду удалось прорваться к Аганье. Сантьяго и несколько его солдат были серьезно ранены.

Сражения с островитянами продолжались до 10 ноября 1673 г. и после временной передышки возобновились с новой силой в начале 1674 г.

В середине июня 1674 г. на Гуам прибыл капитан Эспланья, вставший во главе местного гарнизона. С ним прибыли тридцать солдат. Его действия против островитян отличались особой жестокостью. Эспланья целиком сжигал деревни, убивая почти поголовно всех жителей. Кровавыми расправами ему удалось временно подавить сопротивление островитян. Этим воспользовались миссионеры, открывшие в течение 1675 г. несколько новых церквей на Гуаме.

10 июня 1676 г. к берегам Гуама пришел галион «Акапулько», на борту которого находились капитан Франсиско Иррисарри, пять священников и 74 солдата. Иррисарри стал не только начальником гарнизона, но и единоличным главой администрации Гуама как светской, так и духовной.

Этот первый в истории Гуама губернатор пролил немало крови, насаждая христианское учение и обряды. Опять сжигали деревни, убивали жителей. Сопротивление аборигенов начало вновь расти, но испанцы, используя огнестрельное оружие, жестоко его подавили. Многие вожди островитян, в том числе один из руководителей восстания, Агуари, бежали на остров Рота. В конце июня 1678 г. Иррисарри был сменен прибывшим на Гуам Хуаном де Саласом, который также начал свою деятельность на посту губер-

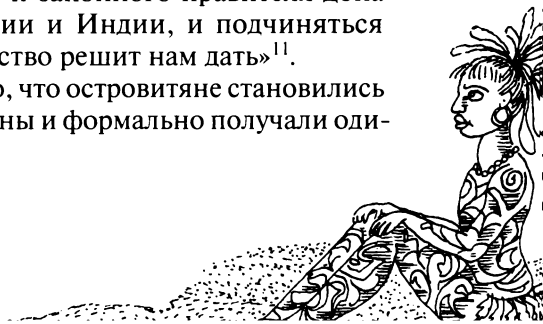
натора с уничтожения деревень и убийства жителей. Кровавые расправы не смогли сломить сопротивления аборигенов. Один из отцов иезуитов так писал о событиях того времени: «Хоть наше оружие отличалось значительным превосходством, мы вынуждены были встречаться с противником в теснинах гор, где он был у себя дома. Мы воевали с людьми, которые не признавали открытых сражений, предпочитая нападать из засад и атаковать копьями и камнями, летевшими на наши головы с облаков»¹⁰.

В 1680 г. на Гуаме появился новый губернатор — Хосе де Квируга. Мы уже отмечали, что каждый из гуамских губернаторов методом кровавого террора расправлялся с коренным населением. Но даже среди них Квируга выделялся своей нечеловеческой жестокостью. Огнем и мечом прошел он не только по Гуаму, но и по Роте, куда, как мы отмечали выше, бежали многие из восставших. В числе тысяч и тысяч островитян были убиты и их вожди Матапанг и Агуари, захваченные Квиругой. Квируга сгонял оставшихся в живых в новые укрупненные деревни, которые легче было держать под постоянным контролем испанских властей. К началу 1681 г. на Гуаме осталось не более 5 тыс. местных жителей, тогда как ко времени появления испанцев на острове проживало около 50 тыс. человек.

В августе 1681 г. Квиругу сменил Антонио де Саравия. При нем жестокий террор несколько смягчился. И это понятно. На острове ощущалась острая нехватка рабочей силы как для производства продуктов питания, так и для обслуживания нужд прибывающих испанских галионов.

Губернатор Саравия собрал всех вождей острова и заставил их 8 сентября 1684 г. дать следующую клятву: «Мы, губернатор и вожди деревень и городов этого острова, называемого Гуамом, главного острова среди других Марианских островов, собравшиеся в церкви Общества Иисуса... свободно и добровольно обещаем... оставаться верными подданными нашего короля и законного правителя дона Карлоса II, монарха Испании и Индии, и подчиняться законам, которые его величество решит нам дать»¹¹.

Из текста клятвы следовало, что островитяне становились подданными испанской короны и формально получали оди-

наковые со всеми испанцами права. Губернатор отдал управление городами и деревнями острова в руки местных вождей. Один из них, Антонио Анхи, был даже назначен на должность помощника губернатора. В деревни послали кузнецов для обучения островитян искусству обработки железа.

В ноябре 1683 г. Саравия умер, и на его место был назначен Эспланья, который ранее уже был на Гуаме. Он начал свою деятельность с того, что решил укрепить власть испанцев на других островах Марианского архипелага. 22 марта 1684 г. Эспланья послал вооруженный отряд на Тиниан, а затем на Сайпан, где была учинена настоящая резня.

Отправив, однако, значительную часть войск на острова, Эспланья ослабил свои позиции на Гуаме, чем не замедлили воспользоваться островитяне.

Восставших возглавил местный житель по имени Яра, который после крещения получил имя Антонио Яра. В воскресенье 23 июля 1484 г. Яра во главе отряда из тридцати человек неожиданно напал на испанцев, идущих к мессе. Губернатор Эспланья был ранен. Другие группы островитян атаковали форт и миссионерский дом. В это же время один из вождей, Ритидиан, был послан на остров Рота за подкреплениями. Вскоре более семидесяти каноэ с жителями Роты прибыли на помощь восставшим.

Весть о восстании на Гуаме быстро распространилась на острова архипелага. Жители Сайпана, где в то время находился испанский отряд, осуществлявший карательную экспедицию, напали на него и вынудили испанцев уйти с острова. В одном из сражений был убит Яра, но оставшиеся без вождя островитяне продолжали борьбу. Окончательно подавить очаги сопротивления на острове испанцам удалось лишь к июлю 1695 г.

Таким образом, англичане прибыли на Гуам в беспокойное для испанцев время. К их большому удивлению, испанские власти на Гуаме оказали им хороший прием, быстро снабдив всем необходимым для продолжения плавания. По-видимому, это объяснялось желанием губернатора острова поскорее избавиться от опасных гостей, поскольку на остров в ближайшее время должен был прибыть галион, о чем англичане и не подозревали.

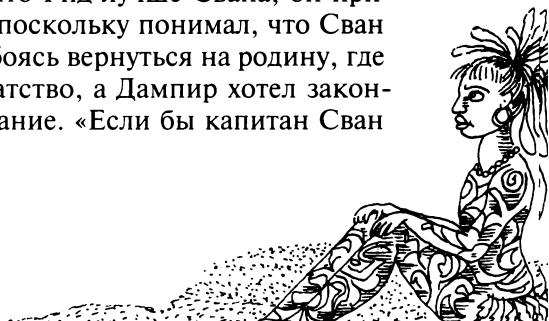
Следующей остановкой был остров Минданао (Филиппины), где англичан встретили необычайно радушно. Хотя одежда на них висела лохмотьями, лица были покрыты щетиной, они были англичанами, а не голландцами и испанцами, с которыми островитяне уже были хорошо знакомы. Это и определило теплоту встречи, помимо природного радушия островитян.

«Самые бедные и ничтожные из нас, — писал Дампир, — могли с трудом пройти по улицам. Нас даже силой заставляли войти в их дома, чтобы угостить. Угощение составляли мясо, орехи, табак, сладкая вода. Жители казались искренними и простыми и так мило предлагали свои дары, что общение с ними было очень приятным. Когда мы входили в их дома, они всегда превозносили англичан, говоря, что англичане и они едины. Это они подтверждали очаровательными жестами, складывая руки. Говоря же о голландцах и испанцах, они широко разводили руки и с презрением встряхивали ими»¹².

Сван был очень доволен пребыванием на острове. Все свое время он проводил при дворе султана, где в его честь каждую ночь устраивались празднества с танцами девушек. У него возникла идея создать торговую факторию на острове, благо у него имелись деньги еще от продажи товаров буканьерам. Сван почти не появлялся на корабле, сибаритствуя на берегу. Его тщеславию льстило, что во время еды два музыканта улаждали его слух. На корабле Сван появлялся только для того, чтобы наказать кого-либо из провинившихся матросов.

Недовольство команды своим капитаном росло. Взрыв гнева вызвало сообщение корабельного канонира, убиравшего в отсутствие Свана его каюту, о «черном списке», в котором содержались фамилии тех, кого капитан собирался наказать. Команда, возглавляемая Джоном Ридом, потребовала немедленного возвращения Свана на корабль, грозя в противном случае уйти в море без него.

Хотя Дампир не считал, что Рид лучше Свана, он присоединился к большинству, поскольку понимал, что Сван решил остаться на острове, боясь вернуться на родину, где его ждало наказание за пиратство, а Дампир хотел закончить свое кругосветное плавание. «Если бы капитан Сван

даже пришел на корабль, — писал Дампир, — то он никогда бы не смог ни восстановить себя в правах капитана с необходимым для этого благоразумием и достоинством, ни переждать, пока утихнет недовольство. Итак, мы оставили капитана Свана и 36 человек команды в городе»¹³.

Рид стал капитаном «Сигнита», а Тит — его помощником. Дампир держался в тени, поскольку было известно о его дружеских связях со Сваном.

Буканьеры бесцельно блуждали в водах Сиамы, а затем отправились на север, к Кантону. У Дампира зрела мысль сбежать с «Сигнита» на какой-нибудь ост-индский корабль. Как Дампир замечал в своем дневнике, его «достаточно утомила эта сумасшедшая команда». Но случай не представлялся, и Дампир остался на корабле, «полагая, что чем дальше мы будем плыть, тем больше знаний и опыта я получу, что я считал своей главной задачей».

Конечно, Дампир видел много необыкновенного в этой части света: обычаи и церемонии неведомых европейцам народов, удивительный природный мир. Он подробно описывал в своих дневниках такие диковинки, как хлебное дерево, лимоны, плоды манго, кокосовые орехи. Бананы были еще неизвестны в Европе. Дампир так, например, описывал бананы: «Небольшой, в половину длины пизанга*, но более сладкий и мягкий, менее сочный, еще более тонкого вкуса». «Банан, я берусь утверждать, — продолжал Дампир, — король среди всех плодов, не исключая и самого кокоса... Он так превосходен, что испанцы дают ему преимущество в сравнении со всеми другими плодами как самому полезному для жизни. Он вырастает длинной в 6 или 7 дюймов, толщиной в руку человека. Кожура мягкая и желтеет при созревании плода... Плод не тверже, чем масло зимой, и такого же желтого цвета, как оно. Вкус у него тонкий, и он тает во рту, как мармелад»¹⁴.

Так, «кое-как тащась», по выражению Дампира, корабль Рида попал в зону действия тайфуна, который отогнал его

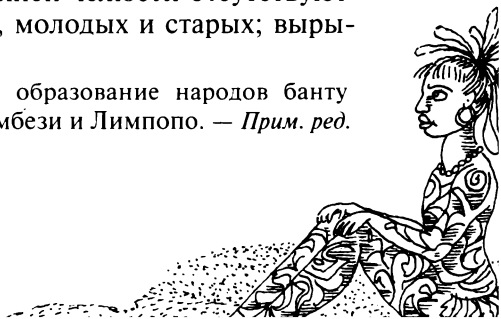
* Пизанг (*малайск.*) — сорт банана, растущий в тропических странах Азии. В отличие от других сортов бананов обычно употребляется после термообработки. — *Прим. ред.*

далеко на юг. Вследствие этого случая Рид и его команда стали первыми англичанами, побывавшими у берегов Австралии — Новой Голландии, как ее тогда называли. Голландцы до той поры уже не раз посещали западный и северный берега пятого континента, но они думали, что эта земля — продолжение Новой Гвинеи. Они также понятия не имели о восточном берегу континента, который обнаружил Джеймс Кук спустя почти 100 лет.

Англичане высадились на бесплодном берегу австралийского материка 5 января 1688 г. Это произошло в месте, находившемся недалеко от современного залива Дампира и архипелага Буканьеров к западу от Дарвина, на 16°15' ю. ш. Англичанам, как и до них голландцам, не понравилась ни увиденная земля, ни ее жители, с которыми они не могли установить никаких контактов. Аборигены, как писал Дампир, «скалили зубы, подобно обезьянам», и кричали «гурри, гурри» глухими голосами.

«Жители этой страны, — писал позднее Дампир, — самые жалкие люди на свете. Готтентоты Мономотапы* хоть и отвратительные люди, но сравнительно с этими просто джентльмены; эти не имеют домов, одежды, овец, рогатого скота, фруктов, страусов и т. п., тогда как у готтентотов все это есть, и по всему своему образу жизни мало чем отличаются от зверей. Они высокие, узкокостные, с тонкими длинными конечностями». У них большие головы, покатые лбы и огромные брови. Их веки всегда полуопущены, чтобы не дать мухам влететь в глаза. Мухи здесь столь надоедливы, что от них невозможно отделаться; они лезут в ноздри и в рот, если губы не очень плотно сжаты. Так, с младенчества досаждаемые этими насекомыми, они никогда не открывают широко своих глаз, как другие люди, и поэтому они не могут смотреть вдаль, не вскинув головы, как если бы они смотрели на что-то, находящееся над ними. У них большие носы, приятные полные губы и широкие рты. Два передних зуба на верхней челюсти отсутствуют у них всех, мужчин и женщин, молодых и старых; выры-

* Мономотапа — государственное образование народов банту (XIV–XVII вв.) в междуречье Замбези и Лимпопо. — *Прим. ред.*

вают ли они их, я не знаю; у мужчин никогда не бывает бород... У них нет жилищ, и они спят на открытом воздухе, ничем не укрытые. Земля — их ложе, небо — их полог... Их единственная еда — мелкие рыбешки. У них нет приспособлений, чтобы ловить крупных рыб...»¹⁵

Дампир отметил, что оружие австралийских аборигенов так же примитивно, как и их еда и одежда, и состоит из деревянных дротиков, заостренных на конце, и деревянных мечей, «выглядевших как сабля». Возможно, это были бумеранги, ведь Дампир никогда не видел их в действии.

Несмотря на весьма нелестный отзыв Дампира об австралийских аборигенах, нельзя не заметить, что он за короткое время наблюдения за ними вполне правильно подметил их основные антропологические черты. Современные антропологи указывают на те же признаки: высокий рост, стройность тела, узость костей рук и ног.

Англичане покинули австралийские берега 12 марта 1688 г., уйдя в Индийский океан.

Дампира вновь охватило желание уйти с корабля от деспотической власти Рида и беспробудного пьянства команды. Когда корабль достиг Никобарских островов, расположенных недалеко от Суматры, Дампир попросил Рида отпустить его на берег. Капитан согласился, но едва лодка, где находился Дампир, достигла берега, как ее догнал Тит с приказанием Рида вернуться на корабль под вооруженной охраной.

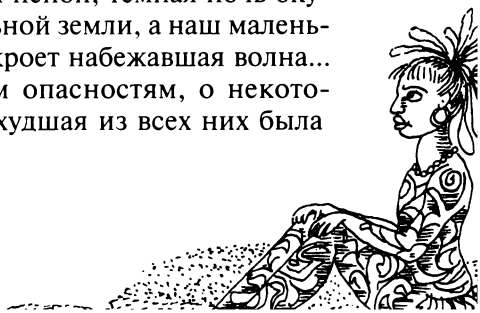
По возвращении Дампир нашел команду корабля в состоянии крайнего волнения. Корабельный врач Коппингер и один из матросов, Холи, потребовали, чтобы и их отпустили на берег, но капитан отказался это сделать, поскольку команда не могла остаться без врача. Тогда Коппингер с мушкетом в руке спустился в лодку, находившуюся у борта корабля. Но тут же в лодку прыгнули несколько матросов. Они разоружили врача и доставили назад на корабль. После этого Рид обещал Дампиру и Холлу отпустить их на берег вместе с несколькими малайцами, которых Рид не хотел держать на борту корабля. Кто-то из дружески расположенных к Дампиру членов команды бросил им в лодку топор, чтобы они могли защищаться, если местные жители будут к ним враждебны. С этим оружием в руке Дампир вышел

на берег. «Была прекрасная лунная ночь, когда мы высадились. Поэтому мы шли по песчаному берегу, чтобы наблюдать, когда наш корабль уйдет, не считая себя в безопасности на новом месте, пока это не произойдет. Около 11 или 12 часов мы увидели, что корабль поднял паруса, и тогда мы вернулись в жилища туземцев и легли спать. Это было 6 мая»¹⁶.

На следующее утро Дампир обменял топор на каноэ. Он и его спутники вместе с их багажом сели в лодку. Метрах в тридцати от берега каноэ перевернулось, пассажиры и их багаж оказались в воде. Правда, было неглубоко. Дампир и его спутники вытащили вещи на сушу. Несколько дней они сушили свои пожитки, пытались переделать каноэ в морской катамаран. Большинство морских карт, имевшихся у Дампира, было безнадежно испорчено, но дневник он все-таки сумел высушить. Кроме дневника и нескольких книг, скорее всего морских атласов, у него из вещей остался только компас.

Дампир и его спутники поплыли в Аче, находившийся на северном побережье Суматры, в 150 милях от места их высадки. Это было самое тяжелое путешествие, какое когда-либо предпринимал Дампир.

«Было 15 мая 1688 г., около четырех часов пополудни, — писал Дампир, — когда мы покинули Никобарские острова, держа путь к Аче. Нас было всего шесть человек, два англичанина и четыре малайца, которые родились в Аче. 18 мая подул свежий ветер, небо начало покрываться облаками». В полдень Дампир хотел определить по солнцу место их нахождения, но сделать это не удалось: солнце плотно закрыли облака. После полудня ветер продолжал усиливаться, бурно заходили волны. Каждая из них грозила потопить лодку. В ней уже было много воды, приходилось все время ее вычерпывать. «Вечер 18 мая был гнетущим, — продолжает Дампир. — Небо было очень черным, покрытым тяжелыми облаками, дул сильный ветер, по морю шли высокие волны. Море бросало в нас белой пеной, темная ночь окутала нас, нигде не было спасительной земли, а наш маленький ковчег, казалось, вот-вот накроет набежавшая волна... Я подвергался многим большим опасностям, о некоторых из них я уже упоминал, но худшая из всех них была

не более чем детской игрой в сравнении с тем, что происходило. Я должен, к своему стыду, признаться, что в то время не мог собраться с мыслями. Другие опасности не приходили ко мне с такой спокойной и ужасной торжественностью. Неожидаемое нападение, бой или что-либо в этом роде, когда льется чья-то кровь и все рвется вперед, обуреваемые страстями, — это совсем не то. Но здесь я смотрел томительным взглядом на приближающуюся смерть и почти не имел надежды избежать ее. Я должен признаться, что мое мужество, которое я до этого еще сохранял, покинуло теперь меня... Около 10 часов начался ливень с громом и молниями. Но дождь был приятен для нас, поскольку совершенно иссякли запасы пресной воды, которую мы захватили с собой. Ветер, дувший сильно, постепенно стал более умеренным, и море тоже успокоилось. И когда мы посмотрели на компас, то с удивлением обнаружили, что по-прежнему идем на восток... Но около двух часов утра 19 мая опять налетел сильный ветер с дождем, который лил до рассвета... Было очень темно. Сильный ливень промочил нас до нитки»¹⁷. Наконец через пять дней плавания Дампир и его спутники добрались до Аче.

Малайцы, находившиеся с Дампиром, помогли ему и Холлу устроиться у местных жителей. Оба англичанина были совершенно истощены и страдали от малярии. Затем на них свалилась новая напасть — дизентерия. Малярия также продолжала сильно трепать их. Единственным средством снизить жар считалось кровопускание. Дампир хотел сам сделать себе операцию, но лезвие его ножа оказалось очень тупым. Счастье, что он еще не получил заражения крови.

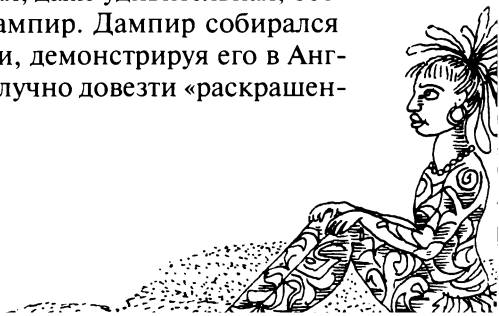
Как только Дампир смог встать на ноги, он опять пустился в путь. Дружески к нему расположившийся ост-индский купец, капитан Уэлдон, предложил Дампиру командование кораблем, если он согласится плыть в Тонкин. Дампир согласился и отправился в плавание. Он прошел через Малаккский пролив, миновал Сингапур, в то время безлюдный остров, на который никто не обращал внимания.

Записки о плавании в Тонкин и обратно не вошли в «Новое путешествие вокруг света», поскольку книга была и так достаточно объемистая. Но после того как книга имела

большой успех у читательской публики, издатель Дампира попросил его написать дополнительный том, куда и вошли эти записки, написанные очень ярко. Путешествие в Тонкин было очень интересным для Дампира; он увидел много нового для себя в этой древней стране.

Там Дампир случайно встретил некоего Эдварда Бэрлоу, который служил помощником капитана на судне «Рейнбоу» («Радуга»), возвращавшемся в Англию. Дампир отдал Бэрлоу пакет, в котором находилась часть дневника Свана, чтобы владельцы «Сигнита» узнали, что случилось с их капитаном и кораблем. Но Дампир больше никогда не слышал об этом пакете, потому что, как потом стало известно из опубликованного дневника Бэрлоу, он потерял ящик, где находились эти бумаги. Дампир вернулся в Аче в марте 1689 г. В течение нескольких недель он был сильно болен, а когда поправился, совершил короткое плавание в Малакку с контрабандным грузом опиума. Затем Дампир плавал в Мадрас, а вернувшись, устроился главным пушкарем в форт, принадлежавший фактории Ост-Индской компании в Бенкулу на западном побережье Суматры. Это нетрудно было сделать, ибо вследствие губительного для европейцев климата почти все солдаты гарнизона умерли. Вступив в должность, Дампир разработал детальный план перестройки форта на случай обострения в дальнейшем отношений с голландцами. Но постоянно пьянствовавшего губернатора форта этот план не заинтересовал.

Шел 1690 год. Дампир уже двенадцать лет находился в путешествии. Надо было возвращаться на родину. Все, что имел Дампир, — это дневник, спрятанный в бамбуковую палку, и «раскрашенный принц» — мальчик-раб по имени Джоли, которого ему подарил знакомый капитан. Джоли был редкой находкой, так как был татуирован с головы до ног причудливыми геометрическими изображениями, «очень курьезными, с нескончаемыми вариациями линий, красочная работа, очень искусная, даже удивительная, особенно на лопатках», — писал Дампир. Дампир собирался зарабатывать на мальчике деньги, демонстрируя его в Англии, если только сумеет благополучно довести «раскрашенного принца» до Лондона.

Проблемой было, как им обоим удрать из Бенкулу. Некий капитан Хит согласился взять их на корабль, но губернатор не желал отпускать опытного пушкаря. Но уже ничто не могло остановить Дампира в его желании вернуться домой. Узнав, что корабль готовится к отплытию, Дампир и Джоли под покровом темноты выползли через отверстие для пушки в стене форта, сели в лодку, находившуюся у берега, и приплыли к кораблю. «Я захватил, — пишет Дампир, — дневник и большинство своих бумаг, но некоторые бумаги и книги я оставил в крепости, а также всю свою мебель» (непонятно, что Дампир имел в виду: какая мебель у этого вечного скитальца!).

Всякий, кто провел какое-то время в Бенкулу, заболел либо дизентерией, либо тифом. Поэтому в течение всего пути через Индийский океан Дампир и все, кто был на борту корабля, непрерывно болели. Они так ослабели, что не могли встать на якорь в Кейптауне. За них это сделали голландцы, которые жили там и хорошо зарабатывали, оказывая подобные услуги измученным плаванием или болезнями командам заходивших в порт кораблей, а также поврежденным судам.

Дампир был очень болен, но когда поправился, немедленно отправился знакомиться с неизвестным ему местом. Он принял участие в короткой экспедиции на север от Кейптауна, в район, населенный готтентотами, находившимися почти на том же уровне развития, что и австралийские аборигены, но в отличие от последних уже обращенных в рабство. Их жилища были самыми убогими из тех, что приходилось видеть Дампиру: жалкие хижины высотой примерно в три метра, крытые хворостом и тростником, похожие на копны соломы. «Они оставляли лишь небольшое отверстие высотой в три-четыре фута, через которое вползали и выползали, — писал Дампир. — Но когда ветер дул в этот выход, его закрывали и делали другой, на противоположной стороне. Они разводили огонь посередине помещения, и дым выходил из щелей во всех частях жилища. У них не было постелей, они ложились на ночь прямо у огня...»

Человек своего времени, Дампир принимал как само собой разумеющееся, что пришедшие в эти края голланд-

цы обратили в рабство коренное население. Он высокомерно говорит о готтентотах как о «больших лентяях», третирует их как полулюдей, но зато восхищается вином, которое уже начали производить голландцы на плантациях, где в ужасающих условиях трудилось закабаленное ими коренное население. На голландских плантациях работали и рабы, привезенные из других частей Африки. Заезжие европейцы, по словам Дампира, свободно разгуливали там, сопровождаемые слугами, «покидавшими вас лишь затем, чтобы предложить попробовать тот или иной фрукт». Главным из них был виноград, который «прижился очень хорошо и урожай его в последние годы были столь большими, что началось производство вина, которого они имеют достаточно для того, чтобы и удовлетворять свои потребности, и продавать в больших количествах на заходящие туда корабли. Их вино похоже на белое французское, но бледно-желтого цвета. Оно очень сладкое, очень приятное и крепкое»¹⁸.

В столь благоприятных для европейцев условиях голландской колонии команда корабля капитана Хита быстро поправлялась. Из Кейптауна Хит повел свое судно в Англию, сделав лишь одну остановку на острове Святой Елены, чтобы пополнить запасы воды. 16 сентября 1691 г. корабль бросил якорь у берегов Англии. Так закончилось первое кругосветное плавание Дампира, растянувшееся на двенадцать с половиной лет.

Глава третья В Новую Голландию

Появившись в Лондоне без гроша в кармане, Дампир, как и намеревался, сразу же договорился с деловыми людьми об организации показов «раскрашенного принца». Было выпущено следующее объявление: «Это очаровательное существо будет демонстрироваться публике каждый день, пока будет находиться в городе, с 16 июня в Блу-Бос-Хед на Флит-стрит, недалеко от Уотер-Лайн... Но если досточтимые джентльмены и леди выразят желание увидеть это удивительное существо у себя дома или в каком-либо другом удобном для них месте в пределах или за пределами Лондона, то пусть они известят об этом, он будет ждать их в карете в любой час, который они назначат, но только в дневное время»¹.

Но здоровье Джоли не позволило долго его эксплуатировать. Через несколько месяцев он умер в Оксфорде.

Не сохранилось никаких сведений о жизни Дампира в следующие пять лет. Возможно, он провел их на ферме своего брата Джорджа. Может быть, он совершал короткие плавания на европейский континент, чтобы заработать деньги на жизнь.

Сведения о Дампире появляются лишь в 1697 г., когда были опубликованы его дневники под заголовком «Новое

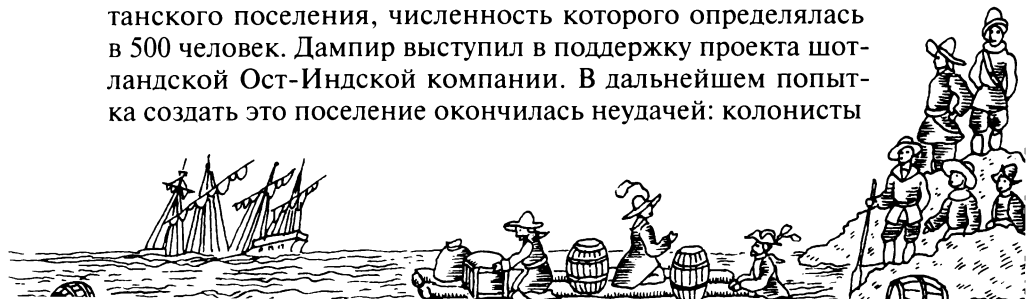
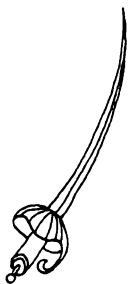
путешествие вокруг света». Его издатель Джеймс Пептон, воодушевленный успехом книги, опубликовал дневники еще нескольких буканьеров, таких как Лайонел Уофер, Уильям Коули, Бартоломей Шарп, открыв, таким образом, путь изданию литературы о путешествиях, получившей огромную популярность в последующие столетия.

Дампир, очевидно, потратил много времени и труда на подготовку своих дневников к печати, судя по бесконечным дополнениям и исправлениям, которые он делал в рукописи, находящейся сейчас в Британском музее. Но даже и эта рукопись не является той окончательной, которая была передана издателю. Рукопись была, конечно, его собственным произведением, хотя Дампир признавался, что просил друзей помочь ему выправить стиль.

В предисловии он предупреждал читателей не ждать от него невероятных историй, фантастических рассказов, поскольку его цель чисто научная — «искреннее желание показать полезность знаний и всего того, что может способствовать благополучию моей страны».

Прося прощения за свою «самоуверенность незнакомца», Дампир посвятил книгу президенту Королевского общества. Это не осталось без благоприятных для Дампира последствий. Книга вышла в феврале 1697 г., а в середине лета Дампир уже получил должность в таможне.

Его стали также приглашать в Совет по торговле и предпринимательству, поскольку его книга свидетельствовала о познаниях в заморской торговле и организации плантаций. Так, в июле 1697 г. он вместе с Уофером был вызван на заседание совета, рассматривавшего предложение шотландской Ост-Индской компании, которую возглавлял Уильям Петерсон, о создании колонии на острове около атлантического побережья Панамского перешейка. Совет просил дать описание Панамского перешейка. Это описание впоследствии было опубликовано. Они должны были также высказать мнение о возможности создания там британского поселения, численность которого определялась в 500 человек. Дампир выступил в поддержку проекта шотландской Ост-Индской компании. В дальнейшем попытка создать это поселение окончилась неудачей: колонисты

с Британских островов не имели закалки знакомых Дампиру буханьеров; не выдержав непривычного для них климата, они сбежали оттуда. В то время реализация подобных планов, как правило, оканчивалась неудачей.

Дампир привлекался советом и как эксперт в вопросах пиратства и борьбы с ним. Так, в сентябре 1698 г. он консультировал совет относительно выбора наилучшего маршрута для эскадры военных кораблей, посылаемых для борьбы с пиратами к востоку от мыса Доброй Надежды, в район Мадагаскара. Успех книги открыл Дампиру двери домов высокопоставленных людей. Так, в августе 1698 г. он обедал вместе с секретарем Адмиралтейства Самуэлем Пенисом в доме писателя Джона Эвелина. В этом доме, кстати сказать, незадолго до того останавливался Петр I во время поездки в Англию.

Д. Эвелин потом писал о капитане Дампире, «который был знаменитым буханьером, привез сюда раскрашенного принца Джоли и напечатал описание своих очень необычных приключений и наблюдений. Теперь он опять собирается в плавание при поддержке короля, который снарядил корабль водоизмещением 290 тонн. Он производит впечатление более скромного человека, чем можно было бы вообразить, учитывая среду, к которой он принадлежал. Он принес карту направлений ветров в Южных морях, составленную по его наблюдениям, и уверял нас, что подобные карты, до сих пор существовавшие, все были неправильными в части, относящейся к Тихому океану»².

Другим выдающимся знакомым Дампира был Г. Слоан, преемник И. Ньютона на посту секретаря Королевского общества. Молодым человеком Слоан отправился на Ямайку в качестве врача. Там он имел возможность познакомиться с деятельностью буханьеров. Он покупал рукописи дневников буханьеров, в том числе и Дампира, и позже отдал их в дар Британскому музею, что положило начало интереснейшей коллекции, хранящейся там до сих пор. Вероятно, тот же Слоан предложил Томасу Муррею написать портрет Дампира, находящийся сейчас в Национальной галерее.

Книга Дампира произвела сильное впечатление на Джонатана Свифта. Он читал и следующую книгу Дампира

о путешествии в Новую Голландию и черпал оттуда материал для описания плавания своего капитана Гулливера. Книга о Гулливере появилась в 1726 г., но Свифт начал работу над ней много раньше. Интересно, что Лемюэль Гулливер упоминает о родстве с «кузеном Дампиром». Вымышленные карты, помещенные Свифтом в книге о Гулливере, даны совершенно очевидно по образцу карт из книг Дампира. Так, Лилипутия показана к югу от Суматры и названа как «открытая в 1699 г.», вскоре после того, как Дампир побывал в этих краях на «Сигните». Аналогично земля Гуигнгнмов расположена к югу от Австралии. Можно также добавить, что во время четвертого плавания Гулливера, когда он попадает на этот остров, он видит интеллектуальных лошадей — гуигнгнмов и звероподобные человеческие существа — йеху, которые напоминают австралийских аборигенов в описании Дампира. Капитан Покок, с которым Гулливер совершал это плавание, наделен чертами Дампира. Свифт пишет, что «этот капитан был славный малый и хороший моряк, но отличался некоторым упрямством в своих мнениях, и этот недостаток погубил его, как он погубил уже многих других»³. Здесь Свифт намекал на удаление Дампира из королевского флота после плавания на «Роубаке», о чем речь пойдет ниже.

Свифт использовал описания Дампиром людей, стоявших на низшей ступени развития, для создания своей великой сатиры на современное ему английское общество. В четвертой части «Путешествия Гулливера» он бичевал зарождавшийся тогда колониализм британской буржуазии, роль в этом позорном деле людей, подобных Дампиру: «Буря несет шайку пиратов в неизвестном им направлении; наконец юнга открывает с верхушки мачты землю; пираты выходят на берег, чтобы заняться грабежом и разбойничеством; они находят безобидное население, оказывающее им хороший прием; дают стране новое название, именем короля завладевают ею, водружают гнилую доску или камень в качестве памятного знака, убивают две или три дюжины туземцев, насильно забирают на корабль несколько человек в качестве образца, возвращаются на родину и получают прощение. Так возникает новая колония, приобретен-

ная по божественному праву. При первой возможности туда посылают корабли; туземцы либо изгоняются, либо истребляются, вожди их подвергаются пыткам, чтобы принудить их выдать свое золото; открыта полная свобода для совершения любых бесчеловечных поступков, для любого распутства, земля обгаряется кровью своих сынов. И эта гнусная шайка мясников, занимающаяся столь благочестивыми делами, образует современную колонию, отправленную для обращения в христианство и насаждения цивилизации среди дикарей-идолопоклонников»⁴.

Успех первой книги Дампира, как уже указывалось, побудил издателей подготовить приложения к ней, содержащие материалы, не вошедшие в книгу. Так появился новый том «Приложение к путешествию вокруг света», опубликованный под названием «Путешествия и открытия».

Книга эта вышла, когда Дампир был опять в плавании, но на этот раз как капитан корабля королевского военноморского флота, а не как буканьер или приватир. Президент Королевского общества представил Дампира графу Оксфорду, первому лорду Адмиралтейства, и тот довольно неожиданно благосклонно выслушал предложение Дампира об организации плавания с исследовательскими целями к берегам Новой Голландии и Новой Гвинеи. Дампир предложил этот маршрут не только потому, что первым из англичан увидел восемь лет назад берега Австралии, но еще и потому, что этот район был вдали от земель, где господствовали враждебные Англии державы — Франция и Голландия. Дампир прекрасно понимал всю сложность плавания в этой неизученной части земного шара, о которой ходили среди моряков фантастические рассказы.

Оставалось неизвестным, является Новая Голландия частью Новой Гвинеи или отделенной от нее землей, где находится в действительности таинственная Южная Земля, обычно расположенная на картах того времени далеко на юге и занимавшая почти всю южную часть Атлантического и Тихого океанов; населяют ли ее в самом деле монстры человеческой породы, головы которых шире плеч, а пятки столь огромны, что они закрываются ими, как зонтика-

ми, если заснут на солнце. «Поэтому, — писал Дампир, — если я буду привлечен к экспедиции подобного рода, я бы желал получить полномочия, не ограниченные во времени и пространстве». Он просил выделить ему два судна и опытные команды. Что касается маршрута плавания, то Дампир предполагал идти через мыс Доброй Надежды к западным берегам Новой Голландии и к северному побережью Новой Гвинеи, а затем посмотреть, что находится к востоку, т. е. фактически повторить путь Тасмана в обратном направлении.

Предложения Дампира были одобрены Адмиралтейством. В инструкциях, утвержденных Адмиралтейством 30 ноября 1698 г., ему предписывалось идти к Новой Голландии, а затем к Новой Гвинее и Южной Земле или «избрать любой другой курс». Дампир обязывался доставить в Англию образчики флоры неизвестных земель, а также представителей местного населения, «если они согласятся на это добровольно». Дампир наделялся властью карать за мятежные настроения любого члена экипажа и должен был вести подробный журнал плавания. Дампир не получил двух судов для экспедиции. Сначала ему предложили корабль «Джолли Прайс», который он нашел «совершенно непригодным» для предстоящего плавания. Тогда ему дали «Роубак» («Косуля»), судно водоизмещением 292 тонн, 98 футов длиной и 25 футов шириной, с 12 орудиями и экипажем в 50 человек. Корабль был построен в 1690 г., сравнительно недавно, но так плохо, что «на вид, казалось, имел почтенный возраст». Все лето Дампир провел в Дептфорде, наблюдая за подготовкой корабля к плаванию. В качестве капитана он появился на борту судна 6 октября 1698 г.

Королевская служба давала респектабельность и обеспеченность, но долголетнее буканьерство не могло пройти бесследно для Дампира, оно сформировало его характер, не изменившийся и после того, как он поступил на королевскую службу. Выше уже упоминалось о Бартоломее Шарпе, бросившем почтенную службу в военно-морском флоте и вновь приставшем к буканьерской вольнице. Будущая судьба Дампира показала, что и он в душе продолжал оставаться все тем же «морским скитальцем».

Следует также сказать, что само понятие офицера военно-морского флота в современном его значении в те годы только начало складываться. Список офицеров английского военно-морского флота был впервые опубликован лишь вскоре после начала нового плавания Дампира. Флот жил традициями таких знаменитых людей, как Фрэнсис Дрейк и Роберт Блейк, первый из которых почти всю свою жизнь провел пиратом, а второй был сухопутным офицером, посланным в море. Странные и совершенно неожиданные личности появлялись в королевском военно-морском флоте во времена Дампира. Так, Титус Отс служил корабельным священником и в то же время более умело, чем кто-либо из буканьеров, командовал кораблем, который использовал в пиратских целях. Неудивительно поэтому, что и Дампиру было доверено командовать кораблем королевского военно-морского флота. Но посланный в плавание с исследовательскими целями на непригодном для этого судне, с неопытной командой, руководимой офицерами, косо смотревшими на буканьерское прошлое своего капитана, Дампир должен был показать образец высокой дисциплинированности и другие качества, связывающиеся с традиционным образом морского офицера, которыми он, по всей вероятности, не обладал.

Третья и последняя книга Дампира, представлявшая собой отчет о плавании в Новую Голландию, вышедшая в свет двумя частями в 1703-м и 1709 гг., показала, что Дампира больше интересовала естественная история, чем искусство командира. Его книга содержала превосходные описания увиденной в дальних землях флоры и фауны, более точные, чем неумелые зарисовки, которыми художник, принимавший участие в плавании, иллюстрировал книгу. Она была насыщена важнейшими навигационными данными, которые в дальнейшем использовали другие мореплаватели и опираясь на которые капитан Филипп Картерет, например, смог сделать через столетие дальнейшие открытия в Ост-Индии. Но в книге почти отсутствовал, так сказать, человеческий материал: сведения биографического характера были крайне скудными, почти ничего не говорилось об офицерах и матросах экипажа корабля,

его отношениях с ними. К тому же в книге не было той яркости и сочности описаний, которые были характерны для его первой книги.

Итак, 4 января 1699 г. Дампир начал свое плавание к берегам Новой Голландии.

Парадоксально, но факт, что Австралийский континент, по площади почти равный Соединенным Штатам Америки (без Аляски), был открыт европейцами позже мелких островных групп Океании, хотя существование Южной Земли, или Terra Australis, не вызывало сомнений еще в античные времена.

Когда испанцы утвердились в Америке, они, возбуждаемые легендами инков о богатейшей земле, расположенной в южной части Великого океана, стали посылать туда свои корабли. Экспедиции А. де Менданьи в 1567-м и 1595 гг. и П. де Кироса в 1605 г. открыли новые земли, но не материк, а небольшие архипелаги: Соломоновы и Маркизские острова, Новые Гебриды.

Один из кораблей Кироса, которым командовал Л. де Торрес, на обратном пути под действием муссонов отклонился к юго-западу и, обойдя Большой Барьерный риф, прошел через пролив, отделявший Новую Гвинею от Австралии и названный впоследствии его именем.

Но к австралийскому материку первыми из европейцев подошли не испанцы или португальцы, господствовавшие на протяжении XV—XVI вв. на Тихом океане, а голландцы. Случилось это в начале XVII столетия.

К этому времени голландцы и англичане покончили с морским господством Португалии и Испании, в том числе и в Тихом океане. К началу 70-х годов XVI в. в руках Португалии из всех азиатских колоний остались Гоа, Даман и Диу в Индии и Макао в Китае. Власть Испании в Юго-Восточной Азии и Океании распространялась к тому времени лишь на Филиппины и острова Микронезии.

В 1595 г. была организована первая голландская экспедиция в Индию в составе четырех судов. Голландцы потеряли половину кораблей и третью часть экипажей, но убедились, что возможно достичь берегов Индии. В 1598 г. в Индию

отправилась вторая экспедиция, состоящая из семи судов. Она прошла с большим успехом: все корабли возвратились с богатым грузом пряностей. В том же году голландцы закрепились на острове Ява, создали там торговые фактории, опираясь на которые они постепенно монополизировали торговлю со странами Южной и Юго-Восточной Азии, а также Дальнего Востока. В 1601 г. в Индию отправились уже 40 голландских кораблей.

Убедившись в доходности таких предприятий, голландские купцы в марте 1602 г. создали общество по торговле с Индией — нидерландскую Ост-Индскую торговую компанию. Компания получила такие права и привилегии, что стала своего рода государством в государстве. Она не только монопольно торговала с Индией, но и имела право назначать чиновников в эту страну, вести войну и заключать мир, чеканить монету, строить города и крепости, образовывать колонии. Капитал компании был огромен по масштабам того времени. Если британская Ост-Индская компания начала свою деятельность в 1600 г. с капиталом 2 тыс. ф. ст., что равнялось 864 тыс. гульденов, то капитал нидерландской Ост-Индской компании при создании составил 6,6 млн гульденов.

С первых же шагов своей деятельности нидерландская Ост-Индская компания энергично занялась поисками Южной Земли. Один из кораблей компании, ведомый капитаном Б. Янсзоном, обогнул с юга Новую Гвинею и достиг побережья Австралии у полуострова, называемого сейчас Кейп-Йорк. Матросы, высадившиеся на берег в поисках воды и пищи, были убиты местными жителями. Янсзон поспешил уйти от этих негостеприимных берегов и в июне 1606 г. вернулся в Батавию (современное название — Джакарта).

Судовой журнал экспедиции, руководимой Б. Янсзоном, не сохранился. Совершенно очевидно, что сообщение капитана об открытой земле не было воодушевляющим. В книгах Ост-Индской компании есть краткая, но весьма выразительная запись: «Ничего хорошего не может быть там сделано». В последующие полстолетия эта фраза не раз повторялась руководителями компании.

Голландские моряки стали ходить в свои владения в Юго-Восточной Азии несколько иным путем, чем португальцы и испанцы, корабли которых плыли от мыса Доброй Надежды вдоль берегов Африки до самого экватора, а потом уже на восток. Голландцы избрали более короткий маршрут. В 1611 г. капитан Х. Броуэр, пройдя 4 тыс. миль на восток от мыса Доброй Надежды, затем повернул на север, что сократило время перехода из Голландии в Батавию с 18 месяцев до шести.

Директорат Ост-Индской компании в Амстердаме официально утвердил данный курс для своих кораблей. Это помогло голландцам обнаружить Австралию и исследовать ее западное и северо-западное побережья. Отзывы голландских моряков о новой земле были обескураживающими.

В 1623 г. голландский корабль под командованием Я. Карстенса, повторив маршрут Янсзона, вошел в большой залив на северном побережье Австралии. Карстенс назвал его заливом Карпентария в честь тогдашнего генерал-губернатора нидерландской Ост-Индии П. де Карпентера. В отчете о плавании капитан писал: «Мы не видели ни одного плодоносящего дерева, ничего такого, что человек мог бы использовать для себя... Жители — жалкие и бедные существа...»

В 1636 г. генерал-губернатором Батавии стал А. Ван Димен, который стремился к расширению владений Нидерландов в Южных морях. Его целеустремленность и упорство очень ценились и поощрялись руководством нидерландской Ост-Индской компании. 16 сентября 1638 г. совет директоров компании писал Ван Димену: «Ваша милость действует мудро, уделяя большое внимание открытию Южной Земли и золотоносных островов, которые были бы весьма полезны компании». По приказу Ван Димена два корабля под командованием капитана А. Тасмана в августе 1642 г. покинули Батавию и отправились исследовать «оставшуюся неизвестной часть земного шара».

Плывя на юго-восток от острова Маврикий, экспедиция достигла неизвестного острова, который получил название Земли Ван Димена (современное название — Тасмания).

Продолжая плавание, Тасман подошел к берегам Новой Зеландии, приняв ее за Terra Australis. На следующий год Тасман исследовал северную часть Австралийского материка, но не нашел там ничего привлекательного для Ост-Индской компании, прежде всего золота и серебра. В результате компания утратила интерес к дальнейшему исследованию Южных морей.

Что касается Новой Гвинеи, то первые посещения острова европейцами относятся к началу XVI в. Первым европейцем, высадившимся на Новой Гвинее, был португалец Менезиш. Это произошло в 1526 г. Он назвал увиденную им землю Папуа (от малайского названия «Оранг папуа», что означает «курчавый черноголовый человек»).

Начиная с 20-х годов XVI в. у острова побывало еще несколько испанских капитанов. Один из них, де Ретес, найдя сходство в конфигурации его берегов с очертаниями гвинейского побережья в Африке, дал ему название Новая Гвинея. В 1606 г. капитан Луис де Торрес, обойдя остров с востока, приблизился к его западному берегу. Он первым прошел пролив, отделяющий Новую Гвинею от Австралии. Де Торрес объявил остров собственностью испанской короны, но эта его акция не была поддержана правительством Испании.

С начала XVII в. в водах Новой Гвинеи появились голландские корабли. В 1606 г. В. Янсзон посетил южный берег острова: в 1616 г. Я. Ле-Мер и В. Схаутен прошли вдоль северного берега. Капитаны Я. Карстенс и А. Тасман нанесли на карту часть новогвинейской береговой линии.

Переписка Дампира с Адмиралтейством показывает, что до начала плавания он совершенно не обращал внимания на состав команды. Это было его большой ошибкой. С началом экспедиции он был неприятно поражен низкой квалификацией своих людей. Его штурман в первую же ночь плавания чуть не разбил корабль о французский берег. Позднее он часто напивался до того, что не мог стоять. Корабельный плотник показал свою полную неспособность к работе. К тому же первый помощник Дампира, Джордж Фишер, стал выступать против него еще до того, как корабль ушел в море.

Что происходило во время плавания «Роубака» в Атлантическом океане, ярко показывают документы, представленные как свидетельские показания в суд, который ожидал Дампира по его возвращении.

С самого начала Дампир заподозрил заговор против себя и был убежден, что его помощник на стороне заговорщиков. Фишер уже служил на нескольких кораблях королевского военно-морского флота. Он открыто выражал недовольство судьбой, пославшей ему в начальники бывшего буканьера. Фишера глубоко оскорбляли такие грубые высказывания о нем Дампира, как «Бог проклял этого старого негодяя», с добавлением еще более крепких слов. Фишер также заявлял, что Дампир отменял во многих случаях его распоряжения. Например, Дампир отменил распоряжение выпороть матроса, не выполнившего приказание Фишера. Он назначил матросу очень легкое наказание. Фишер квалифицировал это действие Дампира как «наглядный пример» его некомпетентности, не упускал случая указать капитану, что тот ничего не понимает в обычаях службы в королевском флоте.

В Тенерифе на Канарских островах Фишер приказал выдать пиво. Казначей корабля пригрозил «проломить ему голову», если это будет сделано. Все это происходило в присутствии Дампира, который никак не реагировал на происходившее. Фишер же заявил, что если Дампир не поддержит его в случае грубого невыполнения его приказа подчиненным, то «это может иметь плохие последствия».

Вскоре Дампир упрекнул Фишера за избивание юнги. Фишер ответил, что он действовал вполне законно. Тогда Дампир угрожал заковать его в кандалы, если он посмеет еще раз сделать нечто подобное.

Однажды вечером за кружкой пунша разговор зашел о пиратстве и приватирстве. Дампир принялся расхваливать жизнь буканьеров, говорил, что не может себе представить лучшей жизни. На это Фишер заявил, что его удивляют слова Дампира, ибо он полагает, что нет лучшей доли, чем служить на корабле королевского флота, а в пиратской жизни нет ничего ни приятного, ни честного. Тогда Дампир потребовал, что Фишер объяснил, что он понима-

ет под словом «пиратство», поскольку рассматривает его высказывание как личное оскорбление. Разговор принял опасный оборот. Дампир откровенно заявил, что если он встретит кого-либо из людей того сорта, то не допустит, чтобы хоть один волос упал с их голов. На это Фишер отвечал, что Дампиру как капитану королевского флота, действующему по указаниям Адмиралтейства, не подобает так говорить, а наоборот, следовало бы прилагать все усилия, чтобы поймать подобного рода преступников.

Подобные стычки капитана со своим помощником были часты. Совершенно очевидно, что похвалы, расточаемые Дампиром пиратам, рождали у Фишера опасения, что капитан кончит тем, что примкнет к морским разбойникам. Его укрепляло в этом распространившееся среди команды мнение, что Дампир «стал совершенно иным человеком, как только попал на другую сторону линии раздела».

Когда «Роубак» подходил к берегам Бразилии, нервы Дампира были напряжены до предела. Он решил спать на палубе, держа пистолет рядом с собой. Еще до того как Дампир отправился в плавание, королевский астроном Флемстед, заинтересованный в проведении метеорологических наблюдений, которые обещал сделать Дампир, предупредил его, что команда может восстать, когда корабль будет на другой стороне Атлантического океана. Команды многих капитанов, совершавших кругосветные путешествия, так поступали. Известно, что Дрейк казнил своего помощника у берегов Патагонии, обвинив в заговоре против него. Дампир знал, что команда озлоблена плохим питанием и боится плавания в неизвестных морях. Он подозревал, что Фишер своими разговорами, направленными против него, разжигает недовольство экипажа. Он помнил, что инструкция Адмиралтейства обязывала его пресекать всякую крамолу на борту корабля.

Ссора между капитаном и его помощником все усиливалась. Взрыв произошел, когда Фишер распорядился открыть бочку с пивом, не спросив Дампира, а тот, узнав об этом, запретил. Тогда Фишер набросился на Дампира с проклятиями, называя его, как показывал на суде один из свидетелей, «старым негодяем и жуликом», и «при-

зывать моряков к бунту... И поскольку он не успокаивался, а продолжал ругать капитана, он был наконец заперт в своей каюте». Но все происходило не совсем так. Дампир сделал непоправимую ошибку: он потерял контроль над собой, бросившись на Фишера с тростью. Он погнался за Фишером на полубак, где и запер его в каюте. Оттуда Фишер, как он объяснял суду, слушал громкую брань капитана и угрозы расправиться с ним самому, без всякого Адмиралтейства.

Затем Дампир собрал команду на палубе корабля и спросил, намерены ли они бунтовать. Получив заверения, что подобная мысль никогда даже не приходила им в голову, Дампир сказал команде, что знает об их нуждах, о том, что им нечего есть и пить, но он позаботится о них, как отец. Во время речи капитана продолжали раздаваться крики запертого в каюте Фишера, который поносил Дампира и предупреждал команду не верить его словам.

В течение следующих трех недель, до тех пор пока «Роубак» не подошел к бразильскому берегу, Фишер оставался в своей каюте в кандалах. Сойдя на берег, Дампир попросил португальского губернатора поместить Фишера в местную тюрьму, пока обстоятельства не позволят отправить его в Англию, Фишер был доставлен на сушу в кандалах под охраной. Он провел в тюрьме три месяца. При этом Дампир не оставил Фишеру ни пенни, хотя и послал ему слугу и немного продовольствия. Об этом ни слова не говорится в книге Дампира о путешествии. Там есть лишь упоминание об «упрямстве, недовольстве и непослушании некоторых моих людей» и намеки на их боязнь длительного плавания. Это «обоснованно заставляло меня, — пишет Дампир, — подозревать их в намерении поднять мятеж». В книге ничего не говорится о конфликте с Фишером, приведшем в конце концов к краху карьеры Дампира как офицера королевского флота. Поступая с Фишером подобным образом, он прекрасно понимал, что ответит за это по возвращении на родину, но никогда не сожалел о содеянном. Отправив Фишера в тюрьму, он послал отчет о плавании в Адмиралтейство, в котором писал, что все идет хорошо, за исключением того, что «я ежедневно подвергался оскорб-

лениям со стороны моего лейтенанта Джорджа Фишера...». «Когда же поведение Фишера стало совсем невыносимым, — продолжал Дампир, — то я пригрозил ему тростью, которая была тогда в моих руках, на что он, повернувшись ко мне, назвал меня старой собакой, старым негодяем и заявил моим людям: “Джентльмены, схватите эту старую пиратскую собаку, ибо он намерен убежать с вами и королевским судном”». Поэтому он был посажен под арест, «чтобы не дать ему возможности вызвать бунт на корабле»⁵.

После инцидента с Фишером Дампир стал спокойнее и целиком сосредоточился на задачах экспедиции. Он дал команде отдохнуть, принял меры к обеспечению корабля продовольствием и водой на длительное плавание. «Роубак» вновь пересек Атлантический океан, прошел мимо мыса Доброй Надежды и направился к берегам Новой Голландии. Преодолев 7 тыс. миль, корабль подходил к западному берегу Австралии около Дирк-Хартогс-Пойнт, места, названного так в честь голландского моряка, вышедшего здесь на берег в 1616 г. и оставившего медную плиту, надпись на которой объявляла эту землю владением Нидерландов.

1 августа 1699 г. англичане были уже у берега, но не могли найти подходящего места для стоянки корабля, пока не обнаружили глубокий залив, названный Дампиром заливом Шарка. Команда была измучена непрерывным трехмесячным плаванием, вода подходила к концу.

Но Дампир решил не высаживаться на сушу: перед ним была бесплодная пустыня, где не было и следов необходимой ему воды. Он повел свой корабль на север. Если бы Дампир повернул на юг, то вскоре увидел бы благодатные места в районе современного Перта, где нашел бы все необходимое. Но его решение было вполне объяснимо: он знал, что найдет на северо-западном побережье Новой Голландии, где до этого побывал на корабле капитана Рида, а что он мог встретить, идя на юг, было совершенно неизвестно. Поэтому «Роубак» шел на север мимо унылых берегов, пока не достиг местности, называемой сейчас Землей Дампира. Недалеко отсюда было место первой высадки Дампира на австралийском берегу в районе архипелага Буканьеров. Наконец была найдена свежая вода.

Как и во время первого посещения Австралии, Дампир увидел стоявших вдалеке аборигенов: высоких чернокожих людей, тела которых были разрисованы белыми кругами. Как и тогда, вид их вызывал в нем неприязнь. «Все они, — писал Дампир позднее, — имели неприятный вид и были самыми безобразными из людей, которых я когда-либо видел, хотя я видел великое множество дикарей»⁶.

В его книге о путешествии в Новую Голландию есть рассказ о попытке поймать кого-нибудь из коренных жителей: «Прыткий молодой человек, бывший со мной, видя их вблизи, побежал за ними, и они тут же бросились бежать от него. У него был меч, а у них — деревянные копья. Их было много, и ему пришлось туго. Вначале, когда он побежал за ними, я погнался за двумя другими, находившимися у берега, но, понимая, что может случиться с молодым человеком, быстро повернул обратно, взобрался на вершину песчаного холма и увидел его недалеко от себя, окруженного ими. Увидев меня, один из них бросил копье, пролетевшее рядом со мной. Я выстрелил, чтобы только испугать их, не намереваясь убить кого-нибудь... Хотя выстрел сперва и испугал их немного, но они скоро успокоились и, вскидывая руки, презрительно крича “пу, пу, пу”, подступили к нам снова. Я понял, что надо действовать решительно, и выстрелил в одного из них. Остальные, видя, что он упал, отступили, и молодой человек получил возможность вырваться и прибежать ко мне. Другой человек, который также был со мной, ничем не мог помочь, поскольку у него не было оружия. Я возвратился с моими людьми, оставив попытку захватить кого-либо из туземцев, будучи огорчен тем, что случилось. Туземцы взяли с собой раненого товарища. А мой молодой человек, который был ранен копьем в щеку, очень боялся, что копье было отравлено, но я так не думал. Его рана была очень болезненна, так как была нанесена тупым оружием, но он скоро выздоровел»⁷.

Пять недель пробыли англичане на австралийском берегу, «не очень привлекательном», как писал Дампир. Затем «Роубак» пошел к Тимору.

Гористый остров предстал перед англичанами на рассвете 11 сентября. Западная его половина принадлежала

голландцам, восточная — португальцам. «Роубак» подошел к западному берегу, и англичан встретил весьма подозрительно настроенный командир голландского гарнизона. В этот район, где проходили важнейшие морские пути, иностранные корабли заходили обычно с целью пиратства. За два года до прихода «Роубака» здесь побывало французское пиратское судно, нанесшее серьезный ущерб.

Больших усилий стоило Дампиру добиться разрешения отправить к берегу лодку, чтобы взять питьевую воду. Это ему удалось сделать лишь после того, как он убедил голландцев, что его корабль принадлежит к королевскому флоту и что Англия и Голландия являются теперь союзниками в войне против Франции.

Один из офицеров «Роубака», посланный Дампиром на берег, сознательно постарался ухудшить отношения с голландцами, чтобы вынудить своего капитана прекратить опасное исследовательское плавание и повернуть к Яве. Когда Дампир узнал об этом, то приказал плыть к восточной части острова, где встретил более дружественный прием у португальского губернатора. Команде было разрешено сойти на берег для отдыха.

В это время Дампира гораздо больше беспокоило не здоровье экипажа, а состояние судна. В тропических водах днища деревянных кораблей быстро обрастали водорослями и ракушками. «Роубак» очень нуждался в очистке днища. Но корабельный плотник, как уже говорилось, дела своего не знал, и на Тиморе не было возможности произвести полный ремонт судна. Все, что можно было сделать, — это накренить корабль так, чтобы очистить его бока от водорослей и ракушек. Но времени для этого не было, поскольку Дампира предупредили, что в любой день может задуть муссон. Дампир решил отказаться от ремонта корабля. Он ограничился лишь пополнением запасов продовольствия и питьевой воды и продолжал плавание. В Новый, 1700 год «Роубак» подошел к западному берегу Новой Гвинеи. Предполагаемый Дампиром маршрут дальнейшего плавания должен был проходить в совершенно неизведанных водах, ибо маршруты двух капитанов, плававших здесь до него — Схаутена и Тасмана, — проходили значительно севернее.

«Роубак» шел вдоль северного побережья Новой Гвинеи. Дампир наносил на карту встречавшиеся ему острова, давал им свои названия. Один из них он назвал островом короля Вильяма, в честь своего монарха, другой — островом Провидения, потому что дошел до него на таком ветхом судне, как «Роубак». Но все эти земли были открыты до него, о чем Дампир, конечно, не знал. Единственной действительно открытой впервые именно Дампиром землей был остров, названный им Новая Британия.

Дампир не мог определить, является ли открытая им земля островом, пока не сделал наиболее важного открытия своего плавания: он нашел пролив между Новой Британией и Новой Гвинеей, называющийся сейчас проливом Дампира.

Когда Дампир плыл вокруг острова, он сделал одну ошибку: то, что он называл заливом Сент-Джордж, было в действительности входом в пролив, названный в настоящее время Сент-Джордж-Чэннел, разделяющий открытую им землю на два острова: Новую Британию и Новую Голландию, как это установил капитан Филипп Картерет во время своего плавания вокруг света в 1767 г., используя карту этого района, сделанную Дампиром.

Хотя «Своллоу» («Ласточка»), корабль Картерета, был такой же ветхий, как «Роубак», но Картерет лучше использовал течения, да и сезонное направление ветров было иным: Дампир был в этом районе, когда дул западный муссон, а Картерету пришлось бороться с пассатами. Сильное течение, которое занесло корабль в залив Сент-Джордж, дало возможность Картерету узнать, что это пролив, разделяющий два острова. Таким образом, Картерет открыл наиболее удобный морской путь, соединяющий Южную Азию с Австралией, что оказалось очень кстати, когда была создана первая британская колония на пятом материке — Новый Южный Уэльс — и началось движение торговых судов из Индии.

Дампир, верный себе, во время плавания в любой ситуации старался вести научные наблюдения. Так, идя проливом, получившим в дальнейшем его имя, Дампир наблюдал извержение вулкана. «Всю ночь, — писал он, — вулкан

извергал огонь и дым, что сопровождалось страшным шумом, подобным грому, и виднелось пламя, страшнее которого я еще не видел... Потом можно было видеть огромный огненный поток, бегущий к подножию вулкана и даже почти к берегу»⁸.

Затем Дампир обнаружил остров, который назвал островом Рука, в честь адмирала Джорджа Рука, который, кстати сказать, председательствовал в суде, перед которым предстал Дампир по возвращении на родину.

Обстоятельства не позволили Дампиру продолжить плавание по намеченному им курсу. Он поплыл назад, повторяя старый маршрут, а затем повернул на юг. Так Дампир упустил возможность стать первооткрывателем восточного берега Австралии. Но это объяснялось прежде всего плачевным состоянием корабля и опасными настроениями команды. В предисловии к своей книге о плавании к Новой Голландии Дампир писал: «В то время я встретился со многими трудностями: необходимостью ремонта судна, малочисленностью моих людей, их желанием скорее вернуться домой, а также опасностью продолжать плавание при таких обстоятельствах в морях, где мели и берега были совершенно неизвестны и должны были изучаться с большой осторожностью и медленно. Все это заставило меня отказаться тогда от продолжения намеченных мной исследований»⁹.

Сам Дампир в то время был болен, и команда стала небрежно нести службу. Чем больше плотник старался прекратить течь в корпусе корабля, тем больше она становилась. Лишь придя в Батавию, они смогли очистить корпус судна. Но доски корпуса оказались в таком плохом состоянии, что Дампир пустился в обратный путь на родину с тяжелыми предчувствиями относительно плавучести его корабля. Его единственным шансом была быстрота плавания, отсутствие штормов или болезней экипажа. Любая из этих опасностей могла привести к катастрофе.

Кое-как англичане добрались до острова Вознесения в Атлантическом океане, где случилось то, чего со страхом ждал Дампир. В ночь на 21 февраля 1701 г., когда они подходили к острову, корабль дал такую течь, что команда всю ночь выкачивала воду из трюма. На следующее утро корабль

встал на якорь в полумиле от прибрежных скал. Дампир приказал канониру очистить пороховой погреб, чтобы помощник плотника (плотник незадолго до этого умер) мог заделать щели в корпусе судна. Когда это было сделано, плотник осмотрел корпус корабля и сказал, что он не сможет устранить течь без того, чтобы не вырубить сгнившие части досок. Дампир ответил, что никогда не видел, чтобы большее отверстие предотвратило бы течь из меньшего, но что он не понимает ничего в искусстве корабельного плотника и пусть тот делает, как считает нужным. Вместе с тем Дампир принял меры предосторожности на случай, если они будут вынуждены покинуть судно. Плотник обещал устранить течь к полудню, но уровень воды в трюме все время увеличивался. Около 11 часов к Дампиру пришел боцман и сказал, что течь увеличилась и заделать щели не представляется возможным, так как доски совершенно сгнили. Пока не стемнело, Дампир старался подвести корабль как можно ближе к берегу.

Англичане сделали плот, чтобы доставить людей и вещи на берег. «Роубак» медленно погрузился в воду. Лишь его мачты и реи виднелись над водой. Последней вещью, снятой с корабля, были паруса, чтобы сделать из них палатки на берегу. «На следующее утро, 24 февраля, — писал Дампир, — я и мои офицеры высадились на берег необитаемого острова Вознесения».

Он представлял собой маленький скалистый островок, находившийся в тысячах миль от ближайшей земли. К счастью для англичан, там были вода и черепахи, что позволяло поддержать жизнь, пока какой-нибудь проходящий корабль не заберет их, поскольку остров лежал на главном торговом пути, соединявшем Европу с Индией и другими странами Востока.

Через неделю после высадки англичане увидели на горизонте два корабля, но те прошли мимо острова на большом расстоянии. Немного позднее прошла флотилия из 11 судов, но опять далеко от острова. Через несколько месяцев англичане увидели ост-индский торговый корабль и три военных судна, которые шли недалеко от острова. С кораблей заметили сигналы, подаваемые «робинзонами». Дампир

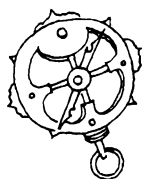
поднялся на борт одного из военных кораблей, но, узнав, что они идут в Вест-Индию, перешел вместе с несколькими своими офицерами на торговое судно «Кентерберри», которое доставило их в Лондон в августе 1701 г.

Первой заботой Дампира было объяснить потерю корабля. Его сообщение было принято без всяких претензий. Гораздо серьезнее оказался вызов в военный суд по обвинению, выдвинутому его помощником Джорджем Фишером. Пока Дампир находился в полном опасностей плавании, Фишер в течение двух лет организовывал судебное дело против него. Он представил обвинения в суд, был вызван и заслушан. Теперь оставалось только заслушать свидетелей и вынести приговор.

Суд происходил на борту военного корабля «Ройял Соврин» в Спитхед 8 июня 1702 г. Председательствовал Джордж Рук, имевший тогда уже звание адмирала флота. С ним были еще три адмирала и 33 капитана королевского военно-морского флота. Все они были настроены против бывшего буканьера Дампира. Тот факт, что бывшие буканьеры переходили от королевской службы к пиратскому промыслу, оправдывал в их глазах подозрения Фишера, а то, что Дампир ударил своего помощника тростью, возмущало их. Это определило характер приговора, в котором говорилось: «После тщательного изучения всех пунктов обвинения, выдвинутых капитаном Дампиром и лейтенантом Фишером друг против друга, суд нашел, что многие из них были, по сути дела, незначительными, а другие — недостаточно доказанными. Таким образом, главным делом, которое рассматривал суд, была жестокость капитана Дампира в отношении лейтенанта Фишера... То, что он избил своего лейтенанта, продержал его под арестом в течение многих месяцев, затем высадил на берег в кандалах и отправил в тюрьму, является бесспорно недопустимым. Объяснения, которые он дал в оправдание своих поступков, ссылки на имевшиеся у него сведения о заговоре, подготавливавшемся упомянутым лейтенантом, и подозрения, которые он имел в отношении лейтенанта, не были им доказаны и остались только предположениями и догадками. В силу этого военный суд выносит свой приговор в пользу лей-

тенанта. Суд далее выражает мнение, что упомянутый капитан Дампир не тот человек, который может быть использован как командир какого-либо корабля флота ее величества»¹⁰. Так закончилась служба Дампира в королевском флоте, к тому же он остался без гроша, потому что суд приговорил его еще к уплате большого штрафа.

Тем не менее через год новый лорд Адмиралтейства, муж королевы Анны, принц Георг Датский представил Дампира британской королеве в связи с выходом первой части его книги «Путешествие в Новую Голландию». Вторую часть Дампир не успел закончить, так как отправился в новое плавание.

Глава четвертая Вновь вокруг света

Война за испанское наследство началась весной 1701 г. Приватирство опять расцвело. Англичан интересовало главным образом нападение на испанские корабли в Южных морях. Приватирство осуществлялось в основном двумя категориями людей: во-первых, вполне респектабельными негоциантами Лондона, Бристоля и Саутгемптона, имевшими достаточно средств для снаряжения кораблей на промысел, обещавший хороший барыш, и, во-вторых, теми из моряков (многие из них были в прошлом буканьерами), которые видели возможность заняться грабежом, коль скоро он был теперь узаконен. Одним словом, патриотические соображения едва ли присутствовали в действиях и тех, и других. Ими двигало откровенное желание быстро и основательно обогатиться. Как только стало известно о начале войны, бристольский купец Томас Эсткорут приобрел за 4 тыс. ф. ст. 200-тонное судно «Назарет» для приватирства. Корабль был вооружен 26 пушками, большей частью малого калибра, и имел команду в 120 человек. Эсткорут сменил библейское название корабля на более удобное — «Сент Джордж», который, как известно, являлся небесным покровителем Англии. В доле с ним при покупке судна были еще несколько других бристольских купцов.

Эсткорут очень хотел, чтобы капитаном его судна стал Дампир, рассказы которого о возможности быстро обогатиться разжигали его воображение. Дампир говорил, что знает, как захватить манильский галион, а это было мечтой всех приватиров еще с елизаветинских времен. Захват галиона, груженного сокровищами Востока, сулил колоссальные барыши.

Дампир согласился стать капитаном «Сент Джорджа» (едва ли он мог в своем бедственном положении рассчитывать на что-то лучшее). Представителем владельцев судна в плавании был некий Эдвард Морган, человек с темным прошлым, успевший побывать и буканьером, и католическим священником, и полицейским агентом.

Дампиру перед выходом в плавание был выдан патент, подписанный от имени британской короны первым лордом Адмиралтейства. При выдаче патента владельцы корабля уплачивали еще 2 тыс. ф. ст. в залог «мирного и честного поведения офицеров и матросов». Это выглядело поразительно цинично, поскольку всем было ясно, что корабль отправляется на морской разбой. В патенте говорилось, что Дампир назначается капитаном «Сент Джорджа» «без жалованья», иначе говоря, его доходом должна была быть захваченная им добыча. Добыча делилась так: две трети шли владельцам судна, одна треть — команде. Все это, конечно, было условно. Корабль уходил в далекое долгое плавание с командой, состоявшей, как правило, из отпетых «морских шакалов», не подчинявшихся никакой дисциплине. Оценка захваченного груза производилась по договоренности с командой. Так называемый совет офицеров корабля был чисто номинальным институтом. Вот, например, как описывает один из младших офицеров заседания совета на корабле «Сент Джордж»: «Обычно на заседаниях совета вначале высказывают свое мнение младшие офицеры. Но капитан Дампир, наоборот, всегда высказывался первым, и после этого, если кто-либо из офицеров высказывал мнение, противоречащее его мнению, он вставал в раздражении и говорил: “Если вы знаете лучше меня, возьмите ответственность за корабль”. Он всегда был человеком столь самоуверенным, что не желал слушать никаких доводов»¹.

Неприятности, сопровождавшие плавание «Сент Джорджа», начались еще до выхода в море. Эсткорут поссорился с владельцем судна «Фейм», которое должно было сопровождать «Сент Джорджа». Поэтому «Сент Джордж» вышел в море 30 апреля 1703 г. один. Первая остановка была в Кинсиле, в Южной Ирландии, где к нему присоединился другой приватирский корабль — галера «Синк Порте», водоизмещением 90 тонн, с 16 орудиями и командой из 63 человек. Капитаном был Чарлз Пикеринг. В то время галера представляла собой однопалубное судно, способное передвигаться с помощью весел, если не было ветра, хотя обычно оно шло под парусом. Галеры использовались как суда сопровождения. Они не были приспособлены для перевозки коммерческих грузов, но зато были хорошо вооружены, имели многочисленный экипаж. Поэтому «Синк Порте» была идеальным компаньоном для фрегата «Сент Джордж». После нескольких недель переговоров было подписано соглашение между владельцами судов о совместном плавании и условиях дележа добычи.

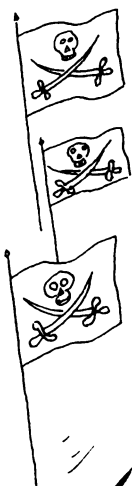
На остановке у островов Зеленого Мыса произошла ссора Моргана с помощником капитана Хаксфордом. В результате между ними состоялась дуэль. Португальские власти арестовали Хаксфорда и посадили его в тюрьму. Когда Хаксфорду удалось освободиться, он возвратился на корабль. «Сент Джордж» вышел в море. Но Морган заявил, что не потерпит Хаксфорда на борту корабля, и, несмотря на все мольбы Хаксфорда не бросать его «среди язычников», Дампир приказал посадить его в лодку и оставить в открытом море. Гардемарин Уэлб, совершавший плавание на «Сент Джордже», впоследствии писал, что Хаксфорд был подобран португальским судном, но оставался там недолго, а затем «они высадили его на берег, и через три месяца несчастный кончил свои дни частично от голода». «Я не удивляюсь чудовищной жестокости капитана, — продолжал Уэлб, — зная о подобном проявлении жестокости, когда он командовал “Роубаком”». Это свидетельствует о том, что на корабле знали о суде над Дампиром, что, естественно, не способствовало укреплению авторитета капитана среди команды. Также совершенно ясно, что Дампир не сделал никаких

выводов из судебного процесса и не стеснял себя в своих действиях, проявляя очевидное самоуправство. Почти такой же случай произошел с преемником Хаксфорда на посту помощника капитана Джеймсом Бернби, когда «Сент Джордж» подошел к берегам Бразилии. После ссоры с Морганом Бернби и еще восемь человек из команды сложили свои вещи и потребовали высадить их на бразильский берег. «Я никогда с ним не спорил, — оправдывался после плавания Дампир, — но, считая, что он был несколько дерзок в споре с Морганом, я приказал удалить его с корабля»². Вскоре после этого умер капитан «Синк Порте», и галерой стал командовать Томас Стрейдлинг, а Александр Селкирк, сын бедного шотландского сапожника, был назначен квартирмейстером.

Из Бразилии оба судна прошли в Тихий океан, миновали мыс Горн и направились к острову Хуан-Фернандес. «Синк Порте» достигла острова 7 февраля 1704 г., на три дня раньше «Сент Джорджа».

Три недели провели команды на острове, отдыхая после долгого перехода через Атлантику, пополняя запасы продовольствия и воды. Дампиру не терпелось приступить к «делу». Он был в районе, хорошо ему известном по прежним буканьерским плаваниям, и был уверен в богатой добыче.

Первым кораблем, на который они напали, было французское судно «Сен Жозеф», встретившееся у чилийских берегов. О том, что произошло в схватке с французами, рассказали три человека: сам Дампир, Уэлб и еще один офицер с «Сент Джорджа» — Фаннелл, и все трое по-разному. «Мы подошли к кораблю очень близко, борт к борту, но вдруг поднялся небольшой ветер, и французский корабль отошел от нас, оставив англичан озадаченными тем, что не удалось его захватить с первого раза, — пишет Фаннелл. — Но мы решили еще раз попытаться захватить его, понимая, что если мы позволим ему уйти, то французы расскажут о нас испанцам... но капитан был против этого, считая, что так будет хуже. Если испанцы узнают, что мы здесь, и предупредят свои торговые корабли, чтобы они не выходили из портов, то он знает, куда надо идти и где в любой день года можно без особого риска захватить добычу в 500 тыс. ф. ст. Вско-

ре после этого к нам подошла сопровождавшая нас галера, и капитаны, быстро договорившись между собой, решили дать французскому судну уйти»³.

Дампир же объясняет, что они могли бы легко захватить «Сен Жозеф», если бы команда показала должную храбрость, но его люди убежали от пушек. Это в свою очередь опровергает Уэлб, в обязанности которого входило следить за дисциплиной на борту. Он отрицает, что кто-либо из команды покинул свой пост, «кроме самого капитана Дампира, который в течение всего времени схватки не воодушевлял своих людей и не давал никаких соответствующих команд, как это обычно требуется от командира в таких случаях, а стоял за баррикадой, сооруженной по его приказанию из кроватей, ковров, подушек, одеял и т. п., чтобы предохранить себя от вражеских пуль...»⁴

Через несколько недель англичане встретили тот же корабль у Лимы. Описание Фаннеллом этого города объясняет, почему именно в этом месте перуанского побережья любили бывать буканьеры: «Остров Каллао очень высокий и бесплодный, не имеющий ни леса, ни свежей воды, ни какой-нибудь зелени. Он имеет в длину две лиги. На этом острове находится великий город Лима, который является столицей всей империи Перу. Здесь — местопребывание вице-короля и архиепископа. Это огромный город, который населяет 170 тыс. испанцев, не считая великого множества мулатов, метисов и индейцев. Говорят, в нем 25 церквей, хорошо построенных и очень богато украшенных золотом, серебром и драгоценными камнями. Фигуры многих святых сделаны целиком из золота. Город хорошо укреплен, имея крепость с семьюдесятью 48-фунтовыми медными пушками, рядом с крепостью находится место якорных стоянок; глубина моря там пять сажень... Остров соединен с сушей каменным мостом, и почти половина города находится там. Это самое торговое место на западном берегу Америки, и гавань никогда не бывает без кораблей»⁵.

Вторичная встреча с «Сен Жозефом» опять была неудачной для англичан. Французское судно сумело оторваться от «Сент Джорджа» и войти в гавань под защиту крепостной

артиллерии. Раздосадованная команда открыто обвиняла Дампира в трусости и спрашивала, намерен ли он наконец начать сражаться, на что Дампир ответил: «Нет, потому что я знаю, где можно добыть все, не сражаясь».

Двигаясь к северу вдоль Южноамериканского материка, англичане встретили испанский корабль, который, по их соображениям, должен был иметь богатый груз и «приличную сумму денег». Но когда капитан захваченного судна был доставлен на борт «Сент Джорджа» и Дампир спросил его, много ли денег имеется на борту, тот клялся, что сгрузил все ценное на берег, поскольку ему сообщили, что появились англичане. Пусть англичане обыщут корабль, и если найдут что-либо ценное, то пусть повесят его на рее. Это заявление вполне удовлетворило Дампира, и он разрешил ему плыть дальше, сказав, что захват корабля «помешал бы помехой в осуществлении его великих замыслов». Но Уэлб и, что еще важнее, владельцы «Сент Джорджа», когда узнали об этом, были иного мнения. Они подозревали, что испанский капитан откупился, дав деньги Дампиру и Моргану. Уэлб даже писал потом, что он сказал Дампиру о дошедших до него разговорах, что в трюме корабля находятся большие богатства, но Дампир все равно не стал обыскивать судно.

Через несколько дней еще один испанский корабль попал в руки англичан. И опять Дампир приказал отпустить судно, потому что «не хотел обременять свой корабль, так как намеревался предпринять решающее плавание к одному богатому городу, о котором давно помышлял». Однако Морган сумел все-таки украсть дорогой серебряный обеденный сервиз, завернув его в свою одежду.

Дампир часто говорил о своем «великом замысле»: либо захватить манильский галион, либо разграбить богатый город. Когда «Сент Джордж» был на Галапагосских островах, Дампир наконец назвал этот город. Это был город Санта-Мария на Панамском перешейке, который удалось захватить отряду Коксона, когда Дампир впервые пересекал перешеек. Но тогда буканьеров постигла неудача: испанцы успели до их прихода спрятать сокровища. Дампир рассказывал экипажу, какое важное значение имеет Санта-Мария

как пункт, где перегружались сокровища, доставлявшиеся из Перу. «Город расположен на берегу реки, — говорил Дампир, — и его легко достигнуть, плывя на лодках от Панамского залива».

Рассказы Дампира разжигали воображение его команды. «Сент Джордж» направился к Панамскому перешейку. Там Дампир и Стрейдлинг с отрядом из 102 человек поплыли на лодках к Санта-Марии. Но их все время подстерегали неудачи. Сначала сильный ливень вымочил их порохи и одежду. Потом им встретились несколько индейцев в каноэ. Против обыкновения Дампир приказал своим людям стрелять в них. Пули пролетели мимо, не причинив индейцам вреда. Те скрылись, чтобы поднять тревогу. Стрейдлинг был послан вперед, чтобы захватить индейскую деревню, пока жители не сообщат испанцам. Дампир обещал сразу же последовать за ним, но по ошибке свернул с главного русла реки и попал в рукав, из которого не было выхода.

Тем временем Стрейдлинг захватил индейскую деревню, но не нашел там ничего, кроме ямса и кур. Однако он обнаружил пакет с письмами, из которых узнал, что по распоряжению губернатора Панамы в Санта-Марию было послано 400 солдат в помощь местному гарнизону. Письма были двухдневной давности, так что теперь уже посланный отряд наверняка был в Санта-Марии.

Когда наконец оба английских отряда объединились и подошли к городу, то попали в засаду. Им удалось выбраться, но Дампир сказал, что вторую попытку овладеть городом делать не следует, ибо они потеряли свой главный козырь — внезапность нападения, потому приказал отступить к побережью.

Счастье немного улыбнулось англичанам, когда они вернулись на корабли. Большой испанский корабль водоизмещением 500 тонн с грузом бренди, муки, сахара, льняных и шерстяных тканей стал на якорь недалеко от них, не подозревая, что это английские суда. Англичане взяли его без сопротивления. Они тут же разделили награбленное, причем Морган умудрился незаметно унести еще один сервиз.

На захваченном корабле англичане обнаружили письмо капитана «Сен Жозефа» губернатору Панамы, в котором

он жаловался на большой урон, нанесенный ему нападением англичан. Из других писем они узнали, что два больших испанских фрегата были посланы вдогонку за ними.

Первый успех привел не к сплочению обоих судов, а, как тогда часто бывало, к их разобшению. Стрейдлинг заявил, что пойдет к острову Хуан-Фернандес, где он оставил часть запасов, а Дампир, все еще надеявшийся захватить манильский галион, остался в Панамском заливе.

Больше капитаны не встречались, но тем не менее плавание Стрейдлинга имело удивительное последствие для Дампира. Селкирк все еще находился на борту «Синк Портс». Когда корабль подошел к острову Хуан-Фернандес, то Стрейдлинг обнаружил, что оставленные им запасы исчезли (как оказалось, их взяли французы). Он обрушился на своего квартирмейстера Селкирка. Тот обиделся и заявил, что останется на острове. Видимо, он надеялся на то, что Дампир его снимет с острова, хотя и не верил в добрые чувства Дампира. Может быть, он опасался дальше плыть на судне, уже сильно подтекавшем. Так или иначе, Селкирк добровольно остался на необитаемом острове.

Что касается Стрейдлинга, то он повел свою галеру к островам Мапелла, где безуспешно пытался найти Дампира. Кончилось дело тем, что «Синк Портс» налетела на скалы, и Стрейдлинг со своей командой добрался до пустынного острова, с которого их сняло испанское судно. Они были доставлены в Лиму, где их заковали в кандалы и посадили в тюрьму как пиратов. Через пять лет Стрейдлинга передали французам, которые доставили его в Бретань и тоже заключили в тюрьму. Там он рассказывал тюремщикам всякие басни о спрятанных пиратами сокровищах на одном ему известном острове в Южных морях. Эти рассказы дошли до французского морского министра, и тот приказал улучшить тюремный режим для Стрейдлинга и попытаться разузнать у него побольше. Однако Стрейдлинг сумел убежать из тюрьмы. Он перелез через стену, окружавшую тюремное здание, связав простыни.

После ухода Стрейдлинга Дампир и его люди находились в Панамском заливе. Они захватывали небольшие суда и совершали успешные рейды на побережье, нико-

гда не нападая, однако, на важные населенные пункты. Англичане также с удовольствием охотились на крокодилов. Аллигаторы в то время для англичан были диковинными животными. «Мы застрелили нескольких, среди них один имел длину в 30 футов и был больше крупного быка, — с подробностями, напоминавшими манеру Дампира, писал об этой охоте Фаннелл. — Он был покрыт чешуей с головы до хвоста. У него была огромная пасть, полная зубов, и длинные когти на ногах. Это животное-амфибия, живущее как на суше, так и в воде. Когда они лежат на берегу, то напоминают большие поваленные деревья... Они быстро бегают по земле и обладают такой силой, что могут схватить лошадь или корову и унести ее в воду, где пожирают добычу... Индейцы не очень их боятся. Если аллигатор гоняется за ними по земле, они бегут, делая круги, и эти огромные создания не в состоянии поворачивать свои громоздкие тела столь же быстро, и поэтому индейцы легко убегают от них. Охотясь на аллигаторов, индейцы идут в воду, вооруженные куском железа наподобие гарпуна, заостренного с обоих концов, поперек которого приделаны две железные пластинки. Они держат эти приспособления в руках, и когда аллигаторы раскрывают пасти, чтобы их схватить, всовывают им в пасти куски железа наподобие кляпа. Аллигаторы кладут яйца почти по сотне штук. Их яйца размером с гусиные, но скорлупа почти такая же толстая, как у страусиных»⁶.

Как-то англичане увидели испанский фрегат. Дампир распорядился не преследовать его. Но команда настояла на нападении, не считаясь с волей своего капитана. Он фактически был отстранен от командования кораблем. Его люди вывесили на главной мачте «кровавый флаг» в знак их непреклонной воли к сражению, и корабль быстро пошел на сближение с испанским фрегатом. Команда разделилась на две группы, чтобы повысить скорострельность орудий, и добилась этого. Как сообщает Фаннелл, они отвечали 560 выстрелами на 110 вражеских. Всю вторую половину дня длилось ожесточенное сражение, в котором Дампир по-прежнему не принимал никакого участия. Наступившая темнота прервала бой. Англичане заделыва-

ли пробоины от вражеских снарядов, готовясь с рассветом вновь начать сражение. Но, когда взошло солнце, они увидели, что испанский корабль исчез. Дампир восстановил свою власть. Он повел корабль на север, к берегам Мексики, захватив по дороге 10-тонный барк, названный им «Дрэген» («Дракон»). Командиром барка он назначил Джона Клиппингтона и дал ему 21 человека.

«Сент Джордж» дал угрожающую течь, и Дампиру пришлось прервать свой путь. Англичане разбили лагерь на берегу и занялись очисткой и ремонтом корпуса своего судна.

Пока шел ремонт «Сент Джорджа», Клиппингтон отправился на пиратский промысел. Ему удалось захватить корабль водоизмещением 40 тонн. Теперь, став обладателем собственного судна, Клиппингтон решил порвать с Дампиром и плыть самостоятельно. 2 сентября 1704 г. Клиппингтон очень любезно расстался с Дампиром, но скрыл от него, что забрал с собой все военное снаряжение, имевшееся на борту «Сент Джорджа», так же как и половину, по крайней мере, продовольствия. Он захватил и патент, выданный Дампиру Адмиралтейством. Но когда Клиппингтон был уже на спасительном расстоянии от «Сент Джорджа», он смягчился и отправил Дампиру известие, что весь порох и пули, за исключением трех бочонков, он оставит у индейцев, откуда каноэ с «Сент Джорджа» вскоре их доставило обратно.

В дальнейшем Клиппингтон захватил несколько испанских судов у мексиканских берегов. Затем он пересек Тихий океан и пиратствовал в китайских водах, а после этого пришел в Индию. Там команда разбрелась в разные стороны, а сам Клиппингтон вернулся в Англию на голландском корабле.

Тем временем в Акапулько испанцы уже начали поджидать манильский галион с грузом китайских товаров. Готовился к встрече с галионом и Дампир. Он был весь в нетерпении: приближался час исполнения его «великого замысла, главного результата всего плавания». Все 64 члена его команды были вполне здоровы; разочарования и распри последних месяцев были на время забыты.

6 декабря 1704 г. громадный корабль показался на расстоянии двух лиг. Отверстия для орудий были закрыты, так как на борту судна, видимо, не опасались «Сент Джорджа». Команда испанского корабля полагала, что «Сент Джордж» — одно из судов, обычно встречавших галионы на последнем участке пути. Для англичан успех дела заключался в том, чтобы настигнуть галион до того, как испанская команда добежит до главных пушек корабля.

«Ясно, — писал Фаннелл, — что если мы дадим им возможность подготовить к бою их огромные орудия, то они, конечно, разнесут нас в щепки, и мы потеряем возможность захватить для наших хозяев 8 млн ф. ст.». Это была та сумма, которую постоянно называл Дампир в разговорах со своей командой.

Но важнейший элемент — внезапность нападения — был потерян. Когда англичане подошли к галиону на расстояние орудийного выстрела, Дампир приказал поднять английский флаг. Команда начала это оспаривать, кто-то выстрелил. Увидев опасность, испанцы бросились к пушкам и начали стрелять 18- и 24-фунтовыми ядрами, наносившими тяжелые повреждения «Сент Джорджу». Англичане отвечали выстрелами из своих легких 5-фунтовых пушек, которые не причиняли никакого вреда такому судну, как галион. Видя, что продолжение боя приведет лишь к гибели корабля, Дампир дал сигнал уходить. Так опять хорошо начатое предприятие окончилось провалом. Дампир с присущей ему опытностью выбрал правильное место и время для нанесения главного удара, но, как и раньше, не смог нанести этот удар, подчинить людей своей воле, действовать смело и решительно. Впоследствии Дампир обвинял команду в провале операции. Но это было не так. Виноват был прежде всего он сам. Видимо, у этого опытного навигатора, вдумчивого наблюдателя, интересного исследователя не было настоящих командирских данных, недоставало и личной храбрости.

После этой неудачи отношения капитана с командой стали совершенно невыносимыми. Люди требовали возвращения домой. Но Дампир резонно сказал, что это практически невозможно, потому что «Сент Джордж» находится

в таком плачевном состоянии, что может затонуть в любой день. Поэтому, чтобы вернуться домой, они должны захватить другое судно. Он предложил отложить решение о возвращении на родину на шесть недель.

6 января 1705 г. Дампир приказал всем членам экипажа, которые намереваются продолжать плавание с ним, собраться на палубе. Это выглядело как приглашение к пиратству. Но Уэлб слышал разговор Дампира с Морганом, содержание которого говорило о другом. Морган спросил капитана, по чьему поручению тот намеревается действовать дальше. «По поручению королевы», — ответил Дампир. «Но корабль принадлежит частным лицам», — возразил Морган. «Не важно, — сказал Дампир. — У меня есть патент». Он еще не обнаружил, что Клиппингтон украл этот документ.

27 человек остались с Дампиром. Остальные, в числе которых были все офицеры и корабельный врач, заявили, что намерены плавать самостоятельно. Это был настоящий заговор, руководителями которого были Морган, Фаннелл и Уэлб. Продовольствие было поделено, и четыре из 26 пушек вместе с 25 мушкетами, пистолями и бочонком пороха перегружены на «Дрэген». Всего на «Дрэгене» ушли 35 человек.

«Дрэген» покинул мексиканские берега и пересек Тихий океан, подойдя к Молуккским островам. Когда дезертиры добрались до Амбоины, то были посажены голландцами в тюрьму за пиратство. Они ожидали, что их повесят, но по иронии судьбы голландцы неожиданно их освободили, узнав, что они служили у Дампира, который за свое навигационное искусство был весьма почитаем в Голландии. Большинство из них были направлены на голландские суда, всегда испытывавшие недостаток в людях при обратном плавании вследствие большой смертности среди матросов. Они вернулись в Европу в августе 1706 г. Фаннелл по возвращении в Англию пообещал опубликовать свой отчет о плавании. Книга вышла за год до возвращения Дампира под названием «Путешествие вокруг света: отчет об экспедиции капитана Дампира в Южные моря на корабле “Сент Джордж” в 1703 и 1704 гг., написанный Уильямом Фаннеллом, помощником капитана Дампира». Предисловие было написано очень дипломатично: «Успех нашей экс-

педиции был не таким большим, как можно было вначале ожидать, учитывая опытность нашего командира и решительность наших людей: споры и вражда сводили на нет самые обещающие надежды... Я не могу по-настоящему судить, но заметил, что во всех местах южноамериканского побережья, где мы побывали, и во время наших плаваний в Южных морях мы находили совершенно точными их описания, сделанные капитаном Дампиром, а его отчеты о ветрах, течениях и т. п. — великолепными»⁷. Тем не менее, как читатель уже имел возможность убедиться, в отчете Фаннелла содержалась серьезная критика Дампира.

Оставшись с верной ему частью команды, Дампир благодаря искусству корабельного плотника, с которым в это плавание ему повезло, сумел починить «Сент Джордж». Теперь наконец удача пришла к Дампиру. Англичане без труда захватили город Пуну и безжалостно его разграбили. Затем они захватили испанскую бригантину, перешли на нее и перенесли весь груз с «Сент Джорджа», оставив его в Панамском заливе. Свой новый корабль Дампир назвал «Виндикейшн» («Оправдание»). На нем он пришел в Батавию, где его заключили в тюрьму, так как он не имел патента, украденного Клиппингтоном. Дампиру как-то удалось оправдаться и выйти из тюрьмы. В конце 1707 г. он вернулся на родину, закончив второе кругосветное плавание.

Узнав о книге Фаннелла, Дампир передал в печать свой памфлет под названием «Оправдание Дампиром своего плавания в Южные моря на корабле “Сент Джордж”». На этот раз с небольшими замечаниями на химерическое изложение мистера Фаннеллом путешествия вокруг света, хотя оно заслуживает более подробного разбора.

Памфлет Дампира в свою очередь вызвал ответный удар — на этот раз со стороны гардемарина Уэлба. Его книга, изданная в 1707 г., носила название «Ответ на оправдание капитана Дампира». В те далекие времена гардемарины не были юнцами, только что окончившими морскую школу и с удивлением смотревшими на огромный мир, неожиданно открывшийся им. Это были зрелые опытные моряки, которым поручалась серьезная работа на корабле. Уэлб был достаточно образован и наблюдателен, обладал цепкой

памятью. Его свидетельства показывали Дампира в весьма невыгодном свете.

Но при этом надо помнить, что и Уэлб, и Фаннелл с самого начала плавания крайне недоброжелательно относились к своему капитану, и их оценки тех или иных фактов далеко не всегда объективны.

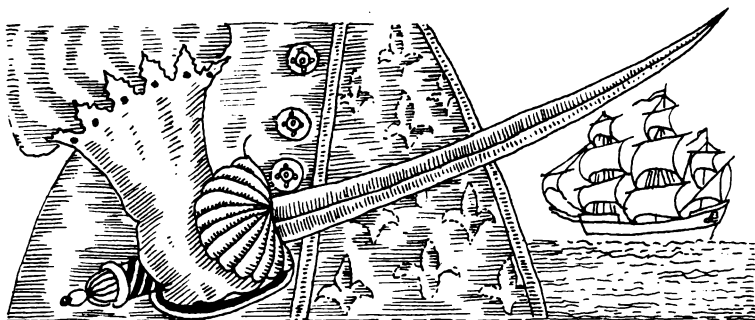
Другой неприятностью, с которой столкнулся Дампир по возвращении на родину, было то, что распространился слух о том, что он якобы встречался в таверне «Южный черт» с Морганом и другими дезертирами с «Сент Джорджа» для дележа захваченной в плавании добычи, укрытой от собственников судна.

Пока «Сент Джордж» находился в Тихом океане, его главный владелец Томас Эсткорут умер, завещав свою долю молодой племяннице Элизабет, вскоре вышедшей замуж за Ричарда Крессвелла. Слухи эти очень обеспокоили последнего, но он не успел возбудить судебное дело против Дампира, поскольку тот опять ушел в плавание. На этот раз организатором плавания был Томас Голдни, другой бристольский купец, входивший в долю с Томасом Эсткорутом.

Ричард Крессвелл заподозрил Голдни в том, что тот, сговорившись с Дампиром, использовал на организацию новой экспедиции деньги, полученные во время плавания «Сент Джорджа». Поэтому, когда Дампир вернулся из нового плавания, Крессвелл возбудил судебное дело, требуя уплаты ему фантастической суммы в 800 тыс. ф. ст. Голдни отрицал, что использовал какие-либо средства, полученные во время плавания «Сент Джорджа», и Крессвелл ничего не получил.

Глава пятая Последнее кругосветное плавание

Войти в долю с Голдни, внесшим около 4 тыс. ф. ст. в новое предприятие, нашлось много желающих из наиболее известных семейств Бристоля. Среди них были и негоцианты, и юристы, и сам олдермен Бристоля Бетчелор. Внес свою долю и доктор медицины Томас Довер. Внесли пай и несколько молодых людей из богатых семей, записавшихся офицерами в предстоящее плавание, хотя до этого на морской службе они никогда не были. Дело в том, что английское правительство, поощряя приватирство, приняло как раз в то время, когда подготавливалось плавание, специальный акт, который гарантировал большую долю в захваченной добыче офицерам военно-морского флота, делая, таким образом, морскую службу более привлекательной для представителей высших классов. В этом же акте королева отказывалась от своей доли в награбленном (до этого английская корона получала преимущественную часть пиратской добычи). Этим правительство хотело поощрить участие богатых людей в финансировании пиратских экспедиций. Сама же королева Анна практически ничего не теряла, поскольку ее супруг, принц Георг Датский, был первым лордом Адмиралтейства и как таковой получал львиную долю добычи. Узаконенное пиратство было делом

доходным. В последовавшие за принятием акта годы в Англии появилось много богатых состояний, особенно у капитанов военно-морского флота, занятых морским грабежом, который тогда не без элгантности называли «сладким промыслом приватирства».

Документ о создании предприятия и порядке дележа возможных прибылей от предстоящего плавания был подписан 14 июля 1708 г. На собранные деньги были куплены два судна: «Дюк» и «Датчис» («Герцог» и «Герцогиня») — общей стоимостью в 2,2 тыс. ф. ст. «Дюк» (водоизмещением 320 тонн) был вооружен 30 орудиями, «Датчис» (260 тонн) — 26. Калибр всех пушек был небольшой. В сравнении с манильским галионом оба судна казались маленькими, но это были крепкие, быстроходные, маневренные корабли. Все расходы по снаряжению экспедиции составили 13 тыс. ф. ст.

Дампир, которому было 56 лет (возраст, считавшийся значительным в то время), был назначен штурманом экспедиции.

Капитаном «Дюка» был 29-летний потомственный моряк из Бристоля Вудс Роджерс, а капитаном «Датчис» — Стефан Кортни. Оба они раньше занимались приватирством. Помощником Роджерса стал Томас Довер, упоминавшийся выше доктор медицины, а помощником Кортни — Эдвард Кук. На обоих кораблях находилось значительное число младших офицеров, что вызывалось не обстоятельствами самой морской службы, тем более что большинство из них никогда до этого в море не выходили, а соображениями другого рода. Они, во-первых, защищали интересы судовладельцев во время плавания, принимая участие в заседаниях офицерского совета и являясь членами дисциплинарного суда, разбирающего служебные нарушения, взаимные обиды и т. д. И, во-вторых, что, пожалуй, самое главное, они должны были быть опорой капитана в случае мятежа на судне, что в то время было частым явлением в дальних плаваниях.

Капитан Роджерс в отличие от Дампира стал устанавливать жесткую дисциплину еще до выхода судов в море. Команды быстро сообразили, что предстоящее плавание

не будет таким, к каким они привыкли, плавая на приватирских судах. Поэтому через три дня после выхода 15 июля 1708 г. кораблей из Бристоля больше 40 человек сбежали на стоянке в Корке. Но Роджерса это не беспокоило. С помощью знакомого он нашел достаточно людей, чтобы восполнить потерю. В сентябре 1708 г., закончив все приготовления, корабли вышли в открытое море. «Дюк» имел команду из 183 человека, а «Датчис» — из 151.

Как показало начало плавания, возмущение в команде строгой дисциплиной, установленной Роджерсом, не прекратилось. Группа недовольных пыталась организовать мятеж при подходе кораблей к Канарским островам, как раз тогда, когда Роджерс поздравлял себя с тем, что «теперь все начинает образовываться, хотя были некоторые осложнения, как это обычно бывает у приватиров в начале плавания».

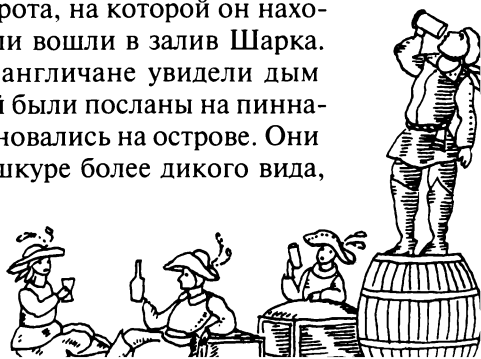
Роджерс на некоторое время отлучился с «Дюка», чтобы обыскать на предмет контрабанды остановленный ими шведский корабль. В это время мятежники, собравшись на палубе во главе с боцманом, попытались захватить судно. Но офицеры сумели их обезоружить, арестовали десятерых и жестоко выпороли зачинщиков. Команда на «Датчис», которая также была готова восстать, не сделала этого, когда увидела, что произошло на «Дюке». Через неделю мятежники, сидевшие под арестом в кандалах, были освобождены и приставлены к работе. «И все опять стало спокойно», — замечает в своем журнале Роджерс. Хотя на кораблях восстановилось спокойствие, офицерский совет решил, чтобы предотвратить вспышки возмущения в дальнейшем, заинтересовать матросов материально. Была установлена следующая доля в захваченной добыче: для матроса 10 ф. ст., для помощника капитана, канонира, боцмана и плотника — по 40 ф. ст., для штурмана — 80 ф. ст., для капитана — 100 ф. ст. и «тому, кто первым увидит судно с ценным грузом», — 30 ф. ст.

Корабли благополучно пересекли Атлантический океан и сделали остановку у берегов Южной Америки, в Рио-Гранди, на полпути из Рио-де-Жанейро в Монтевидео. Англичане были приветливо встречены португальским

губернатором, который пригласил их принять участие в церемонии по случаю дня одного из бесчисленных католических святых. Это было связано с некоторыми неудобствами для британцев, большая часть которых были протестантами. Но тем не менее все они приняли участие в церемонии. Идя во главе процессии, уже сильно подвыпив, они исполняли протестантские гимны, но португальцы этого не заметили. Когда наиболее знатные из португальцев были приглашены на обед на английские корабли, то они предложили выпить за здоровье Папы римского. «Но мы, — записал Роджерс, — чокаясь с ними, провозглашали здоровье архиепископа Кентерберийского и Уильяма Пенна, квакера».

Продолжая плавание к югу, англичане посетили Фолклендские острова. Новый, 1709 год, англичане праздновали у мыса Горн, плавание мимо которого Дампир всегда предпочитал проходу через узкий и сложный для навигации Магелланов пролив. «По случаю праздника, — пишет Роджерс, — провозглашали новогодние приветствия, сопровождавшиеся музыкой; я выставил на палубе большую бочку с горячим пуншем, из которой каждый человек на борту мог выпить около пинты, и мы пили за здоровье наших хозяев и друзей в Великобритании, за Новый год, за удачное плавание и возвращение на родину. Мы прошли мимо второго нашего судна, прокричав им троекратное “Ура!” , что им очень понравилось»¹.

Но вскоре англичане испытали капризы погоды, типичные для этого района. Начался сильнейший шторм. Казалось, что огромные волны захлестнут маленькие суда. Корабли отнесло к югу примерно до 63° ю. ш. Когда шторм кончился, англичане пошли на север к острову Хуан-Фернандес. Дампир был хорошо знаком с расположением острова, но всякий раз с трудом отыскивал его из-за того, что не была точно обозначена широта, на которой он находился. Наконец 1 февраля корабли вошли в залив Шарка. К своему великому удивлению, англичане увидели дым на берегу. Довер и лейтенант Фрей были посланы на пиннасе проверить, не испанцы ли обосновались на острове. Они вернулись с человеком в козьей шкуре более дикого вида,

чем аборигены тех мест. Но Дампир сразу же узнал в этом человеке Александра Селкирка, которого почти четыре года назад высадил на острове капитан «Синк Порте» Стрейдлинг. Дампир сказал Роджерсу, «что он был лучшим моряком на борту этого судна», и после такой рекомендации Селкирк был принят офицером в экипаж «Дюка». В ходе дальнейшего плавания Селкирк вполне оправдал лестную характеристику, данную ему Дампиром.

Когда Селкирк появился на борту «Дюка», то оказалось, что он почти забыл родной язык и едва мог объясняться с соотечественниками, почти не понимавшими его речь. Постепенно Селкирк рассказал о своей одинокой жизни на острове. Особенно тяжело ему пришлось в первые месяцы. Он построил две хижины — в одной жил, а другую использовал как кухню. Питался Селкирк козьим мясом, раками, фруктами. Вскоре одежда и обувь его пришли в полную негодность из-за постоянных хождений по лесу и ползания по горам в поисках пропитания. Единственным развлечением было чтение Библии и пение псалмов, так что, по словам Селкирка, «он стал лучшим христианином, чем был им раньше и, чего он боится, станет им в будущем».

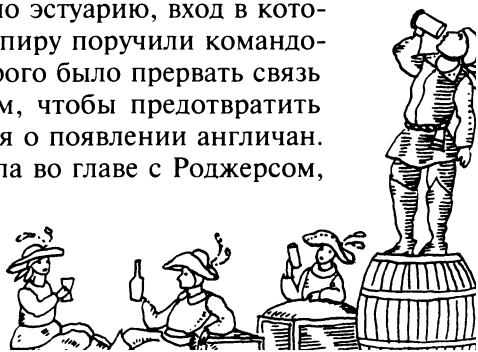
Во время этого плавания команда болела по тогдашним понятиям очень мало. Тем не менее было 50 случаев заболевания цингой, из которых два со смертельным исходом.

Покинув остров Хуан-Фернандес, корабли подошли к островам Лобос к северу от Лимы с намерением напасть на Гуаякиль, в то время второй по величине город Эквадора. В этом видно влияние Дампира, который, как мы помним, всю жизнь мечтал о двух вещах: разграбить богатый город или захватить манильский галеон. С лучшими кораблями и командами, чем было в предшествовавших его плаваниях, Дампир надеялся осуществить наконец свою мечту. В пути англичане захватили два небольших испанских судна, которые они переименовали в «Бегиннинг» и «Инкрис» («Начало» и «Прибавление»). Селкирк был назначен командиром последнего. Затем был захвачен французский корабль (водоизмещением 260 тонн), названный «Маркиз», командиром которого стал Эдвард Кук. Чтобы еще больше поощ-

рить команды к грабежу, офицерский совет кораблей принял решение относительно той части добычи, которую было «легко разделить». Совет объявил, что немедленному разделу между членами экипажей, не дожидаясь возвращения на родину, подлежат «все виды постельных принадлежностей, одежды, предметов личного употребления, золотые кольца, пуговицы, пряжки, вино и продовольствие... все виды распятий, сделанные из серебра или золота, золотые и серебряные часы, а также любое другое легко делимое имущество, найденное у пленников; бриллианты и драгоценные камни строго исключаются из раздела». В свою очередь совет потребовал предоставления ему права наказания членов экипажей кораблей за пьянство или «такое подлое варварство, как дебош с пленными на берегу». Были определены «ответственные за добычу». Одним из них стал Симон Хейтли, назначенный командиром одного из захваченных испанских судов. В ходе плавания к Гуаякилю он потерял связь с другими кораблями и через некоторое время был захвачен в плен испанцами и посажен в тюрьму в Лиме. Там он встретил капитана Стрейдлинга и его экипаж, которые, как было сказано выше, попали в плен к испанцам почти пять лет назад. Хейтли как-то умудрился передать письмо к бристольским купцам, в котором описывал свои мучения в испанском плену. Он писал, что все пленные подвергались жестоким пыткам с целью заставить их перейти в католичество, и некоторые из них, не выдержав, переменили веру. Но все остальные «решили остаться в своей вере, даже если это будет стоить им жизни».

В конце войны за испанское наследство Хейтли был освобожден из тюрьмы и, прибыв в Англию, опять занялся приватирством, жестоко мстя испанцам за свой плен.

В апреле 1709 г. корабли Роджерса подошли к Гуаякилю. Дампир рассказал офицерам, что этот город подобно Бристолу расположен далеко вверх по эстуарию, вход в который защищает остров Пуна. Дампиру поручили командование арьергардом, задачей которого было прервать связь населения острова с побережьем, чтобы предотвратить возможность передачи сообщения о появлении англичан. А в это время штурмующая группа во главе с Роджерсом,

Довером и Кортни должна была на лодках подойти к городу. Дампиру также поручалось держать своих людей наготове и в случае необходимости поддержать нападение на Гуаякиль. Но когда офицеры проводили под покровом ночи разведку на берегу, то услышали, как один испанец говорил другому, что пришла почта из Лимы с предупреждением о возможности нападения на город. Более того, в почте находилось письмо для местного губернатора, в котором сообщалось, что известный Дампир опять появился в этих водах как штурман приватирской эскадры. Роджерс решил напугать испанцев, послав поддельное письмо губернатору с сообщением, что эскадра приватиоров состоит из семи судов, вооруженных 74 пушками «под командованием англичанина по фамилии Дампир... Бог да сохранит вас, ваше превосходительство».

Англичан ждала другая неприятность, когда они перед атакой лежали в лодках в болотистых мангровых зарослях, изнуряемые москитами. Они увидели свет сигнальных факелов там, где они предполагали высадиться на рассвете. Англичане слышали голоса испанских солдат, переговаривающихся в близлежащем лесу, звон колоколов в городе и одиночные выстрелы в той части города, которая подходила к воде. Англичане принялись горячо обсуждать, что делать и не вернуться ли назад. Дампир сказал, что буканьеры в таких случаях обычно отступают, Роджерс предложил компромиссное решение: отступить на лодках, используя отлив, с тем чтобы на следующий день попытаться напасть на город.

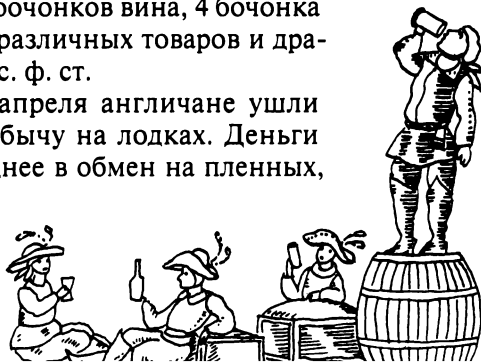
Утром следующего дня опять состоялся военный совет, Довер предложил послать трубача с белым флагом с предложением продать испанцам за наличные деньги пленных и товары и объявить, что в случае отказа на город будет совершено нападение. Роджерс возразил, что такие переговоры лишь дадут врагу время перегруппировать силы и лучше подготовиться к отражению нападения. Но большинство поддержало предложение Довера, считая, что он сам должен выполнить эту миссию. Довер же попытался свалить все на Роджерса. Спор затягивался, грозя провалить замеченное предприятие. Тогда Роджерс предложил,

чтобы вместо трубача были посланы два испанца из команд захваченных кораблей для передачи губернатору предложения англичан. Это было всеми принято. И вместо неожиданной атаки на город начались 12-дневные переговоры с испанцами на чисто коммерческой основе.

Губернатор начал с подарка, передав англичанам муку, кур и вино. Он согласился прибыть на борт английского корабля на следующий день. Когда же он не сдержал своего слова, англичане сказали ему, что сожгут город, если он не придет, добавив, что размер выкупа должен быть не менее 100 тыс. ф. ст. Губернатор сначала предложил 80 тыс., а потом 60 тыс. ф. ст. Роджерс настаивал, чтобы ему было выплачено 80 тыс. ф. ст.

Переговоры затягивались, и Роджерс решил атаковать город. Пушки, установленные на носу лодок, открыли огонь, в то время как Роджерс, Довер и Кортни во главе отряда из 70 человек высаживались на берег. Англичане после ожесточенной перестрелки захватили всю береговую линию и вышли на окраину города. На одной из улиц у церкви они увидели четыре пушки, наведенные на них. Роджерс во главе группы из 10 человек бросился на оружейную прислугу. Испанцы были перебиты, орудия были захвачены. К группе Роджерса вскоре присоединились другие. Они начали захват города, а Дампир с группой матросов был оставлен защищать подходы к лодкам. К утру англичанам удалось овладеть пригородом. Они захватили десятка два пленных. Начался погром. Взламывались двери церквей, и оттуда уносились дорогая утварь, грабились магазины и жилые дома. От разрушения города англичане пока воздерживались, полагая, что теперь уж губернатор отдаст им требуемую сумму выкупа. В ходе дальнейших переговоров сумма выкупа была уменьшена до 60 тыс. ф. ст. с условием, что то, что уже было награблено англичанами, останется у них, а именно: 230 мешков муки, 15 бочонков масла, 160 бочонков вина, 4 бочонка пороха, 1 тонна дегтя, 150 тюков различных товаров и драгоценности на сумму около 1,2 тыс. ф. ст.

Губернатор согласился, и 28 апреля англичане ушли из города, увезя захваченную добычу на лодках. Деньги губернатор обещал прислать позднее в обмен на пленных,

захваченных в городе. Через неделю к Пуне подошла лодка, на которой было доставлено 44 тыс. ф. ст. После угрозы англичан увезти с собой в Англию пленных испанцев губернатор прислал еще 7 тыс. ф. ст. В ответ на это Роджерс освободил пленных.

Вскоре после того как английские корабли исчезли в открытом океане, за ними по распоряжению вице-короля Перу была послана погоня: три испанских и одно французское судно. Но они не сумели найти англичан.

В это время англичане тяжело расплачивались за свой успех в Гуаякиле. В городе, как оказалось, свирепствовала эпидемия какой-то тяжелой болезни. Роджерс называет ее в своих записях злокачественной лихорадкой, а Довер — чумой. Англичане подхватили там инфекцию, и на пути к Галапагосским островам, куда направились их корабли, число больных доходило до 150 человек. Излечившись от болезни пуншем, Роджерс распорядился лечить всех других больных тем же способом.

Дав отдохнуть командам и пополнив запасы продовольствия и питьевой воды на Галапагосских островах, Роджерс приказал кораблям плыть к другой излюбленной базе буканьеров — на острове Горгоны в Панамском заливе. Там англичане отпустили на берег 72 оставшихся у них пленных из команд захваченных испанских судов и распродали часть награбленных товаров. Тут же была произведена раздача «легко делимой добычи» в соответствии с правилами, определенными офицерским советом кораблей. Каждый получил свою долю колец, пряжек, пуговиц, цепочек, одежды, шпаг с серебряными рукоятками и т. п. Но раздача добычи не только не способствовала укреплению дружественных отношений между членами экипажей, а, напротив, привела к серьезным раздорам не только между офицерами и матросами, но и между самими офицерами. Так, Довер был очень недоволен размером полученного добра, Роджерсу пришлось даже перевести его на корабль Кортни. 60 человек подписали петицию с требованием увеличить их долю добычи. На кораблях назревал мятеж. Роджерсу пришлось арестовать четырех человек. Одновременно он собрал всех людей на палубе, потребовал от них заверений

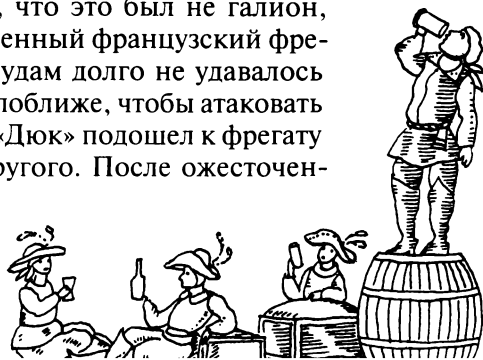
в отказе от мятежных действий, а добившись этого, выпустил арестованных и объявил о сокращении доли офицеров в награбленном имуществе, а также заявил, что он лично отказывается от той добычи, которая была найдена в каютах захваченных кораблей, что всегда считалось «законной» собственностью капитанов приватирских кораблей. «Мы, — писал Роджерс, — чтобы сохранить надлежащую дисциплину, дали команде впечатляющий пример того, как надо свои интересы подчинять общим, даже неся при этом потери».

Установив порядок на кораблях, можно было приступить к дальнейшим разбойничьим операциям. Дампир убедил Роджерса идти на поиски манильского галиона, поскольку первая из его навязчивых идей — разграбление города — была выполнена. Дампир советовал идти к мысу Корриентес на мексиканском берегу и там поджидать галион, идущий в Акапулько. По его подсчетам, корабль должен был появиться через месяц.

Английские корабли подошли к Калифорнийскому заливу и стали на якорь напротив мыса Лукас. Однако, увидев эти пустынные берега, англичане поняли, что в течение месяца им здесь не прокормиться. Действительно, вскоре люди начали страдать от голода. Ждать появления галиона стало мучительно. Наконец, 21 декабря 1709 г. «Дюк» и «Датчис» вышли в море, а «Маркиз» остался. Англичане страстно желали встретить манильский галион.

«К нашей огромной радости и удивлению, — писал Роджерс, — около 9 часов матрос, находившийся на верхушке мачты, закричал, что видит парус на юго-западе от нас примерно на расстоянии семи лиг. Мы немедленно подняли наш флаг и бросились за ним. На «Датчис» сделали то же самое. Но ветер стих, и я распорядился послать пинасу с вооруженными людьми за «Маркизом»².

На следующий день, приблизившись к неизвестному кораблю, англичане увидели, что это был не галион, а обычное судно — хорошо построенный французский фрегат с 40 пушками. Английским судам долго не удавалось подойти к французскому фрегату поближе, чтобы атаковать его. Наконец на следующий день «Дюк» подошел к фрегату с одного борта, а «Датчис» — с другого. После ожесточен-

ной схватки фрегат удалось захватить. Его команда насчитывала 193 человека, девять из них были убиты в бою. Англичане потеряли 20. Сам Роджерс был тяжело ранен. Пуля попала ему в челюсть, и ее потом не могли извлечь в течение нескольких месяцев. Рана сильно беспокоила Роджерса на протяжении всего дальнейшего плавания. После этого он перестал говорить, боясь, что кусок раздробленной челюсти попадет в горло. Все свои распоряжения он писал на бумаге.

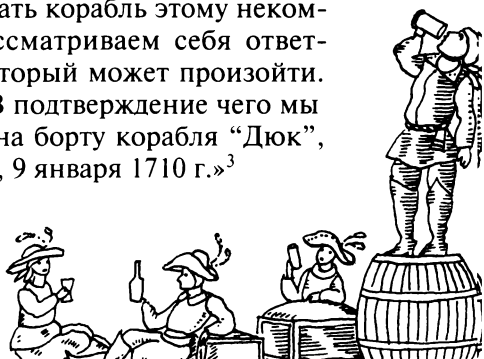
Но была захвачена богатая добыча. Оказалось, что фрегат сопровождал галион и лишь несколько недель назад расстался с ним. Одно было плохо: поскольку фрегат уже заканчивал плавание, продовольствия на нем почти не оставалось, англичане не могли в этом смысле ничем поживиться.

«Дюк», «Датчис» и присоединившийся к ним «Маркиз» продолжали крейсировать в районе Акапулько, поджидая испанский галион. Маленький «Маркиз» 26 декабря первым увидел огромный корабль водоизмещением около 900 тонн. «Маркиз» дал сигнал двум другим судам и, не дожидаясь, пока они подойдут, храбро напал на галион. С «Маркиза» было сделано 350 выстрелов, израсходовано 9 бочонков пороха, но галиону не был нанесен сколько-нибудь серьезный ущерб. Сам же «Маркиз» пострадал весьма основательно.

Когда на следующее утро подошли «Дюк» и «Датчис», испанцы опять оказали англичанам ожесточенное сопротивление. Команда 60-пушечного галиона, насчитывавшая 450 человек, на одну треть состояла из европейцев, причем многие из них были в прошлом пиратами. В течение всего сражения, которое продолжалось 7 часов, англичанам никак не удавалось подойти к борту галиона, чтобы взять его на бордаж. Ядра небольших пушек английских кораблей не причиняли вреда этому морскому великану. Роджерс был опять ранен: осколок раздробил ему лодыжку. Потеряв около 20 человек убитыми, Роджерс и Кортни решили прервать сражение. Они не могли больше рисковать своими людьми и кораблями, находясь в местах, где им невозможно было ни восстановить людские потери,

ни починить суда. Поэтому они позволили галиону продолжить свой путь, а сами занялись более приятным делом — подробным осмотром груза, захваченного на французском фрегате, который они сразу же переименовали в «Бетчелор» в честь бристольского олдермена. В трюме корабля оказались и китайские шелка, и камчатное полотно, и тафта, ткани почти неизвестные в Англии в то время, китайский фарфор, большое количество мускуса, корицы, гвоздики, раскрашенных китайских вееров. Да и сам этот корабль, прочный и надежный, был счастливым приобретением для англичан накануне их обратного плавания. Именно на нем и на «Маркизе» англичане предполагали вернуться на родину. Команду фрегата они отпустили на берег с условием, что французы дадут им выкуп за каждого.

Встал вопрос, кого назначить капитаном захваченного французского фрегата. Довер начал добиваться этого места, что привело Роджерса в великое негодование. Его возмущала сама возможность видеть этого совершенно некомпетентного в морском деле человека в роли командира прекрасного судна. Тяжело раненный Роджерс лежал в своей каюте на «Дюке» и не мог присутствовать на офицерском совете, обсуждавшем вопрос о капитане «Бетчелора». Между тем совет большинством голосов высказался в пользу Довера. Когда Роджерс узнал об этом, то написал письменный протест от имени офицеров «Дюка», которым, собственно говоря, принадлежала честь захвата французского фрегата. В этом документе говорилось, в частности, следующее: «Поэтому мы, будучи заинтересованными в сохранении мира и спокойствия на борту и в целях предотвращения самовольного отстранения упомянутого капитана Довера командой указанного корабля, хотя он совершенно не способен выполнять свои обязанности, заявляем официальный протест против вышеупомянутого командира... и тех, кто выразил желание передать корабль этому некомпетентному командиру, ибо рассматриваем себя ответственными за весь тот ущерб, который может произойти. Это наш официальный протест. В подтверждение чего мы его собственноручно подписали на борту корабля «Дюк», стоящего на якоре у Калифорнии, 9 января 1710 г.»³

Протест не повлиял на решение офицерского совета. Довер стал капитаном «Бетчелора».

12 января 1710 г. все четыре корабля — «Дюк», «Датчис», «Маркиз» и «Бетчелор» — покинули берега Калифорнии и начали плавание через Тихий океан, наметив стоянку на острове Гуам. Дампир был единственным из команды, кто имел опыт такого плавания. Поэтому его советы оказались весьма ценными. С его помощью рассчитали количество продовольствия и питьевой воды, необходимых для этого перехода. По его расчетам, корабли должны были достичь Гуама за 60–70 дней. В действительности англичане пришли к острову за 69 дней, преодолевая за сутки минимально 41, максимально 168 миль. Плавание проходило спокойно, без каких-либо инцидентов на кораблях. Роджерс умел держать людей в крепкой узде, но в то же время понимал, что надо давать им некоторую разрядку в трудном монотонном плавании. Воспользовавшись днем св. Валентина, он распорядился раздать вино, чтобы люди пили, провозглашая по старым морским традициям тосты за здоровье возлюбленных и жен. «Я составил список прекрасных дам Бристоля, — писал Роджерс, — которые в той или иной степени имели отношение к членам экипажей наших кораблей, и послал его моим офицерам в каюты, где каждый, читая его, пил за здоровье дам и их благополучие. Таким образом, я обращал их мысли к дому».

11 марта 1710 г. англичане высадились на Гуаме.

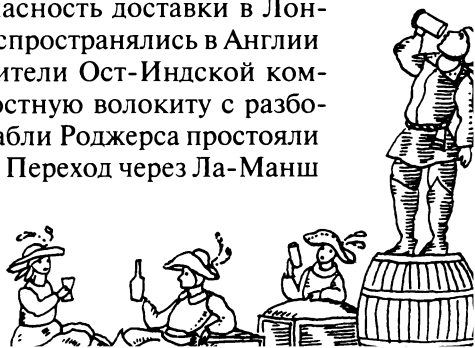
Как и при первом посещении Дампиром острова, испанские власти встретили англичан любезно. Это объяснялось, во-первых, тем, что Гуам, расположенный на главном морском пути через Тихий океан, традиционно служил своеобразной гостиницей для экипажей кораблей всех стран, а во-вторых, потому что испанский гарнизон не был там достаточно сильным, чтобы не бояться ярости изголодавшихся и утомленных матросов в случае отказа дать пищу и кров. Роджерс все еще был болен и не сошел на берег, но его офицеры получили у испанцев необходимое им продовольствие для дальнейшего плавания.

После Гуама англичане прошли Филиппины, остров Целебес и подошли к Батавии. Голландцы приняли

их весьма радушно, поскольку Англия была союзницей Нидерландов. Англичане пробыли в Батавии три месяца, ибо их корабли требовали серьезного ремонта. «Маркиз» был продан. Там же произвели они предварительный раздел награбленного. На долю Дампира пришлось 400 ф. ст., в то время как Довер получил 4 тыс. ф. ст.

От острова Ява корабли пошли к мысу Доброй Надежды, где простояли довольно долго, дожидаясь подхода конвоирующих судов — английских или голландских. В военное время было опасно плыть без сопровождения. Далее путь Роджерса и его спутников шел мимо островов Святой Елены и Вознесения к берегам Англии. 14 октября 1711 г., через три года и два месяца после начала плавания, корабли вошли в Темзу. Дампиру было уже около 60 лет.

Современники считали, что совершившееся плавание было весьма удачным. В Англии распространились слухи, что Роджерсу удалось захватить галион с огромными богатствами. Поэтому, как только корабли появились в европейских водах, внимание правительственных и деловых кругов в Англии было обращено на них. Когда 24 июля 1711 г. корабли прибыли в Амстердам, там уже находились представитель государственного казначейства, представители Ост-Индской компании и бристольских собственников судов. Дело в том, что Ост-Индская компания собиралась наложить арест на суда, как только они войдут в британские воды, на том основании, что лишь она имеет право на перевозку грузов из районов Индийского океана. Представителей бристольских владельцев кораблей как раз и привела в Амстердам боязнь того, что Ост-Индская компания под предлогом своих монопольных прав на перевозку грузов из Индийского океана постарается захватить если не весь груз, то, во всяком случае, наиболее ценную его часть. Представитель же правительства прибыл в Голландию, чтобы обеспечить безопасность доставки в Лондон груза, о ценности которого распространялись в Англии фантастические слухи. Представители Ост-Индской компании сумели создать такую тягостную волокиту с разбором взаимных претензий, что корабли Роджерса простояли в Амстердаме около трех месяцев. Переход через Ла-Манш

был в ту пору очень опасным вследствие активных действий французских приватиоров из Дюнкерка. Поэтому по распоряжению правительства три корабля британского военноморского флота были посланы в Амстердам, чтобы сопровождать суда Роджерса к английским берегам. Никогда еще английские приватиры не удостоивались такой чести.

Когда же наконец корабли добрались до Англии, началась длительная тяжба из-за награбленных богатств. В результате бристольским владельцам судов удалось добиться получения груза, уплатив, правда, определенные суммы денег и правительству, и Ост-Индской компании. В ходе споров было установлено, что никаких необыкновенных богатств захвачено не было. Вместо ожидаемого миллиона фунтов стерлингов после продажи груза было получено 147975 ф. ст. 12 шилл. и 4 пенса. На долю Дампира пришлось всего 1,5 тыс. ф. ст.

Через год после возвращения Роджерса в Англию вышли в свет — одна за другой — две книги об этом плавании. Первой вышла книга, написанная Куком, а через несколько месяцев после нее — книга Роджерса «Путешествие вокруг света», имевшая огромный успех. Дампир счел нецелесообразным писать свою книгу о плавании при наличии на книжном рынке двух других. Он поселился на Колмен-стрит в Лондоне. Его приятельские отношения с Роджерсом продолжались. Они часто встречались. Дампир ввел его в круг своих знакомых, в частности познакомил с Г. Слоаном.

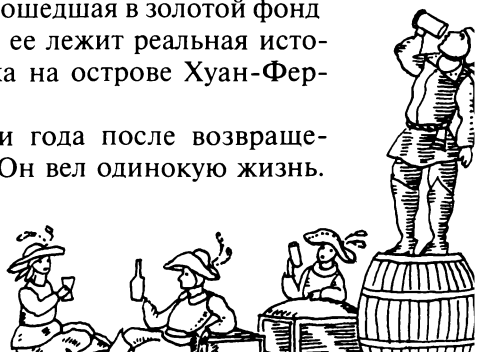
У Роджерса, еще молодого человека, впереди был долгий жизненный путь, оказавшийся если не счастливым, то, во всяком случае, примечательным. Когда кончилась война за испанское наследство, Роджерс предложил правительству свои услуги по борьбе с пиратством в водах Мадагаскара. Он даже разработал проект создания британской колонии в Южной Африке, который, правда, никогда не был осуществлен. Вместо этого правительство назначило Роджерса губернатором Багамских островов, приказав ему уничтожить пиратские гнезда на острове Провидения. Роджерс выполнил эту задачу с присущей ему твердостью и целеустремленностью. Часть пиратов он повесил, другие разбежались. Сдавшимся пиратам было предложено начать

«честную» жизнь. Но даже энергия Роджерса не смогла превратить морских разбойников в добропорядочных колонистов. Роджерс вернулся в Англию полный разочарования и совершенно без средств, так что одно время сидел даже в долговой тюрьме. Там его, между прочим, посетил Даниэль Дефо и долго расспрашивал о знаменитых пиратах. Возможно, что именно Дефо является действительным автором нашумевшей книги «Общая история разбоя и убийств, совершенных наиболее известными пиратами»; ее автором указан капитан Джонсон, о котором никто никогда ничего не слышал. Позднее Роджерс был вновь послан губернатором на Багамские острова и умер там в 1732 г.

Наибольшую известность из всех спутников Дампира в последнем плавании приобрел Александр Селкирк, особенно тем, что стал прототипом одного из наиболее известных в мировой литературе героев. Его судьба после завершения кругосветного плавания была обычной для моряков. Он продолжал плавать и умер у берегов Африки в 1721 г., будучи помощником капитана военного корабля.

В Бристоле по возвращении из плавания на корабле Роджерса Селкирк встретил журналиста Ричарда Стила и рассказал ему о своей четырехлетней жизни на необитаемом острове. Стил посвятил несколько номеров своего журнала «Инглишмен» изложению услышанной истории. Но это была просто запись рассказа Селкирка. А вот в 1719 г. появилась книга под названием «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет на необитаемом острове близ устья реки Ориноко, куда был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написанные им самим». Действительный автор книги (это типично для Дефо) указан не был. Это была знаменитая книга Д. Дефо, вошедшая в золотой фонд всемирной литературы. В основе ее лежит реальная история жизни Александра Селкирка на острове Хуан-Фернандес.

Сам Дампир прожил еще три года после возвращения из кругосветного плавания. Он вел одинокую жизнь.

Ухаживала за ним его кузина Грейс Мерсер. Ей и родному брату Джорджу Дампир завещал все свое имущество — небольшой земельный участок. Но впоследствии оказалось, что наследникам нечего было получать, поскольку за Дампиром после его смерти остались долги — 2 тыс. ф. ст.

Умер Дампир в марте 1715 г. Где он похоронен — неизвестно.

Так незаметно ушел из жизни один из тех людей, деятельность которых столь много способствовала созданию Британской империи, распространившейся так широко на планете, что во владениях ее «никогда не заходило солнце», и распавшейся совсем недавно, в XX веке.

Примечания

КРУГОСВЕТНЫЙ БЕГ «ЗОЛОТОЙ ЛАНИ»

Глава первая

- ¹ Толстой Ю. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией, 1553—1593. СПб., 1875, с. 39—40.
- ² Там же, с. 40.
- ³ Там же, с. 79.
- ⁴ Там же, с. 99.
- ⁵ Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951, с. 332—333, 616.
- ⁶ Толстой Ю. Указ. соч., с. 120.
- ⁷ Мижухев П. Л. История колониальной империи и колониальной политики Англии. СПб., 1902, с. 9.
- ⁸ Lloyd C h. Pacific horizons. London, 1946, p. 50.
- ⁹ Thomson G. M. Sir Francis Drake. London, 1972, p. 3—4.
- ¹⁰ Ibid., p. 4.
- ¹¹ Кристиан Ф. Австралия: История открытий и колонизации, растения и животные пятой части света. СПб., 1871, с. 5.
- ¹² Там же, с. 6.
- ¹³ Мирошанский В. М. Освободительные движения в американских колониях Испании. М.; Л., 1946, с. 8.
- ¹⁴ Hamilton J. American Treasure and the Price revolution in Spain, 1501—1680. Cambridge, 1934, p. 34.
- ¹⁵ Humboldt A. Essai Politique sur le Royaume de la Nouvelle Espagne. Paris, 1811, p. 127.
- ¹⁶ Burney A. A chronological history of the voyages and discoveries in the South Sea, or Pacific Ocean. London, vol. III.
- ¹⁷ Ibid., p. 272.

- ¹⁸ Деберль А. История Южной Америки от захватов до наших дней. СПб., 1899, с. 87–88.
- ¹⁹ Мирошанский В. М. Указ, соч., с. 38–40.
- ²⁰ Thomson G. M. Op. cit., p. 7.
- ²¹ Ibid., p. 9.
- ²² Ibid., p. 17.
- ²³ Mason A. E. W. The life of Francis Drake. London, 1941, p. 9.
- ²⁴ Thomson G. M. Op. cit., p. 18.
- ²⁵ Williams N. Francis Drake. London, 1973, p. 45.
- ²⁶ Corbett J. S. Drake and the Tudor navy. New York, 1899.
- ²⁷ Mason A. E. W. Op. cit., p. 20.
- ²⁸ Ibid., p. 23.
- ²⁹ Williams N. Op. cit., p. 51.

Глава вторая

- ¹ Thomson G. M. Op. cit., p. 69.
- ² Mason E. A. W. Op. cit., p. 48–49.
- ³ Thomson G. M. Op. cit., p. 79.
- ⁴ Ibid.
- ⁵ Mason A. E. W. Op. cit., p. 60.
- ⁶ Thomson G. M. Op. cit., p. 85.
- ⁷ Corbett J. S. Op. cit., p. 189.
- ⁸ Ibid., p. 210.
- ⁹ The World Encompassed by Sir Francis Drake. London. 1854, p. 9–12.
- ¹⁰ Ibid., p. 15.
- ¹¹ Ibid., p. 27–28.
- ¹² Ibid., p. 34–36.
- ¹³ Thomson G. M. Op. cit., p. 110.
- ¹⁴ The World Encompassed..., p. 61–65.
- ¹⁵ Ibid., p. 66–67.
- ¹⁶ Ibid., p. 87–69.
- ¹⁷ Ibid., p. 40.
- ¹⁸ Ibid., p. 40–42.
- ¹⁹ Ibid., p. 48.
- ²⁰ Шекспир У. Полное собрание сочинений. М., 1960, т. 8, с. 139.
- ²¹ The World Encompassed..., p. 49.
- ²² Ibid., p. 49.
- ²³ Ibid., p. 50.
- ²⁴ Ibid., p. 51–52.
- ²⁵ Ibid., p. 212–214,
- ²⁶ Ibid., p. 215.

- ²⁷ Ibid., p. 216.
²⁸ Ibid., p. 73.
²⁹ Ibid., p. 75.
³⁰ Ibid., p. 86.
³¹ Ibid., p. 88.
³² Ibid., p. 99.
³³ Ibid., p. 102.
³⁴ Ibid., p. 104.
³⁵ Ibid., p. 105.
³⁶ Ibid., p. 106.
³⁷ Ibid., p. 107.
³⁸ Ibid., p. 108.
³⁹ *Nuttall L.* New light on Drake: A collection of documents relating to his voyage of circumnavigation 1577–1580. London, 1914, p. 163.
⁴⁰ Ibid., p. 161.
⁴¹ Ibid., p. 160.
⁴² Ibid., p. 173.
⁴³ Ibid., p. 162.
⁴⁴ Ibid., p. 171–172.
⁴⁵ Ibid., p. 9.
⁴⁶ Ibid., p. 9–10.
⁴⁷ Ibid., p. 10.
⁴⁸ Ibid., p. 404.
⁴⁹ Ibid., p. 405.
⁵⁰ *The World Encompassed...*, p. 111–112.
⁵¹ *Nuttall L.* Op. cit., p. 201–206.
⁵² *The World Encompassed...*, p. 113.
⁵³ *Thomson G. M.* Op. cit., p. 137–138.
⁵⁴ *The World Encompassed...*, p. 120.
⁵⁵ Ibid., p. 121.
⁵⁶ Ibid., p. 122.
⁵⁷ Ibid., p. 122.
⁵⁸ Ibid., p. 123.
⁵⁹ Ibid., p. 123–124.
⁶⁰ Ibid., p. 128.
⁶¹ Ibid., p. 129.
⁶² Ibid., p. 131.
⁶³ *Williams N.* Op. cit., p. 110.
⁶⁴ *The World Encompassed...*, p. 135.
⁶⁵ Ibid., p. 152.
⁶⁶ Ibid., p. 161.
⁶⁷ *Williams N.* Op. cit., p. 123.

- ⁶⁸ *Mason A. E. W.* Op. cit., p. 196–197.
⁶⁹ *Keynes J. M.* A treatise on money. London, 1930, p. 156–157.
⁷⁰ *Thomson G. M.* Op. cit., p. 160–161.
⁷¹ *Williams N.* Op. cit., p. 125.
⁷² Ibid.
⁷³ Ibid.
⁷⁴ Ibid., p. 127.
⁷⁵ *Corbett J. S.* Op. cit., p. 329.
⁷⁶ Ibid, p. 330.

Глава третья

- ¹ *Thomson G. M.* Op. cit., p. 169.
² *Williams N.* Op. cit., p. 133.
³ *Mason A. E. W.* Op. cit., p. 218.
⁴ Ibid., p. 254.
⁵ *Thomson G. M.* Op. cit., p. 197.
⁶ *Mason A. E. W.* Op. cit., p. 270.
⁷ Ibid., p. 269.
⁸ Ibid., p. 272.
⁹ Ibid., p. 277.
¹⁰ *Thomson G. M.* Op. cit., p. 208.
¹¹ *Mason A. E. W.* Op. cit., p. 285–286.
¹² Ibid., p. 295.
¹³ *Thomson G. M.* Op. cit., p. 219–220.
¹⁴ Ibid., p. 222.
¹⁵ Ibid., p. 225.
¹⁶ *Mason A. E. W.* Op. cit., p. 313.
¹⁷ Ibid., p. 314.
¹⁸ *Thomson G. M.* Op. cit., p. 268.
¹⁹ Ibid.
²⁰ Ibid., p. 269.
²¹ *Williams N.* Op. cit., p. 187.
²² *Thomson G. M.* Op. cit., p. 282.
²³ Ibid., p. 292.
²⁴ Ibid., p. 295.

Глава четвертая

- ¹ *Williams N.* Op. cit., p. 212.
² Ibid, p. 220.

ТРИЖДЫ ВОКРУГ СВЕТА

Глава первая

- ¹ *Shipman I. C.* William Dampier seaman-scientist. Kansas, 1962, p. 5.
- ² *Lloyd Ch.* William Dampier, L., 1966, p. 16.
- ³ *Ibid.*, p. 17–18.
- ⁴ *Ibid.*, p. 20.
- ⁵ *Ibid.*, p. 28.
- ⁶ *Ibid.*, p. 35.
- ⁷ *Ibid.*, p. 36–37.
- ⁸ *Ibid.*, p. 39.
- ⁹ *Bonner W. N.* Captain William Dampier, buccaneer author. L., 1934, p. 14–15.
- ¹⁰ *Lloyd Ch.* *Op. cit.*, p. 40–41.

Глава вторая

- ¹ *Lloyd Ch.* *Op. cit.*, p. 42.
- ² *Ibid.*, p. 44.
- ³ *Ibid.*, p. 47–48.
- ⁴ *Ibid.*, p. 49.
- ⁵ *Bonner W. N.* *Op. cit.*, p. 11–13.
- ⁶ *Lloyd Ch.* *Op. cit.*, p. 50.
- ⁷ *Пугафемма А.* Путешествие Магеллана. М., 1950, с. 62–63.
- ⁸ Там же, с. 66.
- ⁹ *Carano P., Sanchez P.* A Complete History of Guam. Tokyo, 1969, p. 46.
- ¹⁰ *Cox L. M.* The Island of Guam. Wash., 1926, p. 29.
- ¹¹ *Carano P., Sanchez P.* *Op. cit.*, p. 79–80.
- ¹² *Lloyd Ch.* *Op. cit.*, p. 54–55.
- ¹³ *Ibid.*, p. 56.
- ¹⁴ *Ibid.*, p. 56–57.
- ¹⁵ *Ibid.*, p. 70.
- ¹⁶ *Ibid.*, p. 58.
- ¹⁷ *Bonner W. N.* *Op. cit.*, p. 16–18.
- ¹⁸ *Lloyd Ch.* *Op. cit.*, p. 63–64.

Глава третья

- ¹ *Lloyd Ch.* *Op. cit.*, p. 66.
- ² *Ibid.*, p. 69.

³ *Свифт Дж.* Путешествия Гулливера. М., 1946, с. 456.

⁴ Там же, с. 622–623.

⁵ *Lloyd Ch.* Op. cit., p. 82–83.

⁶ Ibid., p. 85.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid., p. 91.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid., p. 94–95.

Глава четвертая

¹ *Lloyd Ch.* Op. cit., p. 99.

² Ibid., p. 103.

³ Ibid., p. 107.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., p. 108.

⁶ Ibid., p. 113.

⁷ Ibid., p. 101.

Глава пятая

¹ *Lloyd Ch.* Op. cit., p. 134.

² Ibid., p. 145–146.

³ Ibid., p. 149.

Содержание

КРУГОСВЕТНЫЙ БЕГ «ЗОЛОТОЙ ЛАНИ»

Глава первая. Линия раздела	7
Глава вторая. Путь к «сокровищнице мира»	41
Глава третья. Гибель «Непобедимой армады».	128
Глава четвертая. Последнее плавание	174

ТРИЖДЫ ВОКРУГ СВЕТА

Глава первая. С буканьерами в Панаму	189
Глава вторая. Путешествие вокруг света	207
Глава третья. В Новую Голландию	234
Глава четвертая. Вновь вокруг света	256
Глава пятая. Последнее кругосветное плавание	270
Примечания	287

Малаховский К.

М18 Пираты британской короны Фрэнсис Дрейк и Уильям Дампир /
Ким Малаховский. — М. : Ломоносовъ, 2010. — 296 с. — (История. Гео-
графия. Этнография).
ISBN 978-5-91678-072-7

Книга доктора исторических наук Кима Малаховского посвящена двум выдающимся английским мореплавателям Фрэнсису Дрейку и Уильяму Дампиру. Первооткрыватели и исследователи новых земель они в то же время промышляли пиратством, получив на это официальное разрешение британской короны. На их совести разоренные поселения, десятки ограбленных кораблей и сотни человеческих жизней. Непреклонные и беспощадные, алчные до чужих сокровищ, преданные своей стране — такими остались они на страницах истории великих географических открытий.

УДК 929

ББК 63.3

История. География. Этнография

Малаховский Ким

Пираты британской короны
Фрэнсис Дрейк и Уильям Дампир

Редактор В. Петров
Художественный редактор Е. Трушина
Верстка М. Васильевой

Подписано в печать 29.07.2010.

Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 18,5. Тираж 3000 экз. Заказ № 3233.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119270 Москва, Лужнецкая набережная,
д. 2/4, стр. 8, 4 этаж, офис 400
Тел. (495) 788-85-20
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

В СЕРИИ

также

ВЫШЛИ:

Лев Минц

КОТЕЛОК дядюшки Ляо

Виталий Бабенко

ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ

Ольга Семенова-Тян-Шанская

ЖИЗНЬ «ИВАНА»

Владислав Петров

ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ

Свен Хедин

В СЕРДЦЕ АЗИИ

Геннадий Коваленко

РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА

Лев Минц

ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО

Бенгт Янгфельдт

ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ

Олег Ивик

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ

Анна Мурадова

КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ

Даниэль Клугер

ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО

Валерий Гуляев

ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ

Светлана Плетнева

Половцы

Ким Малаховский
Пираты
британской
короны
Фрэнсис Дрейк
и Уильям Дампир

Эта книга посвящена Фрэнсису Дрейку и Уильяму Дампиру — знаменитым мореплавателям и беспощадным пиратам. Получив патент на пиратство от английского трона, они грабили корабли на просторах мирового океана и испанские колонии на американском континенте и при этом совершали великие географические открытия. Жестокие и непреклонные, они добывали славу своей стране и богатство самим себе. Неутомимые первооткрыватели, пытливые исследователи, безжалостные убийцы — такими вошли Дрейк и Дампир во всемирную историю мореплавания.

Ким Малаховский (1925—1998) — доктор исторических наук, профессор, автор многих научно-популярных книг. Работал в отделе Австралии Института востоковедения Российской академии наук.

